

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 2 (18). 2004

Содержание

ЮБИЛЕИ

290 лет Красному Селу

Н. М. Иваненков

Общими усилиями вернем Красному Селу его былую славу! 3

Ю. Н. Петров

Дудергоф. Самое древнее поселение на самой высокой точке территории Петербурга и окрестностей 5

А. Н. Лукирский

Красносельский военный лагерь 1765 года 11

Т. И. Николаева

Историческая застройка Красного Села 14

С. А. Малышев

«Брань под Красным» 28

Л. А. Малашевская

Красносельский лагерь в рисунках и акварелях П. А. Федотова 33

Н. В. Миронова

Бальзак в Красном Селе 38

Е. И. Веселов, О. А. Крючков

Военные медики на красносельских маневрах 40

В. Е. Мураев

Красносельский гальванер 43

А. А. Лопатин

Героиня красносельских дивертисментов 44

Л. И. Кузьмина

Великий князь Константин Константинович в Красном Селе 47

А. П. Керзум, Т. К. Иванова

П. М. Горбунов – создатель Фабричного поселка в Красном Селе 51

А. В. Лужбин

Из Красного Села – на войну. Из истории российской императорской конницы 59

С. Н. Полторак

Красное Село, год 1944-й. И 30 лет спустя 65

В. М. Шадрова

Лето в Красном Селе 67

Н. В. Гужиева

Возвращение 71

ПИСАТЕЛИ О ПЕТЕРБУРГЕ

Н. А. Лейкин

Мои воспоминания. *Продолжение* 75

ЮБИЛЕИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Р. В. Дегтярева, С. Н. Полторак

Юрий Сергеевич Васильев 82

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

И. В. Калинина

Особняк Кельха. *Окончание* 83

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А. А. Литвинов

Воспоминания кирасира ее величества. *Продолжение* 90

СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Командующие войсками Ленинградского военного округа

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

Леонид Александрович Говоров 96

Сведения об авторах

100

Главный редактор

С. Н. Полтораки, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук

Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор

В. С. Измолик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор

Ю. А. Лимонов, доктор исторических наук, профессор

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, доцент

Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор

В. Л. Пянкевич, доктор исторических наук, доцент

Т. А. Славина, доктор искусствоведения, профессор

А. А. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент

Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор

Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор

В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор

И. М. Триодина, кандидат культурологии

С. Б. Ульянова, кандидат исторических наук, доцент

А. Н. Чистиков, кандидат исторических наук

В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полтораки

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: nestorklio@mail.ru

<http://www.spbhistory.spb.ru>

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2004

© Авторы публикаций, 2004

© Издательство «Нестор», 2004

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — «Апофеоз архитекторов Дальберга и Кохендерфера». Художник С. Н. Горлов. 1979–1989 гг.

На 4-й странице обложки — «Через Неву». Художник С. Н. Горлов. 1979 г.

290 лет Красному Селу

ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ ВЕРНЕМ КРАСНОМУ СЕЛУ ЕГО БЫЛУЮ СЛАВУ!

Для нас, жителей Красного Села, выход посвященного нашему городу номера петербургского журнала – событие радостное и многообещающее. Приятно, что на наше приглашение принять участие в его подготовке откликнулись ученые из разных учреждений Петербурга. Верится, что найдется и еще множество неравнодушных к Красному Селу и его славной истории.

Сегодня Красное Село – это скромная городская окраина, не выдерживающая сравнения с блистательными пригородами Петербурга. По историческим меркам совсем недавно, в 1973 году, Красное Село, город областного подчинения, вошел в состав северной столицы. Пушкин, Павловск, Ломоносов вошли в состав Ленинграда намного раньше.

Между тем Красное Село возникло одновременно со столицей по воле ее строителя – Петра. Работавшая еще с тех пор бумажная фабрика (ОАО «Красногородская экспериментальная бумажная фабрика») стоит у истоков петербургской промышленности. В последнее время Красное Село не отстает от других городов пригородной зоны, включая в себя такие крупные предприятия, как ОАО «Мостоотряд-19», ОАО «Питер-Лада», ЗАО «Чипита Санкт-Петербург», ОАО «Автогазстрой», Филиал «Завод «Экран» ОАО НПП «Радуга», НИИ вакцин и сывороток, ЗАО «Петронефтьспецконструкция» и др.

Но все же интересен наш город в первую очередь своей историей – памятью о начавшихся здесь в 1765 году по повелению Екатерины II гвардейских маневрах и военных лагерях. Наибольшей известности Красное Село достигло в XIX – начале XX века, когда маневры стали регулярными и грандиозными, привлекая к себе, без преувеличения, внимание всего мира. Здесь побывали первые лица многих стран, выдающиеся военачальники, деятели культуры. Специфика лагерной жизни и определила необычную судьбу Красного Села, оживавшего летом и замиравшего во все остальные месяцы. Здесь не к месту были бы роскошные резиденции, все было скромным – даже царские дворцы, поэтому и не было стимула к восстановлению разрушенного в ходе кровопролитных боев Отечественной войны. К тому же, и это главное, – политические запреты советской эпохи стирали память о гвардейцах, о царях-военачальниках и о маневрах.

Сегодня для возрождения Красного Села созданы благоприятные условия. Мы, живущие здесь, делаем для этого все возможное. В начале 90-х годов прошлого века в одном из ведущих предприятий ОАО «Мостоотряд-19» был организован музей истории Красного Села. Профессиональная поддержка В. Грибанова, сотрудника петербургского музея А. Суворова, обеспечила высокий уровень экспозиции.

Огромными усилиями подлинного энтузиаста Е. М. Гришина был установлен закладной камень на месте испытания первого в мире самолета А. Ф. Можайского, а затем организован Музей пионеров авиации.

Хлопотами верующих возвращен Санкт-Петербургской епархии старей-

ший в окрестностях Петербурга Троицкий собор XVIII века, сейчас ведется его реставрация. Идет сбор средств на восстановление часовни XIX века на бывшем военном кладбище. По решению экспертного жюри Министерства культуры РФ выделены средства и создан фильм «Красносельские маневры», который получил удостоверение национального фильма России и в ближайшее время будет показан по центральному телевидению.

Ежегодно теперь проводятся праздничные мероприятия, посвященные Дню города Красное Село.

Особенно активна и плодотворна работа учителей истории – краеведов Н. Ф. Атаковой, Е. А. Венгеровской, Е. Е. Морозова и других замечательных педагогов, прививающих детям патриотические чувства. Публикуются сборники лучших работ учащихся о Красном Селе. Стало традицией проводить летом интересные, увлекающие ребят военно-спортивные игры, названные в память о прошлом «Красносельскими маневрами». Замечательно, что в последнее время состав участников расширился: в играх с удовольствием участвуют учащиеся школ других районов Петербурга.

Наша цель – всемерное увеличение престижа Красного Села. Утраченная былая слава его столь велика, что возрождение заслуживает усилий всех россиян.

Сейчас Красное Село испытывает общие для России трудности. В прошлом оно – владение царской семьи – славилось исключительным порядком, чистотой, замечательными дорогами. А сейчас многие дороги требуют ремонта. Не случайно приоритетным направлением в расходовании средств местного бюджета депутатами определено благоустройство территории муниципального образования. Но за хозяй-

ственными трудностями, доставшимися муниципальному Совету, не хотелось бы забывать о духовной жизни. В сентябре 2004 года исполнится 290 лет с тех пор, как Петр I переселил в наши места подмосковное Красное Село, основав новое поселение с бумажной фабрикой. А в июне будущего 2005 года будет 240 лет первым гвардейским маневрам, на которых впервые отличился А. В. Суворов. Мы намерены широко отпраздновать эти юбилеи, важные не только для нас, жителей Красного Села, но и для всей страны. В сентябре этого года будет проведена научная конференция, а к юбилею следующего года – выйдет сборник статей об истории Красного Села. Приглашаем всех желающих участвовать в этой работе, а имеющих интересные и новые материалы – поделиться ими с редакцией.

Добро пожаловать в Красное Село!

Глава муниципального образования
г. Красное Село
Н. М. Иваненков

Дудергоф

Самое древнее поселение
на самой высокой точке территории
Петербурга и окрестностей

Ю. Н. Петров

На самой южной границе современного Санкт-Петербурга в составе муниципального образования «Город Красное Село» у подножия Дудергофской возвышенности находится поселок Можайский – бывший Дудергоф. Первое официальное документальное упоминание Дудоровского погоста Водской пятины Новгородского княжества, центром которого было селение Дудора, относится к 1500 году¹. Однако этот факт вовсе не означает, что возраст Дудергофа составляет «всего» 503 года, – просто в российских архивах за более ранний период такого рода документы отсутствуют. Корни возникновения Дудергофа восходят к древним временам и связаны прежде всего с географическим положением и особенностями данной местности. На основании ряда публикаций² их можно представить так.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДУДЕРГОФСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

10–15 тысяч лет назад в районе современных южного Приневья и Приладожья закончил свое существование (растаял) пришедший со Скандинавских гор ледник. По пути его движения образовались гряды холмов (озы) из осадочных пород, в том числе Красносельско-Дудергофская и Пулковско-Пушкинская-Кирхгофская. Один из отрогов (языков) остановился и растаял, упершись в складку земной коры, образовавшую Дудергофскую возвышенность, другой – Кирхгофскую.

Уровень Балтийского моря превышал современный, и современное Ладожское озеро было од-

ним из его заливов. Затем Ладожское озеро отделилось от Балтийского моря, стало бессточным водоемом, заполненным талой ледниковой водой. Постепенно Ладожское озеро своим южным берегом приблизилось к бассейну реки Мги, которая была его притоком. А Балтийское море подходило к бассейну реки Тосны, которая впадала непосредственно в него. Между Мгой и Тосной, Ладожским озе-

ром и Балтийским морем был водораздел.

3–4 тысячи лет назад Ладожское озеро широким, в десятки километров проливом преодолело водораздел и хлынуло в Балтийское море. Так образовался Ладожско-Балтийский пролив, затопивший почти всю территорию южного Приневья, южного Приладожья и южного берега Финского залива.

Генеральная карта 1734 г.
Из книги С. Кепсу «Петербург до Петербурга». СПб., 2000 г.

2–3 тысячи лет назад ладожская вода пробилась узкую, но глубокую протоку в районе Ивановских порогов. Вода устремилась в эту протоку, и размеры Ладожско-Балтийского пролива стали уменьшаться, пока он не превратился в современную реку Неву, а дно бывшего пролива стало сушей.

В период существования Ладожско-Балтийского пролива на его акватории находились в виде островов перечисленные выше гряды возвышенностей. Самыми высокими из них были Дудергофская (176 м) и Кирхгофская (170 м), поэтому они в виде островов в Ладожско-Балтийском проливе существовали всегда. А Пулковско-Пушкинская возвышенность (75–82 м) стала островом позднее. Дудергофская возвышенность является самой высокой точкой Петербурга и окрестностей в радиусе десятков километров.

СЕЛЕНИЕ ДУДОРА

Существует распространенное мнение, что на территории Водской пятины, соответствующей современной Ленинградской области, в древние времена жили пришедшие около 2 тысяч лет назад с Алтая и Приуралья угро-финские племена водь и ижора, вепсы и

чудь. Постепенно они мирно слились путем взаимной ассимиляции с племенами ильменских словен и руссов, ставших преобладающей частью населения этих мест. Буквально со всех сторон пришли сюда и множество других народностей, в том числе из Пскова, с Днепра, с Волги, из Прибалтики, Скандинавии, Западной Европы, с Севера и Востока.

Как уже было сказано, до IX–X веков Приладожская низ-

менность, соответствующая границам Ижорской земли, была занята широким Ладожско-Балтийским проливом. Поэтому никакие племена до этого периода проживать там не могли.

Однако Дудергофская (Дудоровская) возвышенность в виде острова Ладожско-Балтийского пролива существовала до заселения прилегающей местности. Этот остров занимал практически центральное положение в данном проливе на путях интенсивного движения между Западом и Востоком, Югом и Севером. Поэтому он хорошо известен многим путешественникам, мореплавателям и купцам, служил им опорным пунктом и навигационным ориентиром, но мог быть и пунктом дислокации разбойников, захватчиков, пунктом защиты от них и несения сторожевой службы. Конечно, держать такой объект под своим контролем было очень выгодно, поэтому на острове мог содержаться сторожевой пост владеющего островом государства (княжества, вотчины и т.п.). Наиболее вероятно, что остров принадлежал Новгородскому княжеству или его предшественникам – ильменским словенам, руссам с южного берега Ильменя, из Пскова или Киевской Руси. Именно оттуда и были направлены на остров или назначены из его аборигенов люди, выполнявшие погранично-сторожевые, навигационные и иные функции. По

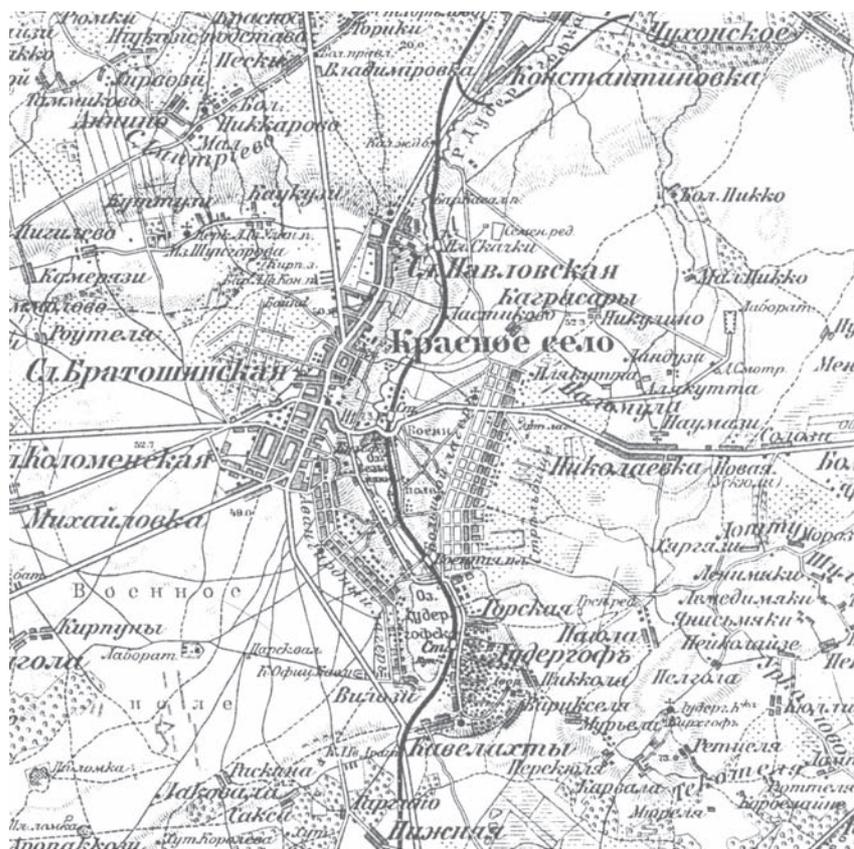
Дудергофское озеро. Открытка начала XX в. Из книги Н. Перевезенцевой «По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины»

мере постепенного уменьшения площади Ладожско-Балтийского пролива вокруг него появлялось все больше участков суши, пока остров не превратился в наиболее высокую на многие километры точку окружающей местности (около IX–X веков).

Поселиться на острове могли любые из проплывавших мимо него мореплавателей. По нашему мнению, одними из первых поселенцев острова могли стать славяне, словены или угро-финны, выполнявшие по поручению Новгорода перечисленные выше функции, прежде всего навигационные. Наиболее доступными способами осуществления их могли стать звуковые (удары в какой-либо предмет аналогично колоколу или барабану, генерация звуков другими способами – гудками, трубами, свистками, звукоимитацией и т.д.) и визуальные (разжигание сигнальных костров, выставление знаков оповещения и т.п.) сигналы. Документальных подтверждений этой версии нам пока обнаружить не удалось. Но зато мы собрали исторические свидетельства того периода, когда упомянутый остров еще выполнял такого рода функции.

Это свидетельство содержится в книге А. Васильева (1858)³. Автор пишет: «Я видел список с древней рукописи, в ней сказано, что посланные из древнего Новгорода дошли “до чудских селений Пулкъ и Дудора, где сеша въ ладии и поплывоша”». Анализируя это краткое, но очень информативное сообщение, можно отметить следующее.

Из того, что новгородцы поплыли из селений Пулк и Дудора, следует, что эти селения находились в Ладожско-Балтийском проливе. Судя по тому, что к селениям Пулк и Дудора пришли, Ладожско-Балтийский пролив к тому времени заканчивал свое существование и эти селения на Пулковско-Кирхгофской гряде и Дудергофской возвышенности стали уже не островами, а полуостровами. Упоминание посланных из Новгорода свидетельствует, что описанные события происходили скорее всего в IX веке, когда сформировался Новгород (882). Как следует из текста, в селениях Пулк и Дудора для перевозки посланных из Новгорода были не псковские

Карта Красного Села

струи, не шведские шнеки, не волжские челны, а именно лады. Упоминание о ладьях – специфических довольно крупных новгородских судах – говорит о том, что названные селения находились в подданстве у новгородцев, которые содержали там лады и людей для транзитных сообщений. Вероятно, в селениях Пулк и Дудора был целый парк ладей с командами для перевозки посланцев и купцов, то есть это были морские порты аналогично сухопутным почтовым станциям с перекладными лошадьми или постоялым дворам. А в них должны были быть стража, таможня, судоремонт, интендантство, навигационное хозяйство и другая инфраструктура, администрация. Различие же между селениями Пулк и Дудора, из-за которого именно Дудорово стало центром Дудоровского погоста, состояло в том, что Дудоровская возвышенность была на 100 метров выше Пулковской, а в те времена это имело очень большое значение. К тому, что селения Пулк и Дудора названы «чудскими», следует относиться с пониманием того, что в древние времена славяне «чудью»

или «чухнами» обычно называли все неславянские племена Приладожья, Прионежья, Псковщины и Прибалтики. В данном случае можно считать, что, возможно, первыми на указанных островах в Ладожско-Балтийском проливе поселялись люди из племени води, ижоры, вепсов, руссов или других народностей, которые с образованием Новгородского княжества стали его подданными.

Таким образом, первое упоминание селения Дудора как исторический факт относится по крайней мере к IX веку. Отметим, что по характеру повествования в летописи можно понять, что посещение новгородцами селения Дудора было ординарным, обычным явлением. Поэтому не исключено и даже весьма вероятно, что оно находилось там и раньше или гораздо раньше, чем возник Новгород, то есть его история насчитывает более 1000 лет. Во всяком случае на территории современного Петербурга и его окрестностей, еще 1000 и более лет назад затопленных Ладожско-Балтийским проливом, более древних поселений не обнаружено и быть не могло.

Впоследствии благодаря своему исключительно выгодному географическому и военно-транспортному положению селение Дудора стало центром Дудоровского погоста, занимавшего центральное место в Водской пятине и международных транспортных связях; это был период его наивысшего расцвета. В XVII веке Дудоровский погост, а затем баронство Дудергофское занимали все южное побережье Финского залива от Автова до Красной Горки на севере и до реки Ижоры на юге между Ижорским и Кипенским погостами на востоке и западе. Около 200 лет Дудергоф был именем царской семьи, их спокойным красивым дачным местом отдыха. В этот период он был главным населенным пунктом Дудергофской волости Царскосельского уезда Петербургской губернии, в состав этой волости вначале входили Красное Село и Гатчина. С началом Первой мировой войны и прекращением красносельских маневров, а особенно после 1917 года, Дудергоф стал заштатным дачным поселком, каким и пребывает до сих пор. Пропали географические преимущества положения Дудергофа, но ничто не может лишить его замечательных природных особенностей, уникального геологического происхождения и славной истории.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «ДУДЕРГОФ»

Высказанные выше гипотезы позволяют по-иному взглянуть и на общепринятую, переходящую из одной публикации в другую версию о саамском происхождении названия селения на Дудоровских возвышенностях.

Роль Ивана Сусанина для исследователей топонимики Дудергофа взял на себя член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих (1890–1949). Для этого он выдвинул предположение о саамском происхождении названия Дудергоф, которое подхватил и развил А. И. Попов (1981)⁴, а затем, не задумываясь, стали повторять другие авторы, добровольно взяв на себя роль завлеченного Сусаниным в непроходимые дебри отряда, в числе которых такие известные топонимики, как С. В. Кисловский

(1974)⁵, К. С. Горбачевич и Е. П. Хабло (2003)⁶ и другие. Суть этой гипотезы состоит в следующем: в одном из диалектов саам (лопарей) имеется слово *duoddar*, означающее комплекс гор, горный массив, отдельную гору, возвышенность. Это слово якобы вошло в русский язык как «тундра»; из другого саамского диалекта слово *tundr* превратилось в финское *tunturi*, из которого в XVIII веке возникло германизированное имя Дудергоф.

Анализ этой гипотезы начнем с самого очевидного ляпсуса: авторы утверждают, что германизированное имя Дудергоф возникло «только в XVIII веке, когда здесь находилась дворцовая мыза, наименование которой было искусственно подогнано под общий характер таких названий, как Петергоф, Ораниенбаум и т.д.». Но ведь хорошо известно, что после заключения Столбовского мирного договора в 1617 году, то есть в XVII веке, за 100 лет до начала строительства Петергофа и Ораниенбаума, Дудоровская возвышенность и Дудоровский погост стали именем Юхана Шютте под названием «Дудергоф», а барон Шютте получил титул «Дудергофский». Непростительно грубая ошибка, подвергающая сомнению и другие утверждения этих авторов.

Еще пример вольного обращения с историей – приписывание древним саамам (лопарям) приоритета в присвоении названия селению Дудора. Это версия о происхождении названия Дудоровской возвышенности и селения Дудора от саамских слов *duoddar*, *tunturi* и даже связи с «тундрой». Действительно, у саамов, живущих в приполярной поморской тундре – на крайнем севере Скандинавии у Баренцева моря, нередки названия гор и возвышенностей со словом «Тунтури»: Исо-Тунтури, Писари-Тунтури, Кивин-Тунтури и др. Таким образом, несомненно, что это слово является саамским и обозначает горы, возвышенности. Вопрос состоит только в том, есть ли какая-нибудь связь между поморскими саамами и появлением более 1000 лет тому назад названия Дудоровская возвышенность и селение Дудора. Ответ на него может быть только отрица-

тельным, так как нет абсолютно никаких доказательств того, что в те времена на острове в центре Ладожско-Балтийского пролива откуда-то появились саамы, давшие имя селению Дудора, и оно (имя) сохранилось в течение многих веков при отсутствии тогда письменности и картографии, при отсутствии саамов в этой местности и пребывании в ее окрестностях сменяющих друг друга племен и народностей. Таким образом, версия о проживании или хотя бы о пребывании саамов на Дудоровской возвышенности около 1000 лет назад не находит исторического подтверждения и, более того, противоречит многим другим фактам.

Первая группа из этих фактов – географическая. Если бы в Приневе когда-то жили саамы, здесь остались бы и другие «тунтуры» или произошедшие от них «дудеры». Но ни одного такого или подобного названия на территории по крайней мере Ленинградской области не встречается. Как нет их и на Кольском полуострове, где жили и живут саамы. В то же время финские названия гор и возвышенностей встречаются сплошь и рядом. Как известно, в финском языке для обозначения гор и возвышенностей существует единственное, безальтернативное название в двух вариантах: *mägi* и *mäki*. И в непосредственной близости от Дудергофа на картах начала XX века значатся Пудомяги, а совсем рядом, на Кирхгофской возвышенности, находятся Янисьямки, Ленимямки, Лемедимьямки и Пекколамямки. В нескольких близлежащих местах для обозначения гор с 1500 года используются названия Горы и Горки.

Вторая группа фактов – лингвистическая. Если «тунтури» – это нарицательное имя гор, возвышенностей, то в паре к ним должно быть собственное имя каждой «тунтуры». Так это и происходит у приполярных саамов (см. выше) и у финнов (Пудомяги, Янисьямки и т.п.). Если «дудор», как утверждают эти авторы, – нарицательное имя «гора, возвышенность», образованное от «тунтури», то у этого нарицательного имени должно быть в паре и собственное имя. А где оно? Если на острове в Ладожско-Балтийском проливе уже су-

ществовало «селение Дудора», то при чем здесь *tunturi*, относящееся к суше?

И, наконец, самым существенным доводом в пользу не саамского, а именно русского происхождения названия селения Дудора является то, что в «Обозрении писцовых книг по Нову-Городу и Пскову» (П. И. Иванов, 1841)⁷, в «Алфавитном указателе селам, сельцам, деревням, пустошам, селищам, займищам и погостам», значащимся в писцовых книгах за 7008 (1500) год, записаны в Новгородском уезде Водской пятины и в Обонежской пятине – Дудоровские деревни, а в Деревской пятине и в Пскове – три Дудоровых пустоши. Следовательно, в исконных местах проживания древних словен название «Дудоровские» применительно к пустошам и деревням встречалось неоднократно и, безусловно, не может считаться заимствованным из саамского; не связано оно и с нарицательным именем гор или возвышенностей.

Таким образом, искать в названии селения Дудора и Дудоровской возвышенности саамские корни нет никаких оснований.

Если отсутствие связи названия селения Дудора с саамскими диалектами является бесспорно доказанным фактом, то выяснение его истинного происхождения значительно труднее, и полученные нами результаты пока не могут считаться окончательными.

Изложение своей версии происхождения названия селения Дудора начнем с анализа предполагаемых нами причин ошибок, допущенных нашими предшественниками. Помимо приведенных выше ошибок в историческом аспекте, мы считаем ошибочным и узкогеографический подход к изучению топонимики.

В русской топонимике использование географических основ в названии населенных мест не является ни единственным, ни ведущим, ни преобладающим. Гораздо чаще, чем географические, за основу берутся профессиональные характеристики жителей (Кузнецово, Гончарово, Рыбаково и т.п.), их фамилии (Иваново, Петрово, Сидорово и т.п.), черты характера (Веселово, Хмурово, Буяново и т.п.) и другие («Горелово, Неелово, Неурожайка

тож»). По нашему мнению, название селения Дудора могло произойти от рода занятий или от личностных характеристик населявших его жителей. Возможно, эти жители были дудочниками, славились своей игрой на дудах и/или изготовлением их. По В. И. Далю, «дудочник – дударь, играющий на дудке»; известна русская народная песня: «Эх, дударь мой дударь, веселый дударь!» Есть у В. И. Даля и менее симпатичная трактовка: «дудора» – хлам, дрянные пожитки, дурак, дура; «дудоры» – волокитство, шашни. Последние трактовки кажутся нам малопригодными для образования названия погоста и даже селения. Поэтому интерпретация «дударь» представляется нам более уместной и убедительной. Возможно, первый дударь – житель острова в Ладожско-Балтийском проливе – своим «дудением» предупреждал окружающих, как это делают звери и птицы, что территория острова занята им.

Предположение о «дударе» согласуется и с нашей гипотезой о навигационной роли острова с селением Дудора в Ладожско-Балтийском проливе. Как мы уже упоминали, одним из способов этого навигационного обеспечения могло быть обозначение острова с селением Дудора издаваемыми каким-либо способом звуками: дудками, трубами, гудками. Эти гудки были всем известны, всем понятны и остро необходимы, поэтому издававший их дударь был самым известным человеком, по нему получил свое название остров, а позднее и Дудоровская возвышенность. До настоящего времени в условиях плохой видимости на море корабли и маяки подают звуковые сигналы (гудки).

Самое главное отличие нашей версии от версий предшественников – «дударь» это личное занятие человека, а не название природного географического объекта. В подтверждение этой версии можно привести следующие факты.

В упоминавшейся книге А. Васильева со ссылкой на древнюю летопись указывается «селение Дудора», то есть название, данное по роду занятий человека, а не по названию природного географического объекта. В шведских писцовых книгах за 1618–1623 годы в

упоминавшемся «Алфавитном списке» указано село «Dudorof». Конечно, не исключено, что отсутствие буквы «h» в этом названии – просто описка. Но с учетом тщательности оформления этих книг шведами вполне можно допустить, что это отражает существо дела. А именно – это означает, что владельцем данного селения является человек по имени или профессии «дудор». Между прочим, «hof» по-шведски и по-немецки означает и «место жительства», сокращенно – «селение», но и «двор», конечно; так что и «Duderhof» и «Dudorof» – все равно «селение Дудора», дословный перевод с русского на шведский. На старинных картах около Кирхгофской возвышенности обозначен «дом Лукаря». Дом Лукаря – селение Дудора...

Таким образом, можно считать доказанным, что слово «дудор» с чередующимися гласными «о» и «е» имеет исконно русское происхождение, скорее всего обозначает профессию (должность) или соответствующее ей прозвище человека, жившего на острове в Ладожско-Балтийском проливе. Это слово позднее дало название и возвышенности, на которой находилось селение Дудора, а затем – и всему погосту, где она играла значительную роль. Интересная деталь из книги финского исследователя Сауло Кепсу «Петербург до Петербурга» (2000)⁸ в подписи к Генеральной карте 1734 года: «Ранее к губернии относились погосты Дудергоф (Туутари) и Инкери на западной стороне Невы»... Причем этот исследователь, специально изучавший вопросы этнографии и топонимики Ингерманландии, ни единым словом не упоминает ни бубриховских саамов, ни их «тунтури», «дуоддар» или «тундр».

Очень интересный факт обнаружен нами в известном старинном повествовании «Слово о полку Игореве». Про стремительный поход князя Всеслава Вещего после взятия Новгорода к реке Немиге сообщается: «Волком проскочил с Дудуток к Немиге». А в комментариях Д. С. Лихачева к поэтическому переводу «Слова» Н. А. Заболотским отмечается: «Дудутки – вероятно, местность под Новгородом»⁹. Так что же это были за Дудутки? Весьма вероятно, что это

было название той местности под Новгородом, где жили дудут(о)ки, то есть дудники, дудоры, через которую шел путь из Новгорода по Водской пятине к реке Немиге (Неману?) и которая имела название Дудоровские горы. Причем для автора «Слова» Дудутки – такое же привычное, не требующее пояснений название, как Киев, Чернигов, Новгород, Полоцк и Тмутаракань, поэтому и проскочил у него князь к Немиге не из Новгорода, а с Дудуток (ср.: с Альп, с Карпат, с Ижорских возвышенностей). Таким образом, уже в одном из первых литературных памятников русской истории и культуры впервые упоминается горная местность вблизи Новгорода, где в 1067 году жили дудут(о)ки – дудоры.

Есть, однако, вариант, примиряющий версии о русском и финском происхождении названия Дудергофа и Дудергофской возвышенности. Он заключается в том, что название селения Дудора могло состоять из двух частей – русской и финской. Начнем с последней. В финском и эстонском языках есть слово «saag» – «остров». Вполне можно допустить, что остров, на котором жил дударь, от которого исходило дудение, так и назывался – «Дудсар», то есть «Остров дударя» или «Дудящий остров»; впоследствии, когда остров превратился в полуостров, а затем в Дудоровскую возвышенность на территории Новгородского княжества, слово «Дудсар» окончательно

Вокзал в Дудергофе. 1899 г. Из книги Н. Перевезенцевой «По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины»

но русифицировалось и ввиду выраженной созвучности превратилось в «Дударь», а затем – в «Дудор». То есть «saag» в названии селения Дудора было таким же временным явлением, как и сам остров. Аналогично, например, тому, что Царское Село – это бывшее Саарское Село (кстати – на Кирхгофско-Пулковской гряде возвышенностей), остров Заячий в Неве имел название Яниссар, остров Белый у Сестрорецка (ныне Белоостров) – Валгасар. В устье Невы были острова Калассари (Рыбный), Килиссари (Козий), Ламмассари (Овечий) Кирвиссари (Лосиный), а также Кивиссари

(Каменный), Койвуссари (Березовый), Корписсари (Аптекарский), Ристиссари (Крестовский) и др. А в Финском заливе – сплошные «сары»: Найссар, Осмуссар, Ремиссар и др. Иными словами, приемлемы любые варианты, кроме придуманного Бубрихом и развитого Поповым.

Таким образом, название селения Дудора было известно около 1000 лет назад и было связано с его островным положением, сигнально-навигационной функцией его жителей – дудением. Более древних поселений на территории современного Петербурга и окрестностей нет.

¹ Переписная окладная книга по Нову-Городу Вотской пятины 7008 года (2-я половина) // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 11. С. 286; Карта Водской пятины и ее погостов в 1500 году / Сост. архимандритом Сергием. СПб., 1905.

² Полное собрание русских летописей. СПб., 1841; Немиров Г. А. Опыт истории С-Петербургской биржи в связи с историей С-Петербурга. СПб., 1888; Горелова Э. М. и др. Ладога. Л., 1974; Лобанов И. Н. О природе дислокаций Дудергофских высот в окрестностях Ленинграда // Геотектоника. 1976. № 6. С. 89–98; Лобанов И. Н. О природе дислокаций Дудергофских высот и района г. Павловска // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1979. Т. 111. Вып. 4. С. 334–342; Строение и происхождение Дудергофских высот (окрестности Ленинграда) / Гейснер Е. Л., Дашко Р. Э., Колтунова И. В. Малаховский Д. Б. // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1980. Т. 112. Вып. 2. С. 138–146; Нежиховский Р. А. Река Нева и Невская губа. СПб., 1981; Хазанович К. К. Геологические памятники Ленинградской области. Л., 1982; Шарымов А. Нева и ее дельта весной 1703 года // Аврора. 1994. № 9–10. С. 83–122; Даринский А. В. Невский край. СПб., 2000.

³ Васильев А. Откуда пришел Рюрик и его варяги. СПб., 1858. С. 31.

⁴ Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории геогр. названий Ленинградской, Псковской и Новгородской обл. Л., 1981.

⁵ Кисловский С. В. Знаете ли Вы?: Словарь геогр. названий Ленингр. обл. Л., 1968.

⁶ Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? СПб., 2003.

⁷ Иванов И. П. Обзорение писцовых книг по Нову-Городу и Пскову. М., 1841.

⁸ Кепсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра: (Пер. с фин.). СПб., 2000.

⁹ Пчелов Е. В. Рюриковичи. История династии. М., 2003. С. 454.

Красносельский военный лагерь 1765 года

А. Н. Лукирский

Летом 1765 года императрица Екатерина II наметила провести большие маневры. Генералы и офицеры должны были показать, что они не утратили боевой опыт, полученный в годы Семилетней войны, и «охотно и усердно все и каждый понесли бы жизнь свою, за честь и славу великия своея Самодержицы, и в оборону своего Отечества»¹.

Для войск гвардии и полков, квартировавших вокруг Санкт-Петербурга, местом проведения маневров, которые были назначены на июнь 1765 года, были выбраны окрестности Красного Села, в 30 верстах от Санкт-Петербурга.

К маневрам привлекались гвардейские полки (три пехотных и один кавалерийский) под командованием генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина, образовавшие дивизию вместе с Кирасирским наследника цесаревича полком и 3-м кирасирским полком и тремя армейскими полками; Санкт-Петербургская дивизия генерал-аншефа князя А. М. Голицына, в нее, в частности, входил и Суздальский полк А. В. Суворова (восемь пехотных, два кавалерийских, один бомбардирский полк), и Финляндская дивизия генерал-аншефа П. И. Панина (пять пехотных и два кавалерийских полка). Общее число войск, участвовавших в маневрах, насчитывало более 30 тысяч человек (17 пехотных и 7 кавалерийских полков при 44 орудиях).

Войска должны были вступить в лагерь 15 июня 1765 года. Полки осматривались Екатериной II на стоянках и на марше, когда они проходили мимо дачи графа Сиверса, «что на Петергофской дороге, на 12 версте от Петербурга». Оттуда Екатерина II, Павел Петрович и сопровождавшие их генерал-аншефы граф З. Г. Чернышев и князь А. М. Голицын и генерал-поручик граф А. Г. Орлов 12 июня

Екатерина II

Павел I

1765 года наблюдали за прохождением бомбардирского полка (более 3 тысяч человек и 44 орудий).

13 июня полки Финляндской дивизии следовали к месту маневров через Санкт-Петербург. Как записал в своем дневнике воспитатель наследника С. А. Порошин, за их прохождением наблюдали императрица и цесаревич, «после обеда часу в пятом в начале поеха-

ли смотреть Петра Ивановича Панина Финляндскую дивизию из деревянного Зимнего дворца, где она мимо маршировала. Петр Иванович сам предводительствовал. Шесть полков было пехотных, один гусарский и Архангелогородский карабинерной Мансурова. Полки очень понравились»².

14 июня полки гвардии выступили из своих слобод в Санкт-Петербурге, собрались около Вологодской Ямской и «маршировали того же дня до полудня до деревни Лиговой в 16 верстах от С.Петербурга, и тамо ночевать лагерем стали»³. 15 числа все полки, назначенные для маневров, прибыли в Красносельский лагерь, расположившийся у подножия Дудергофской горы, туда же инкогнито прибыла Екатерина II, желая осмотреть войска «вне официальной» обстановки. 16 и 17 июня полки тренировались в исполнении ружейных приемов. 18-го Екатерина II «официально» прибыла в лагерь «в построенный в крайней скорости, однако ж великой и хорошо убраной дом в 10 часов того же вечера»⁴.

19 июня в приходской церкви Красного Села в присутствии Екатерины II была отслужена божественная литургия. После которой «по полудни в пятом часу соизволила Ея Императорское Величество в мундире Конной гвардии и в провожании свиты и detachmenta Конной гвардии отправиться верхом в лагерь»⁵. Армия стояла в две линии, главная квартира располагалась на левом фланге, на склоне Дудергофской горы. На правом фланге первой линии стоял Кирасирский наследника цесаревича полк, в рядах которого, во главе эскадрона своего имени, стоял великий князь Павел Петрович. По приказу императрицы Павел выехал из строя и сопровождал ее при осмотре полка и остальных войск. При встрече императрицы

полки «отдавали честь и склоняли знамена»⁶. По окончании смотра был произведен «беглый огонь». Смотр продолжался более двух часов. По его окончании Екатерина II пересела в фаэтон и вернулась в свою главную квартиру, куда «велено быть всем генералам и штаб-офицерам, коих Ея Величество жаловала к руке»⁷.

20 июня войска были разделены на две армии – императрицы (гвардия и Санкт-Петербургская дивизия) и П. И. Панина (Финляндская дивизия). Дивизии П. И. Панина был «дан сигнал, в пять минут весь лагерь той дивизии сняли и выступили в поход двумя колоннами», отделившись от главной армии⁸. Во время похода войска сопровождали Екатерина II, Павел Петрович, многочисленная свита и волонтеры, целью марша был лагерь под мызой Сиворицы. «Как скоро дошли, свернули знамена, а как сигнал дан, чтоб ставить лагерь, тотчас промаршировали отводные и палочные караулы, а прочие принялись ставить палатки. Весь лагерь поставлен был в четыре минуты. Ея Величество таким проворством и исправностью и регулярством чрезвычайно была довольна»⁹. Из главной армии был выделен легкий корпус бригадира Измайлова, в который вошел батальон Суздальского полка под командованием полковника А. В. Суворова.

На долю корпуса Измайлова выпали ответственные и, вместе с тем, почетные обязанности. 21 июня во второй половине дня суздальцы сопровождали императрицу во время рекогносцировки. Это было свидетельством доверия и к полку, и к его командиру. За год до описываемых событий императрица проводила смотр полку, несшему караульную службу в столице, и, оставшись довольной его выучкой и внешним видом, распорядилась выдать солдатам по рублю, а офицеров «пожаловала к руке». Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что Екатерине был хорошо известен отец полкового командира суздальцев – генерал-аншеф Василий Иванович Суворов, своей преданностью и честностью давно заслуживший искреннее уважение императрицы. Он тоже был на маневрах в каче-

стве подполковника лейб-гвардии Измайловского полка, в этот чин он был произведен за участие в перевороте 1762 года¹⁰.

Во время рекогносцировки после кавалерийской «стычки» с неприятельскими пикетами Суздальский полк при поддержке конницы перешел в наступление от Дудергофского холма к реке Пудость. Императрица следовала за полком. К 10 часам вечера, успешно завершив рекогносцировку, части ее корпуса вернулись на свои места, где и простояли весь следующий день, так как из-за дождя маневры не проводились.

23 июня «боевые действия» ограничились отражением атаки войск П. И. Панина на корпус Измайлова, который занимал «плоское место от мызы Тоицкой до буера и рощи направо». 24 июня вся кавалерия армии императрицы произвела «разведку боем», атаковав лагерь армии Панина, но атака была отбита артиллерийским огнем. 25 июня в ходе «генеральной баталии» отряд Измайлова захватил пост и орудие на правом фланге панинских войск, после чего Екатерина II приказала своим войскам пристраиваться к левому флангу Измайлова. Затем, согласно плану баталии, пехота стала теснить «неприятеля», а Суздальский полк произвел демонстрацию с целью показать возможность отрезать войска П. И. Панина от трех мостов на реке Пудость. Маневры завершились «огневым боем» и последовавшим за ним отходом корпуса Панина за реку.

26–27 июня императрице были представлены все офицеры, принимавшие участие в маневрах: 26-го – гвардии и кирасирских полков, 27-го – С.-Петербургской «по утру» и Финляндской «после полудни» дивизий. Одновременно проходила подготовка к празднованию трехлетия вступления на престол Екатерины II.

Утром 28 июня Екатерина II принимала поздравления, после этого она отправилась в полковую церковь лейб-гвардии Преображенского полка, где была отслужена торжественная обедня. После нее войска, построены в общей каре, произвели троекратный беглый ружейный огонь. Вечером празднование продолжилось в спе-

циально устроенной для этого палатке. «Описание той палатки, или лучше сказать дому, в котором был бал и ужин, хотя оной был зделан весь из полотна, здесь никак помещено быть не может; но довольно коротко сказать, что за день до сего торжества, на сем месте ничего видимого не было; что сей дом имел равные четыре фаса, каждый по 30 сажень длиной, на восьми сажнях ширины; что внутри оставшегося двора воздвигнуто было здания великолепные триумфальные врата представлены; что весь сей дом, по всем четырем фаса равно вдоль разделенный, имел две превеликие залы для танцевания, с особливими для музыкантов оркестрами, и четыре неотделенные от оных кабинета, в которых столы для игранья в карты поставлены были, и несколько еще кабинетов; а по углам все фасах бюфеты стояли»¹¹.

Около семи часов вечера был торжественный обед на 365 персон, после обеда танцы. Около полуночи стены дома были подняты, и «началась от артиллерии, близко от сего дома поставленной, на построенной тут же деревянный городок, пред которым земляной вал в две сажени с половиною вышины, на двенадцать сажений ширины, с пропорциональным рвом сделан был, и которые в одно время с домом вырос, после чего зажженным подкопом городок подорван, и вал обрушенной ров засыпан»¹². После представления был устроен фейерверк.

Празднование ознаменовало окончание маневров. Войска распустили по квартирам. Суздальский полк выступил из Красносельского лагеря 1 июля и отправился в Новую Ладогу.

Красносельские маневры 1765 года были первыми в серии маневров, проведенных в царствование Екатерины II. В этом ряду можно назвать маневры 1768 года в Прибалтике, маневры Кубанского корпуса 1774 года, Крымского корпуса 1778 года, маневры, проведенные в 1787 году в Кременчуге, и серию маневров, проведенных А. В. Суворовым в 1792–1793 годах в Тульчине. Но, на красносельском лагерном поле маневры не проводились до 1819 года. Можно отметить, что красносельские маневры 1765 года имели ограниченное военно-прак-

тическое значение. Лагерный сбор не стал постоянным местом для обучения крупных воинских соединений, а результатами маневров, по оценке П. И. Панина, были больше заинтересованы иностранные послы, чем командование русской армии¹³. Впоследствии, в царствование императрицы Екатерины, маневры отдельных дивизий проводились их командирами, а проведение масштабных маневров русской армии будет приурочено к крупным политическим событиям. Поэтому политическая подоплека маневров выходит на первый план.

Дата проведения маневров была приурочена к трехлетию вступления на престол новой императрицы, которая отметила эту дату в окружении лиц, которые привели ее к власти. Но положение императрицы нельзя было назвать прочным. В это время вокруг императрицы шла активная борьба за власть среди нескольких группировок. Одна из них, во главе с Г. Г. Орловым, стояла за самодержавное правление императрицы, другая, не менее влиятельная, под руководством фактически занимавшего в этот момент должность канцлера Российской империи и воспитателя наследника престола Н. И. Панина, брата командира финляндской дивизии, – видит в императрице только регентшу при

Павле Петровиче. «Роли», которые исполняли участники маневров, были заранее определены императрицей и должны были показать, что именно Екатерина II будет отныне править страной.

В ходе маневров любая армия, при которой находится императрица, обречена на выигрыш «сражения», вне зависимости от соотношения сил. Поэтому выбор командира «условного противника» для войск императрицы закономерен. Побеждая на маневрах брата главы противостоящей ей группировки, Екатерина II символически наносила поражение своим политическим противникам. Тому, кто был знаменем оппозиции, – Павлу Петровичу, в сценарии маневров было отведено незавидное место статиста. Он занял скромное место командира эскадрона кирасирского своего имени полка, который сопровождал императрицу по ее прямому указанию. Тем самым Екатерина II давала понять – править в ближайшее время она собирается самовластно, не желая играть роль регентши.

Красносельские маневры следует рассматривать как смотр сил, преданных новой императрице. В «Описании лагеря...» не случайно вставлена следующая фраза: «Всем вообще, вспоминая прежние свои подвиги, доказать, елико можно во

время глубокой тишины и покоя, коль охотно и усердно все и каждый понесли бы жизнь свою, за честь и славу великия своя Самодержицы»¹⁴. Здесь следует дать некоторые пояснения. Повышения в ходе Семилетней войны и производства при воцарении Петра III и Екатерины II создали 50% сверхкомплекта штаб-офицеров. Для уменьшения численности был принят ряд мер, в основном ускоренное предоставление отставки всем желающим. На службе остались молодые энергичные штаб-офицеры, хорошо зарекомендовавшие себя во время Семилетней войны. Одновременно с омоложением командного состава была проведена замена командиров полков, в том числе в полках, стоявших вокруг столицы¹⁵. Новые командиры, недовольные правлением Петра III, «привлеченные Екатериной II к активной служебной деятельности, освобожденные от опасности увольнения и получившие все возможности для дальнейшего развития своей карьеры, эти офицеры стали надежной опорой новой императрицы в армии»¹⁶. Именно об этих офицерах шла речь в процитированном выше отрывке из «Описания лагеря...», и именно свою верность императрице демонстрировали молодые полковники на красносельских маневрах 1765 года.

¹ Описание лагеря, собранного под высочайшею ее императорского величества собственной командой при Красном Селе, с объяснением, какие при этом были намерения и что по тому каждого дня достопамятного происходило. (Далее – Описание...) СПб., 1765. С. 7.

² Порошин С. А. Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1884. Ст. 330.

³ Описание... С. 9.

⁴ Описание... С. 11.

⁵ Надо отметить, что маневры проходили, как правило, во второй половине дня, когда Екатерина II заканчивала заниматься государственными делами.

⁶ Порошин С. А. Указ. соч. Ст. 330.

⁷ Там же. Ст. 330.

⁸ Там же. Ст. 331.

⁹ Там же.

¹⁰ Любопытно отметить, что в «Описании...» полковник Суворов (единственный из штаб- и обер-офицеров) дважды одобрительно упомянут, а среди гвардейских подполковников единственный среди упомянутых – его отец Василий Иванович.

¹¹ Описание... С. 36.

¹² Там же.

¹³ Порошин С. А. Указ. соч. Ст. 335.

¹⁴ Описание... С. 7.

¹⁵ Калашников Г. В. Влияние участия в Семилетней войне на служебную карьеру офицеров русской армии // Суворовские чтения. 2000. Ноябрь. СПб., 2001. С. 25–27.

¹⁶ Там же. С. 27.

Историческая застройка Красного Села

Т. И. Николаева

Планы и карты, датируемые 1667 годом, снятые землемерами шведского межевого корпуса в целях точного описания сельскохозяйственных угодий и упорядочения взимания налогов, позволяют описать территорию нынешнего Красного Села¹. На прямой «перспективе», совпадающей с будущей Петербургской улицей, находилась кирха (ныне установлен памятник Ленину). Южнее кирхи стоял дом пастора с садом, которому принадлежала значительная часть земли. Севернее были земли капеллана и его жилище, занимавшие значительно меньшую часть территории. Фортификационное сооружение, обозначенное на плане прямоугольником, присутствует на более поздних планах Красного Села XIX века, где оно названо «бывшим шведским редутом». Предназначенный для круговой обороны и устроенный на верхней террасе у оврага, он частично сохранился до настоящего времени. Восточнее редута находилась дорога, ведущая к Дудергофской мызе.

В ходе Северной войны (1700–1721) Россия вернула земли, захваченные шведами, и начала их освоение.

В литературе название «Красное» связывается с красивым положением этой местности. М. И. Пыляев в книге «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» пишет, что до 1811 года это поселение называлось в официальных бумагах «дворцовым селом Красным»².

Найденный в Российском государственном историческом архиве документ позволяет дать новую трактовку названия, связав его с переселением под Петербург по указанию Петра I крестьян из подмосковного Красного Села, которое возникло в царствование императора Петра Великого. Крестьяне подмосковного Красного Села были переведены императором на новое место для усиления

русского элемента в завоеванной Ингерманландской области. Переселенцы образовали слободы, соответствующие по названию слободам подмосковного Красного Села, а именно: Братошинскую, Коломенскую и Павловскую³.

Петр I ценил не только уникальные возможности местности около Дудергофских гор, но и ее стратегическое значение как узла дорог – на Кольвань (Ревель) и в Курляндию, проходивших впоследствии через Братошинскую и Коломенскую слободы. В 1709 году в долине реки Дудергофки царь начал освоение свободных земель, выбрав место для бумажной мельницы и положив начало известнейшей в России и за ее пределами мануфактуре.

Красное Село получило еще большее значение после того, как вблизи него было обнаружено новое месторождение медных руд. В документе, датированном 1726 годом, говорится: «Велено строить заводы... мельницу, которая для сементного заводу, и строением отдать тому медному заводу 2. Для того б заводу и на выгон по берегу речки лиги отвести кругом земли во все стороны по двести по пятидесят сажен, а в тех местах, где будет копана руда около штолен и шахтов, мастеровым и работным людям в длину и поперек сажен по тридцать»⁴.

Наряду с возникновением деревень и созданием промышленных поселений часть территории в районе Дудергофских высот предназначалась для будущей императрицы Екатерины I. В Красном Селе для нее был построен деревянный дворец рядом с Троицкой церковью.

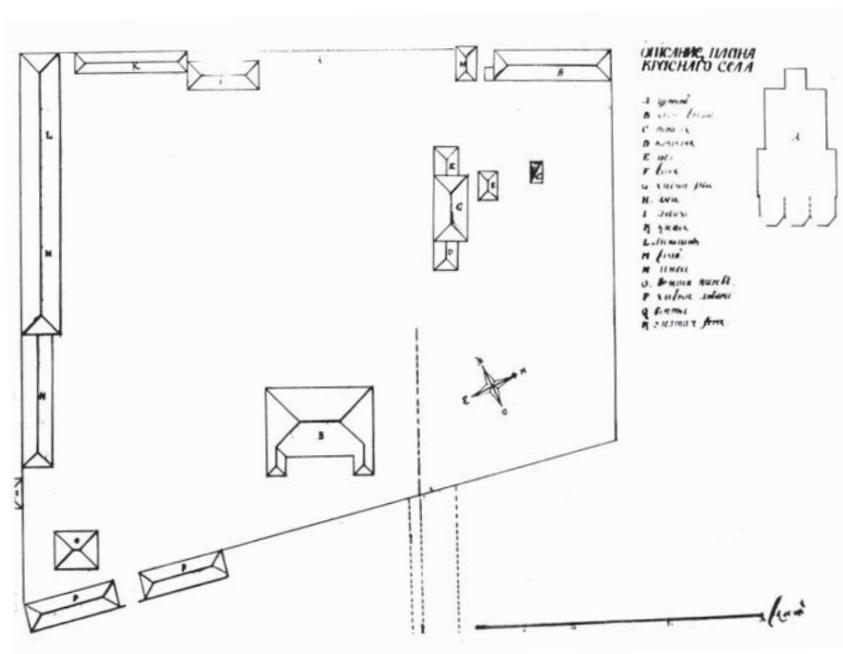
Как явствует из документов, 22 октября 1743 года архитектор Джузеппе Трезини получил указание «осмотреть старый дворец, в каком состоянии оной находится, и осмотреть места, можно ли где кирпичный завод строить и извести обжигать... по осмотру пока-

занной старой деревянной дворец снизу в фундаменте, нижние бревна погнили, и для того оной надлежит разобрать и поставить на каменном фундаменте и которые бревна погнили те переменить новыми, а для кирпичного заводу обретено глинистое место между бумажной и медной мельницей»⁵.

Сохранился план села за 1743 год, на котором обозначены «церковь, хоромы Болише, поварня, караульня, изба, баня, хлебные избы, амбары, хлевы, конюшни, сарай, фрясный погреб, хлебные амбары»⁶. Документ, датированный 1748 годом, свидетельствует о намерении построить новый дворец по проекту «учиненному обер-архитектором Растрелием» в связи с обветшанием старого дворца⁷.

Архитектор Растрелли в своем послужном списке, включавшем работы с 1716 по 1764 год, отметил строительство лишь деревянного охотничьего дома на каменном фундаменте в Красном Селе⁸. Документов, подтверждающих строительство дворца, не обнаружено. В 1765 году согласно высочайшему повелению было решено «от зимнего деревянного дому один флигель отдать Главной дворцовой канцелярии для разобранья и перестройки в Селе Красном»⁹. Эти работы были поручены архитектору А. Ринальди. Очевидно, имелся в виду флигель пятого временного деревянного Зимнего дворца. Найденный план старого Красносельского дворца с флигелями, подписанный Корнелисом ван Болесом, можно датировать серединой XVIII века¹⁰. Деревянное здание имело в плане П-образную форму. На генеральном плане, подписанном архитектором Е. Т. Соколовым*, который следует датировать концом XVIII века,

* План был введен в научный оборот Т. И. Николаевой. – *Ред.*

Генеральный план Красного Села. 1743 г.

изображены старый и новый дворцы с флигелями¹¹.

Центром Красного Села служила церковь, сооруженная при Екатерине I. «А по справке с Санкт-Петербургским духовным Правлением в вышеупомянутом Селе Красном церковь имеется деревянная во имя великомученицы Екатерины, а при ней прихожих 277 дворов»¹², – свидетельствует донесение в Синод в 1733 году, которое позволяет судить о существовании здесь большого поселения. От императрицы было получено 350 рублей на строительство каменной церкви «во имя Живоначальной Троицы с приделом великомученицы Екатерины»¹³. В литературных источниках¹⁴ строительство церкви, построенной в барочном стиле, связывается с именем архитектора И. Бланка и датировано 1733–1735 годами. На плане 1743 года, ранее рассмотренном, церковь имела крестообразную форму с тремя выделенными апсидами (ныне пр. Ленина, 108). Из наиболее значительных перестроек следует выделить работы, проведенные в 1854 году архитектором А. И. Резановым и связанные с расширением храма.

К строительным работам в Красном Селе привлекались известные петербургские архитекторы. Сметы за 1796 год на построение каменной конюшни на 200 стойл

подписаны И. Е. Старовым, а сметы на возведение белильного двора для полотняной мануфактуры, состоявшего из пяти корпусов, – Е. Т. Соколовым¹⁵. Обращает на себя внимание другая его смета на «разломку дворца со службами, с разработкою материалов в дело годных особо, а гнилых лесов тоже особо и с очисткою места»¹⁶. Очевидно, тогда рассматривался вопрос об императорском дворце.

В XIX веке строительство в Красном Селе приобрело широкие масштабы. План Коломенской слободы «с назначением каменных и деревянных домов», составленный, судя по водяным знакам бумаги, после 1806 года, показывает изменения в той части села¹⁷. Там предполагалось построить значительное количество каменных домов, «при которых наружные стены каменные, а внутренние – деревянные, каждый дом разделен на два отделения»¹⁸. На плане Братошинской слободы, относящемся к тому же времени, показаны 120 деревянных домов с обозначением земли под огороды и сады и отмечены погоревшие крестьянские дома¹⁹. Южнее дороги на Павловскую слободу находилось кладбище. Топографическая карта 1817 года свидетельствует о том, как шло формирование слобод Красного Села вдоль главной дороги – Петербургской улицы.

В 1819 году императрица Мария Федоровна предложила Александру I купить Красное Село и «приобрести сим случаем единственное место около Санкт-Петербурга, находящееся для произведения маневров», которые проводились там еще с конца XVIII века²⁰. Пересеченный рельеф местности, источники чистой воды, небольшое расстояние от столицы и других царских резиденций способствовали этому выбору.

С тех пор возведение различных построек в Красном Селе финансировалось Удельным департаментом. Согласно архивным делам за 1820 и 1823 годы, было предусмотрено строительство домов по проекту И. Лукини для великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, часто приезжавших на маневры²¹.

В 1825 году император утвердил планы «по устройению Красного Села», с тем чтобы «расположить совершение всех назначенных построек на несколько лет»²². В том же году предполагалось приступить к построению дворца для великого князя Николая Павловича, военного госпиталя, трех крестьянских двойных домов, двух «одинаких» крестьянских домов, семи крестьянских домов на месте развалившихся каменных. На 1826 год отнесли строительство дворца для великого князя Михаила Павловича, пятнадцати крестьянских двойных домов и восьми «одинаких», перedelку военного госпиталя в генеральский корпус. В 1827 году планировалось построить дом батальонного командира, экзерциргауз, двадцать двойных и десять «одинаких» крестьянских домов. На следующий год предполагалось возвести дом для удельного госпиталя, сорок пять двойных и девять «одинаких» крестьянских домов. К 1829 году относилось возведение сорока двойных и тридцати «одинаких» крестьянских домов. Таким образом, происходило постепенное преобразование Красного Села, объединяющего слободы сельского характера, в военное поселение городского типа.

15 декабря 1827 года Николай I сообщал министру императорского двора об утверждении планов на постройку дворцов для себя и великого князя Михаила Павлови-

ча, караульни, лазарета для крестьян, а также кавалерских домов²³. Возведение этих строений к лагерному сезону поручалось архитектору З. Ф. Дильдину²⁴.

В 1827 году рассматривался также вопрос о постройке дома для удельного правления на участке, с которого должны были снести крестьянские дома: три каменных и один деревянный. Участок располагался на Петербургской улице напротив дома государя императора. Для крестьян же отводилось место на вновь назначенной улице – Дворцовой²⁵. Однако к строительству не приступили. Был составлен проект удельного госпиталя, расположенного в «симметрию военного» и соединенного с флигелями для приезжающих. Главный фасад деревянного здания имел 3-4-1-4-3 осей. Вход был оформлен в виде двухколонного дорического портика. Центральная часть и боковые выступы оформлялись рустовкой и треугольными фронтонами. Фасады флигелей для приезжающих на три оси также имели рустовку в боковых частях. Окна оформлялись замковыми камнями²⁶.

3 октября 1827 года были утверждены планы и фасады Конюшенного двора, подписанные архитектором Дильдиным. В состав двух конюшенных дворов, расположенных напротив дворцов, вошли жилой флигель, конюшни и сарай, имевшие скромное декоративное оформление²⁷. Тогда же получили утверждение чертежи каменного кухонного корпуса, одноэтажного здания с гладким фасадом на семь осей и трехчастным окном во фронте, составленные Дильдиным²⁸. Утвержденный 6 октября 1827 года план кордегардии (гауптвахты) представлял собой одноэтажное здание на три оси. Чертеж также составил архитектор Дильдин²⁹. В июле 1828 года ему же поручили приступить к постройке образцового сельского училища³⁰. Его предполагалось построить на Санкт-Петербургской улице возле дома купца Крашенинникова, который занимал великий князь Михаил Павлович, «почти против церкви», то есть севернее³¹. В училище преподавание ограничивалось обучением чтению, письму, закону Божьему, арифметике. Оно готови-

ло писарей в удельные конторы и приказы, ставило целью «распространение необходимых для каждого христианина понятий о вере и некоторых первоначальных между крестьян сведений»³². Туда поступали мальчики от 8 до 12 лет.

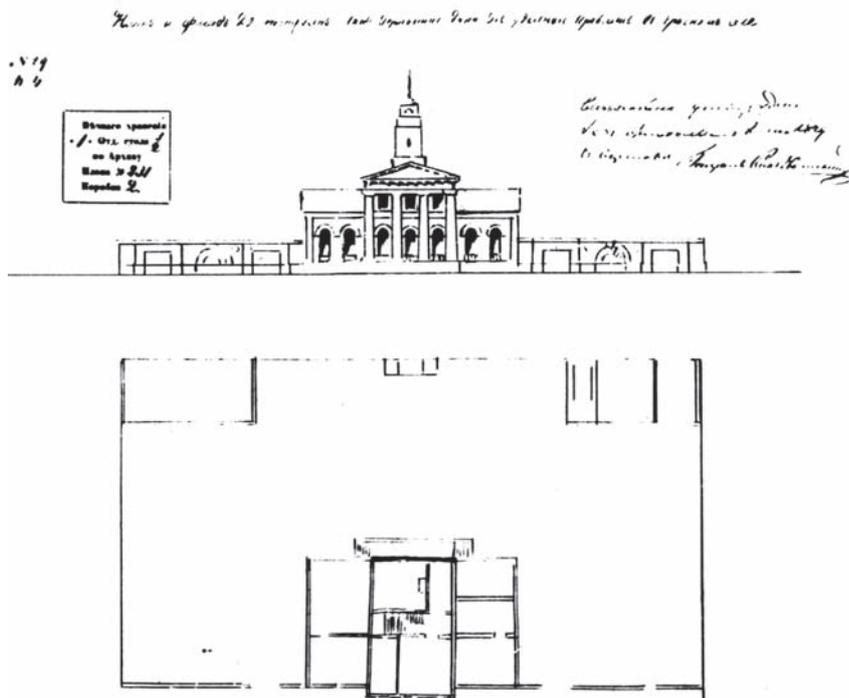
25 октября 1828 года было принято решение о строительстве и открытии Главного удельного училища между будущими Высоцкой и Александрийской улицами. В него могли поступать дети крестьян от 14 до 16 лет из Красносельского, Санкт-Петербургского, Архангельского, Новгородского, Тверского, Псковского и Смоленского удельных имений. Ученикам предписывалось носить специальную одежду из солдатского сукна: зимой – темно-зеленой куртки и темно-серых суконных панталон поверх сапог, а летом – той же куртки и белых холщовых панталон³³. Проект училища составил архитектор Х. Ф. Мейер. Одноэтажное деревянное здание по главному фасаду имело девять осей³⁴. В сохранившейся описи училища отмечалось, что «главный дом на улице длиной 10 сажень, шириною 5 сажень 1 аршин, вышиною 2 сажени. На каменном фундаменте, стены обшиты и крыша покрыта дюймовыми сосновыми досками, окрашено серою масляною краскою с парапетом вокруг всего строения, в коем бронзовая надпись со стороны улицы»³⁵.

Из документов следовало также, что в 1828 году были окончены постройки, расположенные на Санкт-Петербургской улице: два деревянных дворца для императора и великого князя Михаила Павловича, каменный кухонный корпус, кухонный двор с деревянными погребами, деревянная кордегардия. Причем предписывалось начать строения закончить Дильдину, а новые строить Мейеру. Последней была построена каменная одноэтажная кухня на 11 осей по продольному фасаду и на шесть осей по боковому (ныне пр. Ленина, 112)³⁶. В одном из документов дана краткая характеристика дворцов – «на каменном фундаменте, крытых железом, с террасами и по оным с деревянными колоннами, решетками, ступенями и деревянными желузами, со стороны ули-

цы на двор, и с одной стороны Дворцов к саду, чугунной решеткой с четырьмя воротами»³⁷.

В 1829 году архитектор Мейер приступил к постройке конюшенных дворов для дворца государя императора и дворца великого князя Михаила Павловича, расположенных на Санкт-Петербургской улице. 8 мая 1829 года получил утверждение составленный зодчим проект дома для красносельского удельного правления на Санкт-Петербургской улице напротив гауптвахты, который был построен в течение года. Согласно описи, он представлял собой сооружение «длиной 10 сажень, шириной 6 сажень, с мезонином, каланчею, с обшивкою стен досками, с конюшнями и сараями»³⁸. «Стены с мезонином срублены в лапу из сосновых бревен... с фасада с треглифами и модульенами, а во дворе с одними модульенами, с постановкою пилястр, с базами и капителями. Стены одного дома снаружи окрашены светло-серою масляною краскою... Снаружи вокруг окон прибиты наличники, а под сими окнами с фасада цельные точеные балясы и окрашены с наличниками белою масляною краскою... Для входа в оный дом с двора крыльцо с деревянными ступенями и со стеклянною галдарею»³⁹. Фасад удельной конторы имел семь осей, а в мезонине три оси. Центральная часть выделялась четырьмя пилястрами и треугольным фронтоном. Завершалось здание каланчей с овальными окнами⁴⁰. Для интерьеров была исполнена мебель красного и березового дерева⁴¹.

Из построек, законченных в 1830 году архитектором Х. Ф. Мейером, следует выделить удельный госпиталь и два дома для приезжих особ⁴². Из найденной описи удельного госпиталя известно, что он был возведен на каменном плитном фундаменте с кирпичным цоколем⁴³. Стены срублены в лапу из сосновых бревен, а снаружи обшиты дюймовыми досками. Здание имело десять осей, завершалось деревянным карнизом с модульонами под фронтонами. Парадное крыльцо акцентировалось двумя колоннами. Оно было окрашено серой масляной краской, а карниз и модульоны белой. С двух сторон от удельного госпиталя, расположен-

Фасад и план дома Удельного управления.
Архитектор Х. Мейер. 1829 г.

ного на углу Санкт-Петербургской и Высоцкой улиц, возвели Малый и Большой дома для приезжающих особ в лагерное время.

В 1831 году Мейер составил проект деревянного двухэтажного дома для посланников на каменном фундаменте с галереями и службами вместо ветхого, прежде занимаемого великой княгиней Еленой Павловной. Он располагался на Санкт-Петербургской улице, севернее Троицкой церкви. Восточнее его находилось сельское училище. Дом для посланников построили из соснового леса, обшили тесом. Стены выкрасили под серую известь, наличники, фризы, карнизы, пояски, модульоны, замки, пилястры, балясины и парапет – белой краской, крышу – зеленой, а цоколь – серой масляной краской⁴⁴.

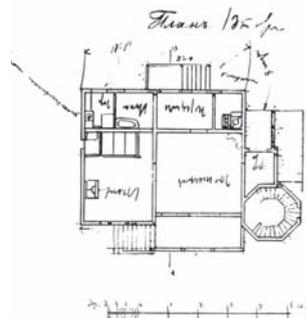
На углу сада около дворца великого князя Михаила Павловича (угол Санкт-Петербургской и Михайловской улиц) возвели деревянный дом для дежурства отдельного гвардейского корпуса, так называемый штаб, прямоугольный в плане, на три оси⁴⁵.

Генеральные планы Красного Села, датированные 1832 годом, дают наиболее полное представление о застройке к тому времени и

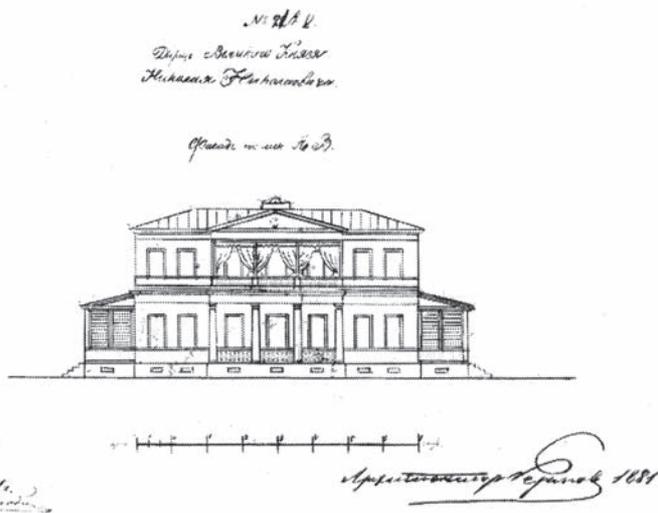
свидетельствуют о ее расцвете⁴⁶. Общественный центр сформировался в основном в Коломенской слободе и ограничивался улицами Александрийской и Ольгинской на севере и Михайловской на юге. Санкт-Петербургская улица упрочила свое значение главенствующей, она по-прежнему пересекала три слободы и объединяла сложившуюся застройку. Ядром центра стали дворцы императора

Красное село.

и великого князя Михаила Павловича, а также построенный к тому времени на территории дворцового сада деревянный дворец наследника цесаревича, имевший в плане Г-образную форму. Между ними располагались деревянные кавалерские дома, гауптвахта и каменное здание кухни. Севернее дворца императора большой участок занимал военный госпиталь, а южнее дворца великого князя Михаила Павловича находился штаб гвардейского корпуса.

План и фасад
Императорского дворца.
Фиксационный чертеж.
Вторая половина XIX в.

Фасад Императорского дворца. Фиксационный чертеж. 1881 г.

Дворец великого князя Михаила Павловича, впоследствии — великого князя Константина Николаевича. Современный вид

На противоположной стороне Санкт-Петербургской улицы напротив военного госпиталя размещался удельный госпиталь. Напротив гауптвахты находилось деревянное здание удельной конторы, справа и слева от которой были конюшенные двory с домами для конюшенных чиновников. Между этими строениями по красной линии Санкт-Петербургской улицы выступали кавалерские дома. За церковью Святой Троицы были возведены два дома для священника и между ними кавалерский дом. Севернее церкви стоял деревянный дом для посланников со службами, с большим садом между ними. На противоположной стороне в глубине участка располагались деревянные строения удельного училища.

Южнее бывшего шведского редута, уникального земляного сооружения XVII века, на планах обозначены три корпуса и службы вновь построенного военного госпиталя. На восточном берегу Безымянного озера, как показывают исторические документы, возвышалось до сих пор существующее каменное здание дворца императора Александра I, прямоугольное в плане. К нему примыкал большой сад. В расположении крестьянских домов в трех слободах в основном был заложен регулярный принцип, но с элементами свободной планировки. Геометрическая организация кварталов с учетом рельефа

местности и сложившихся исторически дорог составила особенность формирования трех слобод.

Из работ, проводившихся в 1836 году, следует отметить постройку нового дворца цесаревича на месте старого дворца. Проект архитектора Мейера, утвержденный 3 августа, был осуществлен за один год⁴⁷. Согласно описи, дворец прямоугольный с изломами в плане выстроили на каменном фундаменте из сосновых бревен в два этажа⁴⁸. Стены обшили столярной обшивкой из сосновых досок «в рустек» (руст. — *Т. Н.*). На втором этаже концы балок и связи выпустили для устройства галереи. Фасады окрасили масляной краской под серую известь, цоколь и крыльца под свинец, крышу — зеленой масляной краской.

В целях безопасности от огня новое строительство крестьянских домов намечалось вести не ближе 100 саженей от дворцовых и других общественных зданий. Крестьянские двory состояли из одной или двухэтажных домов со службами, огородам и садом. В составе служб были кузница, баня, молотильный сарай. 30 марта 1840 года был утвержден новый генеральный план, по которому Братошинскую слободу предполагалось закончить Кирасирской улицей, Константиновская* и Мариинская улицы отменялись, Никольская улица от Братошинской до Кирасирской не продолжалась, а все улицы, поперечные Санкт-Петербургской,

предписывалось «для лучшего вида провести под прямыми углами, дабы угловые дома на главную улицу не были косвенны»⁴⁹. Устанавливалась и очередность застройки: сначала Санкт-Петербургская, Братошинская и Никольская улицы, затем Лагерная и Коломенская и, наконец, Константиновская. Таким образом, Кирасирская улица замыкала Братошинскую слободу и застройка севернее ее не предполагалась, что создавало разрыв перед Павловской слободой по причине низкого и изрытого местоположения, а также в целях пожарной безопасности. Общественный хлебный магазин, находившийся севернее Кирасирской улицы и окруженный крестьянскими домами, в случае пожара неминуемо был бы уничтожен. Константиновская улица не назначалась, потому что должна была проходить по болоту, а Мариинская — слишком близко к улицам Братошинской и Высоцкой. Продолжение Никольской улицы от Братошинской до Кирасирской улицы из-за низменности места оказалось неудобным для постройки домов и поэтому предназначалось для постройки риг. Во избежание «излишней мокроты» в ненастное время по обе стороны новых улиц рыли канавы шириной не более двух аршин. Вырытую землю из канав по Лагерной улице до водотводного канала предполагалось складывать по левую сторону в виде небольшого вала для предохранения селения от снежных заносов в зимнее время — это стало основой появления «валика», который сохранился. На других улицах вынутую землю следовало разравнивать. Братошинская слобода начиналась Высоцкой улицей и заканчивалась Кирасирской, Коломенская слобода начиналась от Высоцкой улицы и заканчивалась Лагерной.

Таким образом, к 1840-м годам сложилась основная «градостроительная сетка» улиц в Братошинской и Коломенской слободах. Центром Павловской слободы оставалась Санкт-Петербургская улица, на которой намечали разместить 108 дворов, а для остальных владельцев

* Константиновской была названа впоследствии другая улица.

выделялся особый квартал между Петербургской и Стрельнинской дорогами. Это позволяло соблюдать некоторую симметрию по отношению к постройкам Братошинской слободы, а также придать селению живописный вид со стороны Стрельнинского шоссе, по которому в летнее время часто проезжала императорская семья. Предполагалось, что ручей разделит слободу на две части, каждая из которых будет иметь свои отличительные черты. В первой части (южной), где находился кирпичный завод, многие из крестьян занимались гончарным промыслом, во второй – разведением садов⁵⁰.

Император при рассмотрении проектного плана Павловской слободы поручил продолжить ее последнюю улицу, названную Полевой, до смыкания углом с Задней улицей⁵¹. Генплан Павловской слободы получил утверждение 1 августа 1841 года⁵².

Большой приток людей в летнее время в Красное Село способствовал осуществлению проекта архитектора Мейера, предпринявшего по указанию удельного ведомства постройку 14 деревянных домов для сдачи внаем. Их решили возвести по правой стороне дороги из Красного Села к Дудергофу в Фабрикантской слободе (недалеко от Верхней красносельской бумажной фабрики). Проект был утвержден 19 апреля 1846 года⁵³. Строительство велось с большой экономией: сосновый лес использовался только в тех местах, где сырость могла повредить дереву, – на половые балки, нижние венцы стен, а в остальных местах он был еловый. К октябрю 1841 года постройку 14 дач закончили. Фасады небольших домов на три оси либо не имели декора, либо оформлялись пилястрами. Большой дом на пять осей имел мезонин. Пилястры и балюстрада дополняли его облик.

Военные учения, смотры и маневры собирали в Красное Село большое количество гостей, в том числе иностранцев, генералитет. В связи с этим разработали программу по перестройке ряда зданий, их приспособлению к новому назначению.

По проекту Мейера в 1847 году в дворцовом саду возвели еще

один деревянный дворец императора. Здание имело форму квадрата с выступавшими объемами восьмигранной башни и двух крылец. Для фундамента использовалась бутовая плита, на кладку цоколя употреблялся старый кирпич, от разобранного здания бывшей бумажной фабрики. Наружная обшивка делалась с рустиками, карнизами, поясками. Главный фасад выделялся пилястрами. Дворец был окрашен под серую известь с выделением деталей более светлым тоном⁵⁴. 19 июня государь осмотрел новый дворец и признал, что «он хорош, очень хорош и убран прекрасно, в особенности изволил восхищаться видом с башни на лагерь»⁵⁵.

В 1848 году по проекту архитектора Мейера здание Главного удельного училища и красносельского удельного госпиталя приспособили для квартир в лагерное время⁵⁶. В связи с этим возникла необходимость в постройке новой удельной больницы, которую предполагалось расположить на пересечении улиц Дворцовой и Никольской (ныне существует, ул. Лермонтова, 30). Проект больницы, составленный Мейером, был утвержден 13 июня 1848 года⁵⁷. Одноэтажное деревянное Т-образное здание со службами из бревен «в лапу» обшили «в рустик» строгаными досками. Карнизы, пилястры, парапет, пояски и продушины выполнялись «столярной работой». Здание окрасили под серую известь, окна и двери – белилами. В связи с болезнью зодчего перечисленные работы выполнял архитектор Г. Камуцци (за исключением фундаментов). Постройку закончили к октябрю 1849 года. Ее освидетельствование провел архитектор Н. Л. Бенуа и счел, что «здание построено хорошо, прочно, красиво и согласно с планом»⁵⁸. Главный фасад больницы имел 3-11-3 осей⁵⁹. Центральный вход выделялся четырехколонным порти-

ком. Боковые ризалиты на три оси были обработаны пилястрами на углах и завершались треугольными фронтонами. В настоящее время портик в здании отсутствует, вместо него центральные четыре оси выделены лопатками.

Наряду с заботами о медицинском обслуживании жителей и гостей, приезжавших в летнее время в Красное Село, императорская фамилия стремилась, чтобы у военных чинов были светские развлечения в свободное от служебных обязанностей время. В связи с этим полковнику Н. Синельникову поручили наблюдение за устройством театра. Составление проекта взял на себя безвозмездно губернский инженер-архитектор Н. А. Сычев⁶⁰. Для летнего театра определили место на правой стороне нового шоссе, ведущего из Красного Села мимо бумажной фабрики к селению фабрикантов, в низине Безьянного озера⁶¹.

13 декабря 1850 года император, «изъявив Высочайшее соизволение на постройку в Красном Селе летнего деревянного театра... изволил из двух составленных архитектором Сычевым фасадов утвердить упрощенный. Что же касается до плана театра, то по изъявленному Государем наследником цесаревичем желанию таковой переделан архитектором Театральной Дирекции Кавосом»⁶². А. К. Кавосу было предложено не увеличивать пропорции «противу плана архитектора Сычева, при сем препровождаемого, но с исправлением необходимых надобностей для театральных представлений и убавкою сцены, если пространство оной велико, а также чтобы было видно из всех мест»⁶³.

Благодаря тому, что в строительстве принимали участие военные, театр построили всего за полгода – к 1 июля 1851 года. Если внешний облик театра, прямоугольного в плане, отличался простотой, то внутренняя отделка была

Фасад Удельной больницы. Архитектор Х. Мейер. Чертеж. 1848 г.

эффектна и красива⁶⁴. В зале, кроме партера, устроили бенуар и еще один ярус лож. Стены зала покрывали обои под мрамор, служившие удачным фоном для золотых украшений с элементами военной атрибуции на барьерах лож.

Убранство дополняла люстра в виде парившего орла, державшего венки. На занавесе был изображен красносельский лагерь. В 1860 году в театре провели ряд исправлений, а в 1868 году по ходатайству великого князя Николая Николаевича старшего построили новый театр. Газета «Голос» за 1868 год характеризовала новую постройку, как первую архитектурную попытку «устроить театр в русском стиле»⁶⁵. Окончательной отработкой проекта театра занимались инженер-полковник Бензема и его помощник Еньский. Здание имело 8 саженей в высоту, 25 саженей в длину и 15 саженей в ширину. В зрительном зале устроили партер и три яруса. Внутреннюю отделку производили по рисункам архитектора Харламова. Просторное фойе при бельэтаже вело на обширную террасу, расположенную над главным подъездом здания. Две боковые царские ложи имели форму изб с коньками и орнаментом с характерными мотивами народного зодчества. Так же были орнаментированы барьеры лож, окна снаружи здания. Строго соблюдался типичный характер украшений: лошадь с поводьями, павлин, орел с распростертыми крыльями. На плафоне изображались фигуры русских крестьянок в одежде разных губерний.

В 1904 году театр подвергся капитальной перестройке⁶⁶. Работами руководил академик архитектуры А. И. фон Гоген. В зрительном зале сделали новый плафон. Художественные работы выполнял Гуджиери. Почти за полвека при театре, который не сохранился, сформировался большой парк.

Из построек середины XIX века следует выделить деревянную гауптвахту⁶⁷. На фасаде двухэтажного здания на пять осей указана дата – 1851 год. Окна обработаны рустом, фронтоны имеют фигурную форму. Гауптвахта сохранилась без изменений и зафиксирована на фотографии конца XIX – начала XX века⁶⁸.

Красное Село находилось в 25,5 версты к юго-востоку от Санкт-Петербурга. Поэтому для обеспечения быстрого и удобного сообщения со столицей большое внимание уделили постройке железной дороги.

Эта дорога при помощи командированных нижних чинов гвардии (по 180 человек с полка) была начата летом 1858 года от Лигово. На следующий год по ней открыли движение⁶⁹.

Вокзал, возведенный в готических формах по проекту Н. Л. Бенуа, стал воплощением романтических исканий архитектора, впервые нашедших отражение в здании вокзала в Петергофе⁷⁰. Рядом с каменным зданием вокзала находилась деревянная станция в «русском стиле», предназначенная для приезда императора (автор неизвестен). Деревянные здания военного госпиталя со службами, находившиеся к югу за Госпитальной улицей, были построены к 1832 году. На найденном чертеже генерального плана, датированном 1864 годом, на этом месте изображены два больничных корпуса для пяти офицеров и 120 нижних чинов, флигель для семей чиновников, флигель для аптеки и кухни, часовня, цейхгауз⁷¹.

В статье Е. С. Каменского «Красное Село» есть указание, что военный госпиталь был построен в 1865 году⁷². Ныне часть зданий госпиталя, обозначенных на генплане, сохранилась (ул. Восстановления, 13). Сейчас в них размещается профилакторий. Главный фасад сохранившегося лечебного корпуса имеет 12 осей. Стены акцентированы пилястрами в простенках между окнами, которые оформлены наличниками. К сожалению, к нему пристроено современное кирпичное здание.

В 1866 году на Михайловской улице недалеко от ската с возвышенности возвели еще один деревянный дворец императора⁷³.

На протяжении XIX века практиковалось в основном деревянное строительство, которое велось по регламентированным планам и носило регулярный характер с учетом своеобразных природных особенностей. Потребности дачной жизни диктовали необходимость малоэтажной застройки, скромной

по размерам и отделке. Центральная улица – Санкт-Петербургская – сохраняла свое значение символа централизованной власти. Патриархальный уклад, развитие промыслов, садоводства и огородничества отразились на сочетании черт «фасадной» застройки, имевшей определенные интервалы, с усадебной застройкой. Город словно растворялся в окружающей природе, сочетая единство и монотонность облика, гармоничность и статичность, симметрию и чисто формальные приемы.

К 1914 году местное население Красного Села без фабрикантской слободы насчитывало приблизительно 3500 человек. Крестьяне села были довольно зажиточны. Годовой бюджет семьи колебался от 400 до 500 рублей. По сумме оборота в Царскосельском уезде Красное Село занимало второе место после Гатчины.

Земледелие являлось не главным занятием крестьян, а лишь подсобным. Главными источниками дохода служили различного рода промыслы, огородничество, садоводство.

«Красное Село выделяется еще значительным количеством своих... мельниц. Последние находятся в постоянном действии, заботясь о провианте для гигантского желудка. Мельницы раскинуты по разным местам города и лагеря и выстроены по разным системам: есть громадная паровая мельница, есть водяная не меньших размеров и несколько каменных ветряных, живо напоминающих своими красными верхушками и работающими крыльями германские города с их непременноми въездными аллеями, шлагбаумами, отличным шоссе и распренепременно ветряками. Вблизи города пасутся на просторе огромные стада черкасской породы. Это будущие солдатские щи и офицерские котлеты, ростбифы и бифштексы»⁷⁴, – так в 1880 году писало одно из российских изданий.

В связи с этим обращает на себя внимание постройка бойни для скота, например, в Братошинской слободе между вокзалом и бывшей фаянсовой фабрикой (ныне не сохранилась)⁷⁵. Летом жители села сдавали дома под дачи. С учетом стоянки войск на-

селение увеличивалось более чем на 10 000 человек.

А. П. Верландер дал красочное описание местных условий жизни: «Летом – это бойкие, оживленные, густо населенные пункты; зимою же, Красное, со всеми его дворцами и военными управлениями, – не лучше большой деревни на глухом тракте... Исключительная особенность здешней общественной жизни: на всем необъятном протяжении матушки-России нет, без сомнения, другой местности, которая стояла бы в такой сильной зависимости от прихода или ухода войск, как Красное или Дудергоф. Пришли войска – момент общего возрождения для быстрого и пышного расцвета; ушли – жизнь прячется в могилу»⁷⁶.

Сохранившиеся до настоящего времени деревянные и каменные строения военных лагерей являются уникальными образцами казарменного строительства XIX – начала XX века не только Красного Села, но и всей России.

С развитием поселения потребность в зданиях общественного назначения возрастала. В 1891 году по проекту архитектора Вл. А. Косякова южнее Госпитальной улицы на возвышенном месте возвели деревянную церковь святого Александра Невского (ныне ул. Щуппа, 10)⁷⁷. Построенная в «русском стиле», она отличалась живописной компоновкой объемов и сдержанной декоративной резьбой.

В начале века вблизи от писчебумажной фабрики наследников К. П. Печаткина возник фабричный поселок. Пять сохранившихся деревянных двухэтажных строений и одно каменное здание бани позволяют судить о его своеобразии. На закладной табличке, обнаруженной во время ремонта одного из домов, были указаны дата – 1905 год и автор – инженер-технолог М. П. Горбунов, что подтвердилось и архивными изысканиями. Деревянные дома имеют скромную декоративную отделку. Но эффектно оформлены школа (дом № 7) и дом № 2 – с резными кронштейнами и орнаментом.

Из построек в стиле модерн следует выделить кирпичное двухэтажное здание пожарной части, построенной на месте деревянной по Высоцкой улице (ныне ул. Юных

пионеров, 7). Здание имеет 10 осей. Три въезда для машин и окна выделяются фигурным обрамлением в кирпиче.

Обращает на себя внимание также двухэтажный жилой дом на Санкт-Петербургской улице (ныне пр. Ленина, 93). Дом имеет четыре оси и выделяется эркером со шлемовидным завершением.

Найденный чертеж⁷⁸ погребя, датированный 1901 годом и подписанный архитектором В. В. Николая, позволяет идентифицировать его с погребом, сохранившимся в натуре рядом с домом по пр. Ленина, 83. Он решен в двух уровнях, имеет куполообразное завершение. Немногочисленные сохранившиеся образцы архитектуры модерна масштабны и потому удачно вписались в «дачно-сельскую» структуру Красного Села, обозначив новые веяния начала XX века. Это явилось также отражением значимости Красного Села, его постепенного перехода от поселения к статусу города, испытывающего на себе все большее влияние Санкт-Петербурга.

Столица выделяла Красное Село и как место проведения скачек.

Насколько известен был красносельский ипподром, можно судить уже потому, что Л. Н. Толстой избрал его для описания одной из занимательнейших сцен романа «Анна Каренина». «Скачки должны были происходить на большом четырехверстном эллип-

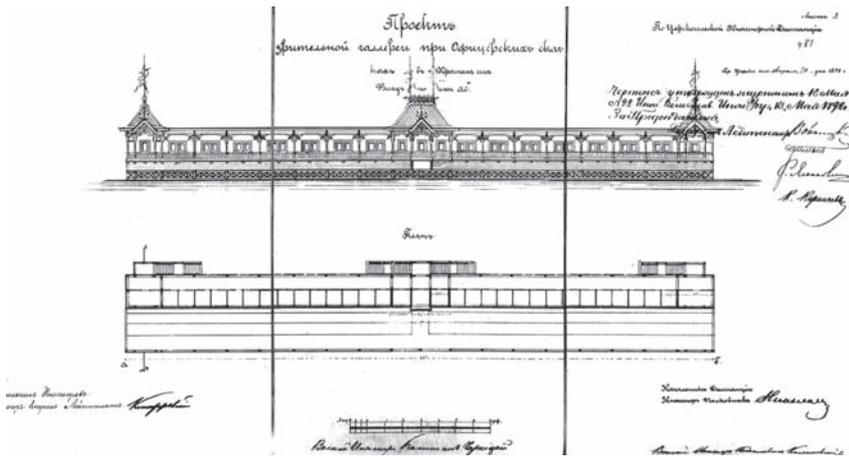
тической формы кругу пред беседкой. На этом кругу были устроены девять препятствий: река, большой, в два аршина, глухой барьер пред самую беседкой, канава сухая, канава с водою, косогор, ирландская банкетка, состоящая (одно из самых трудных препятствий) из вала, утыканного хворостом, за которым, невидная для лошади, была еще канава, так что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствия или убиться; потом еще две канавы с водою и одна сухая, – и конец скачки был против беседки. Но начинались скачки не с круга, а за сто сажен в стороне от него, и на этом расстоянии было первое препятствие – запруженная река в три аршина шириною, которую ездки по произволу могли перепрыгивать или переезжать вброд»⁷⁹.

Создание романа «Анна Каренина» относится к 1873–1876 годам. Прототипами героев этого произведения стали знаменитые участники скачек: князь Голицын – Вронский, Милютин – Лахотин и другие.

Внимание столичного общества стали привлекать к новому и важному для коневодства России делу. Роль ипподромов, противоборствовавших вырождению пород лошадей в искусственных условиях существования и в совершенствовании их работоспособности, была исключительно важна. Растущая популярность рысистых бегах способствовала строитель-

Генеральный план ипподрома в Красном Селе. Чертеж. Конец XIX в. РГВИА

План трибун для зрителей.
Военный инженер В. А. Колянковский. Чертеж. 1892 г. РГВИА

ству ипподромов, один из которых построили в Красном Селе.

За поселением и фабриками стал располагаться лагерь войск гвардейского корпуса. Впервые он был там дислоцирован в 1765 году. Императрица Мария Федоровна, которой принадлежала вся земля вокруг Красного Села, решила уступить ее 1 января 1820 года для постоянного проведения военных маневров и устройства лагерей⁸⁰.

Как отмечал М. И. Пыляев, лагерь под Красным Селом представлял довольно красочную картину: кавалерия обычно располагалась в деревне, а пехота – в палатках, размещаемых на свободном пространстве⁸¹. С холмов можно было наблюдать проводившиеся в долине маневры. Пoblзости от лагерей находился ипподром, давший расположенному правее Красного Села соседнему поселку название – «Скачки». Для остановки поездов на пути из Петербурга к Красному Селу устроили платформу «Скачки». Поезда останавливались там только в дни состязаний.

Офицерские скачки в Красном Селе были высочайше утверждены в 1857 году под председательством великого князя Николая Николаевича. «Его Высочеству угодно, чтобы там устроен был временный открытый манеж. Он должен состоять из одного только борта, длиною и шириною по мере манежа Главной придворной конюшни»⁸². Проект и смету на устройство временного деревянного открытого манежа для офицерских скачек составил архитектор А. И. Штакеншнейдер⁸³. Следовательно,

существующее в краеведческой литературе указание на 1861 год, как год начала скачек в Красном Селе, ошибочно⁸⁴.

Манеж представлял собой прямоугольное в плане сооружение в виде бортового ограждения с откосами, построенное из дерева. Он имел два входа и балконы для судей. Над судейскими балконами устроили три парусиновых шатра. Щиты, составлявшие ограждения, крепились между собой крючками и угольниками.

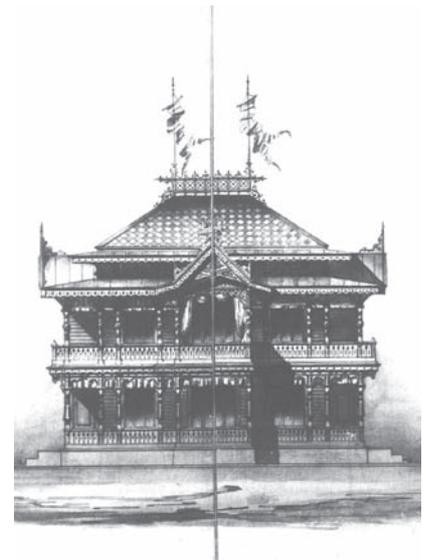
В 1872 году великий князь Николай Николаевич Старший, уделяя большое значение развитию военного скакового спорта и не удовлетворяясь существовавшими в кавалерии обязательными испытаниями, решил устраивать ежегодно общие скачки – состязания на четыре версты для желающих офицеров всей кавалерии и конной артиллерии⁸⁵.

Для состязаний, кроме скакового круга, возвели деревянные трибуны, царский павильон, судейскую беседку. Через двенадцать лет появилось такое техническое усовершенствование, как телефон. Ежегодные скачки проводились в торжественной обстановке при большом стечении зрителей, прибывавших в экипажах, пешком, верхом, на поездах из Петербурга, Петергофа и Гатчины. На трибунах и в царской беседке, задрапированной красным сукном, цветами и зеленью, обычно развевались флаги. Места на трибунах делились на ложи и «места ниже лож», за которые соответственно платили по пятнадцать рублей и по одному руб-

лю. Автор «Путеводителя по Балтийской дороге» А. П. Верландер указывал на наличие галереи купца Малафеева (очевидно, сооруженной на его средства), где ложи стоили от семи до двадцати рублей, а стулья и кресла от одного до трех⁸⁶.

Большой интерес для дальнейшей истории красносельских скачек представляют чертежи, найденные в РГВИА. На одном из них, исполненном после 1872 года, обозначены скаковой круг в форме эллипса, трибуны с ложами⁸⁷. Между трибунами находился павильон для членов императорской фамилии. На другом чертеже конца XIX – начала XX века обозначены три трибуны, императорский и судейский павильоны⁸⁸. На скаковом кругу выделены препятствия: напротив императорского павильона – деревянный барьер, далее каменная стена, дерновый валик, плетень, земляной валик с канавой, канава с водой. Обнаруженные чертежи, подписанные инженер-полковником В. А. Колянковским в 1892 году, свидетельствуют о предполагаемой перестройке с расширением императорского павильона, а также о возведении вместо старой трибуны новой⁸⁹.

Наиболее полное представление об архитектуре ипподрома дают найденные в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербур-

Фасад
Императорского павильона.
Военный инженер
В. А. Колянковский.
Чертеж. 1892 г. РГВИА

га фотографии, датированные 1906 и 1913 годами⁹⁰. Деревянные постройки гармонично вписывались в окружающую природу и представляли собой выразительную силуэтную композицию. Особую привлекательность просто оформленным трибунам придавали покрытые железом шатры, на которые водружались флаги. Они вызвали ассоциации с палатками, разбиваемыми во время военных сборов. Добросовестностью исполнения отличались все части строений ипподрома – от обшивки досок в «закрой» до резьбы геометрического характера. Главный и части боковых фасадов императорского павильона были обшиты досками с «канавками». Резьба фигурных столбов на галереях первого и второго этажей отличалась от пропиленной резьбы ограждений.

К настоящему времени не сохранился ни один из ипподромов Петербурга и пригородов.

Красное Село и его окрестности на многие годы были выбраны местом устройства военных лагерей. Этому способствовали своеобразный рельеф, наличие озер и реки, удобства сообщения. Осушение заболоченных участков с помощью каналов, «исправление» дорог, удаление камней, устройство мостов делали эту местность привлекательной для усовершенствования военного дела.

Впервые войска для маневров были собраны в 1765 году в царствование императрицы Екатерины II. Она повелела в лагерях «не солдатство токмо ружейной экзерции обучать, но пользу установленных Ея Императорским Величеством новых учреждений видеть; генералам подать случай показывать новые опыты доказанного уже ими искусства, ревнительным офицерам являть частию свою способность быть таковыми же и частию обучаться тому, чего не ведают»⁹¹.

В XIX веке устройство лагерей продолжилось в 1819 году, а через четыре года они организовывались постоянно.

Лагеря начинались от Царко-сельского шоссе и простирались до Дудергофского озера. На «Плане лагерей под Красным Селом 1823 года» показано, что на возвышенностях против этого лагеря находилась отдельный саперный лагерь, а за

Зрители на трибунах ипподрома перед началом скачек. На балконе трибун император Николай II и члены императорской фамилии. 1906 г.

Скачки в «высочайшем» присутствии. 25 июля 1913 г.

Дудергофской горой, при деревне Горской, – артиллерийский⁹².

Другой план, который представлял собой схему размещения Большого лагеря в северо-восточной части от Дудергофского озера, назывался «планом лагеря Гвардейской пехотной дивизии под Красным Селом 1823 г.».

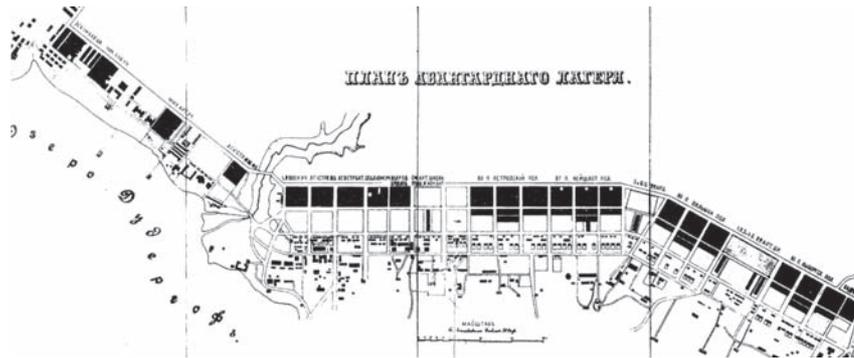
На плане 1824 году обозначено расположение лагеря в северо-западной части от Дудергофского озера – на левом фланге. Весной следующего года начались обширные земляные работы для устрой-

ства постоянных лагерей. Пять лагерных мест осушили с помощью каналов, улучшили состояние дорог. В последующие годы лагерные территории продолжали расширяться.

В 1826 году в Красном Селе стояли 1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии. Пажеский, 1-й и 2-й кадетские корпуса, артиллерийское училище, Дворянский полк. Через два года к ним присоединились Сиротский кадетский корпус, по одному батальону лейб-гвардии Преображенского, Семе-

новского, Измайловского, Егерского, Павловского, Финляндского полков, две артиллерийские бригады, лейб-гвардии Кирасирский дивизион, Сибирский, Оренбургский, Ямбургский уланские полки. Самое большое число войск было собрано под Красным Селом в 1845 и 1853 годах – до 120 000 человек. Число войск, расположенных лагерем в 1864 году, достигло 70 000 человек. Лагерь левого фланга имел название Авангардного, а лагерь правого фланга – Большого, или Главного. Дорога, ведущая в Авангардный лагерь, пересекала дороги Большого лагеря, составляя сеть направлений, соединяющихся между собой. Скаты высот, на гребне которых располагался Авангардный лагерь, пересекаясь с общим скатом к Дудергофскому озеру, образовывали несколько лощин, которые у левого фланга заканчивались крутым оврагом.

На обширном военном поле перед Авангардным лагерем происходили учения и парады. Почти посередине военного поля находилась насыпь, называвшаяся «царским валиком». С возвышенности Большого лагеря через равнину к северу представлялся взору Финский залив, к северо-западу – золоченные купола столицы, а к юго-западу – три озера с прилегающими лугами, нивами, разбитыми палатками Авангардного лагеря и доминантами гор – Дудергофом и Кирхгофом. В лагерях солдаты обычно размещались в четыреху-

Авангардный лагерь.
Генплан. Конец XIX – начало XX в.

гольных холщовых палатках, так же как и офицеры. Сохранилось описание такого палаточного лагеря⁹³. Палатки каждого батальона распределялись по восемь рядов в длину и глубину. В каждой роте было 16 палаток, в плане стоящих квадратом. Между ротами соблюдалось расстояние в 15, а между батальонами в 27 шагов. За палатками нижних чинов устраивали палатки офицеры. За поселением находились сады с прогулочными аллеями и дорожками. Перед фронтом каждой дивизии стояли зеленые шатры с походными церквями.

С появлением в лагерях деревянных бараков там стали располагаться офицерские чины, канцелярии, цейхгаузы, пекарни, лазареты, бани.

В конце 1832 года по высочайшему повелению в военное ведомство отошел участок земли в 71 десятину по берегу реки Дудер-

гофки, напротив Павловской слободы, для размещения особого кавалерийского лагеря.

Большой лагерь предназначался для пехоты. В Авангардном лагере располагались армейские пехотные части и военные училища. Ближе к Дудергофскому озеру формировался особый укрепленный лагерь, в котором стояли инженерные и артиллерийские части.

В 1876 году были построены деревянные бараки для учебного кавалерийского эскадрона⁹⁴. В 1884 году возвели деревянные бараки для Авангардного лагеря. В 1888 и 1889 годах построили бараки для Санкт-Петербургского юнкерского училища и для офицерской артиллерийской школы.

Необходимой принадлежностью всех лагерей являлись лагерные деревянные церкви, строящиеся на пожертвования. Первая такая церковь для Первой гвардейской пехотной дивизии была устроена в 1882 году, затем появились церкви в Авангардном лагере и Второй гвардейской пехотной дивизии.

А. П. Верландер сообщал в своем путеводителе, что на левом фланге Большого лагеря построили корпусную хлебопекарню, по совершенству вторую в Европе, и военный телеграф, соединивший полки между собой и с центральной станцией в Красном Селе⁹⁵. Для учений в лагерях строились различные стрельбища. Военные маневры привлекали жителей и дачников. Один из очевидцев оставил такое описание: «По утрам мы выбегали по шоссе навстречу полкам гвардейской кавалерии, под звуки трубачей отправлявшихся на учения. Кавалергарды на гнедых конях, конная гвардия на

Авангардный лагерь. Дом командира

Генеральный план Красного Села с обозначением военных лагерей. 1880-е гг.

вороних, кирасиры императрицы в касках и кирасах – на рыжих. Как восхищал нас вид конных полков...

Перед деревянными дворцами великих князей и высшего военного начальства благоухали цветы, дорожки посыпались ярко-желтым песком, и пыльное шоссе поливалось по нескольку раз в день из бочек, развозившихся на однокопных повозках. Потом появлялась неизбежная дворцовая полиция и конные гвардейские жандармы, которые в отличие от гражданских жандармов носили светло-голубые нарядные мундиры. Наконец, приезжали военные, прелестно разодетые дамы...»⁹⁶

При натурном обследовании территории бывшего Большого лагеря удалось установить, что регулярная планировка сохранилась. По-прежнему четко выделены осидороги. Планировка участков внутри лагеря соответствует масштабу деревянных строений. Вдоль центральной аллеи с восточной стороны находятся четыре одноэтажных деревянных дома с прорезной резьбой и мелкой расстекловкой окон. Центральная аллея открывает великолепную панораму на Красное Село с видом на церковь св. Александра Невского. В настоящее время здесь размещаются службы Военно-медицинской академии.

Рядом на территории, принадлежащей Военной академии

тыла и транспорта, также сохранилась типичная регулярная планировка. Следует выделить пять деревянных (бревенчатых) одноэтажных казарм, наличники окон которых имеют прорезную резьбу. В плане здания – прямоугольные или крестообразные. Этот комплекс построек конца XIX – начала XX века дополняет деревянный одноэтажный с мезонином «офицерский флигель». Он имеет шесть осей, вход выделен трехколонным портиком. Рядом с этим зданием находятся камни-валуны с памятными знаками лейбгвардии Финляндского полка. На одном из камней дата – 1877 год. Наряду с бревенчатыми казармами, некоторые из которых имеют пристройки советского времени, сохранились деревянные одноэтажные казармы, обшитые тесом. На южной оконечности лагеря обращает на себя внимание кирпичное здание, фасад которого обработан пилястрами. Внутри сохранилась полихромная с позолотой роспись растительного характера. Ее фрагменты есть и на наружной штукатурке. Роспись можно датировать 80-ми годами XIX века. В этой части бывшего Большого лагеря сохранилась старая мелиоративная система.

Ныне южная оконечность лагеря занята под садоводство*, что нарушило его композиционно-планировочную структуру. Дорога из лагеря к плотине через озеро имеет старое мощение булыжником. Плотина, разрушенная во время войны, утилитарно восстановлена из гранитных блоков и бетона.

При осмотре территории Авангардного лагеря следует выделить два каменных здания, построенные в конце XIX века. Двухэтажная каменная казарма на семь осей обработана частично рустом. Окна имеют лучковые наличники, замковые камни. Одноэтажная с овальными окнами постройка на 26 осей, возможно, являлась манежем. К этой территории примыкает большой парк, в котором сохранилась беседка-ротонда из восьми дорических колонн с куполом. На пути к беседке находится стенка из гранитных блоков с лестницей из путиловской плиты. Беседка-ротонда возведена в начале XX века. К тому же време-

ни относится фонтан фигурной формы. Центральная пирамида фонтана обложена туфом. В парке сохранилась каменная известняковая труба через канаву, которая была проложена одновременно с упомянутыми строениями.

Миновав овраг и продолжая осмотр территории бывшего Авангардного лагеря, можно обнаружить сооружения, занимаемые ныне учебным полигоном филиала Академии им. А. Ф. Можайского – бывшего Пушкинского высшего училища радиоэлектроники ПВО. Здесь сохранились восемь деревянных одноэтажных казарм, построенных в 1884 году. Бревенчатые постройки, обшитые вагонкой, в основном прямоугольные в плане, имеют сдержанный декор в виде пропиленной резьбы. На высокой террасе выделяется одноэтажный деревянный дом на 4 оси, сохранивший декоративную резьбу. Он предназначался для высоких военных чинов.

В лагере сохранились мощные булыжные дороги начала XX века. Одна из них ведет к водонапорной башне и четырем бетонным поилкам для лошадей, которые также следует отнести к сооружениям того времени.

Ротонда в Авангардном лагере. Современный вид

* До 1980-х годов там размещались летние лагеря Пушкинского высшего училища радиоэлектроники ПВО. – Ред.

С Красным Селом связаны имена выдающихся деятелей истории и культуры нашего государства. На сборе, назначенном в 1765 году, в числе полков, прибывших на маневры, был Суздальский полк под командованием Александра Васильевича Суворова. Об этом писал в конце XIX века А. Петрушевский: «Сначала кавалерия потеснила неприятельские ведеты и пикеты, а затем Суворов с пехотой и артиллерией произвел наступательное движение, занимая высоту одну за другою и очищая путь Екатерине для осмотра неприятельских позиций, причем конница прикрывала его фланги. Маневр был произведен очень хорошо и в большом порядке»⁹⁷.

С красносельским лагерем связано имя русского поэта М. Ю. Лермонтова. В 1834 году после окончания школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров его направили в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском

Селе. В 1834–1836 годах М. Ю. Лермонтов участвовал в летних учениях, проходивших в красносельских военных лагерях. В сентябре 1836 года в Красном Селе он написал поэму «Монго». Ко времени пребывания в лагере относятся его рисунки «Маневры в Красном Селе». В память о пребывании поэта в Красном Селе Никольская улица была переименована в улицу Лермонтова.

На учения и маневры в район Большого лагеря выезжал летом лейб-гвардии Финляндский полк. Среди участников военных маневров был выдающийся русский художник П. А. Федотов⁹⁸.

Сохранившиеся до настоящего времени деревянные и каменные строения военных лагерей являются уникальными образцами казарменного строительства XIX – начала XX века не только Красного Села, но и всей России. Первостепенным шагом к их сохранению стало создание им режима охраны на стадии учета.

Статус памятников получили немногие сохранившиеся и почти все пострадавшие во время Великой Отечественной войны сооружения и ландшафтные объекты, среди них дворец великого князя Михаила Павловича (пр. Ленина, 114), Удельная больница с садом (ул. Лермонтова, 30), жилые дома и сад поселка Бумажной фабрики наследников К. П. Печаткина (Фабричный пос.), Военный госпиталь с двумя служебными корпусами и садом (ул. Восстания, 13), церковь Пресвятой Троицы с садами (пр. Ленина, 108), церковь святого Александра Невского 1-й Гвардейской пехотной дивизии с садом (пер. Щуппа, 10), Пожарная часть (ул. Юных пионеров, 7), а также Дворцовый парк, сад Красносельского театра, бульвары (пр. Ленина).

Было бы хорошо, если бы традиции исторической застройки Красного Села, этой маленькой Швейцарии под Петербургом, проявились в его современной архитектуре.

¹ Шведские планы и карты XVII века впервые введены в научный оборот С. Б. Горбатенко в исторической справке «Дудергоф» (СПб., 1992). Совмещение планов XVII и XIX веков сделано С. Б. Горбатенко и А. Л. Рейманом.

² Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 430.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 5. Д. 196. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. 467. Оп. 2. Д. 58а. Л. 31–31 об.

⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 36. Д. 5. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Ф. 466. Оп. 36/1629. Д. 78. Л. 33.

⁸ Сообщение кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. М., 1940. С. 33.

⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 100. Л. 85.

¹⁰ Там же. Ф. 485. Оп. 3. Д. 119.

¹¹ Там же. Ф. 515. Оп. 71. Д. 1896.

¹² Там же. Ф. 796. Оп. 14. Д. 85. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 8, 12.

¹⁴ См. примеч. 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 852. Л. 1–5.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 515. Оп. 71. Д. 1762.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 1761.

²⁰ Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1063. Л. 3.

²¹ Там же. Ф. 515. Оп. 7. Д. 250. Л. 13; Ф. 515. Оп. 1. Д. 31. Л. 36.

²² Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 17, 18.

²³ Там же. Д. 1051. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 2–2 об.

²⁵ Там же. Д. 953. Л. 25–25 об.; 27.

²⁶ Там же. Оп. 71. Д. 49.

²⁷ Там же. Д. 51.

²⁸ Там же. Д. 66.

²⁹ Там же. Д. 61.

³⁰ Там же. Оп. 22. Д. 58.

³¹ Там же. Оп. 7. Д. 1069. Л. 18.

³² Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 145.

³³ Там же. Л. 134 об., 135, 141.

³⁴ Там же. Оп. 71. Д. 46, 47.

³⁵ Там же. Оп. 7. Д. 1069. Л. 304.

³⁶ Там же. Д. 1051. Л. 16–17; Оп. 71. Д. 221.

³⁷ Там же. Оп. 7. Д. 1355. Л. 6 об.

- ³⁸ Там же. Д. 1354. Л. 86.
³⁹ Там же. Д. 1052. Л. 85–86 об.
⁴⁰ Там же. Оп. 71. Д. 231.
⁴¹ Там же. Оп. 7. Д. 1354. Л. 101.
⁴² Там же. Оп. 1051. Л. 360.
⁴³ Там же. Д. 1052. Л. 3–36.
⁴⁴ Там же. Оп. 8. Д. 29. Л. 4–4 об., 238–241.
⁴⁵ Там же. Оп. 7. Д. 63.
⁴⁶ Там же. Оп. 71. Д. 37, 178, 1582.
⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 78. Л. 31, 26, 324; Оп. 71. Д. 226, 227, 228; Оп. 71. Д. 1894.
⁴⁸ Там же. Оп. 8. Д. 78. Л. 243–244 об.
⁴⁹ Там же. Оп. 71. Д. 4113; Оп. 16. Д. 367. Л. 31–33. Л. 3–5, 7.
⁵⁰ Там же. Оп. 66. Д. 327. Л. 54–54 об., 55.
⁵¹ Там же. Оп. 16. Д. 887. Л. 96–97.
⁵² Там же. Л. 304 об.
⁵³ Там же. Оп. 15. Д. 864; Л. 1 об. –3; Д. 15.
⁵⁴ Там же. Оп. 8. Д. 510. Л. 1, 2, 4 об, 5–6; Д. 372.
⁵⁵ Там же. Л. 42.
⁵⁶ Там же. Оп. 71. Д. 267, 261.
⁵⁷ Там же. Оп. 7. Д. 2205. Л. 133–135, 200, 202; Оп. 71. Д. 2.
⁵⁸ Там же. Оп. 7. Д. 2205. Л. 241 об.
⁵⁹ Там же. Д. 2205.
⁶⁰ Там же. Ф. 472. Оп. 16. Д. 131. Л. 1, 2.
⁶¹ Там же. Ф. 515. Оп. 10. Д. 2775. Л. 1–1 об.
⁶² Там же. Ф. 472. Оп. 17. Д. 131. Л. 11 об.
⁶³ Там же. Л. 6–6 об.
⁶⁴ См. примеч. 2. Цит. С. 432.
⁶⁵ Голос. 1868. № 178. 29 июня. С. 4.
⁶⁶ Новое время. 1904. № 10152. 7 июня. С. 4.
⁶⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 93. Д. 363.
⁶⁸ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб.). Б. 1421.
⁶⁹ Верландер Л. П. По Балтийской дороге. СПб., 1883. С. 153.
⁷⁰ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 297.
⁷¹ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 122.
⁷² Ист. вестн. 1913. Т. 133. № 8. С. 655.
⁷³ Там же. С. 660.
⁷⁴ Новорос. телеграф. 1880. № 1654. 15 авг. С. 1.
⁷⁵ В совершенстве одного из комплексов зданий бойни, местонахождение которых не установлено, можно убедиться, ознакомившись с альбомом фотографий «Красносельские бойни» (б/д), хранящемся в отделе эстампа Российской национальной библиотеки.
⁷⁶ См. прил. 71. Цит. С. 154.
⁷⁷ Прибавление к церков. ведомостям. 1891. № 24. С. 781–782.
⁷⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 93. Д. 357.
⁷⁹ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 18. С. 207.
⁸⁰ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 196. Л. 5.
⁸¹ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 435.
⁸² РГИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.
⁸³ Там же. Л. 3.
⁸⁴ См.: Тихонов А. П. Красное Село. Л., 1968. С. 26.
⁸⁵ Агафонов К. Красносельские скачки. 1872–1897 гг. СПб., 1893. С. 25.
⁸⁶ Верландер А. П. Путеводитель по Балтийской дороге. СПб., 1883. С. 180.
⁸⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 418. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ Там же. Ф. 349. Оп. 17. Д. 3835, 3836, 3837, 3838, 3839.
⁹⁰ ЦГА КФФД СПб. Г 3532–3533; Г 3538; Г 3540–3543; Г 3545–3547; Г 1544–1554; Д-15070, 15071.
⁹¹ Военная энциклопедия / Под ред. Величко. СПб., 1913. Т. XIII. С. 259.
⁹² Гейфельцер О. Красносельский и шалонский лагерь. СПб., 1868. С. 7–10.
⁹³ Домбровский Ф. В. Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896. С. 295–296.
⁹⁴ Каменский Е. Ф. Красное Село // Ист. вестн. 1913. № 8. Т. 133. С. 656.
⁹⁵ Верландер А. П. Указ. соч. С. 154.
⁹⁶ Игнатъев А. А. 50 лет в строю. Петрозаводск, 1963. С. 27, 92–93.
⁹⁷ Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. С. 45.
⁹⁸ Кудрявцев М. В. Страницы истории Красносельского района. Рукопись. Л., 1992.

Брань под Красным.
Сцена из лагерной жизни.
Художник П. А. Федотов. 1840 г.

III Так в 1840 году иронично назвал свой рисунок известный художник П. А. Федотов, бывший в то время офицером лейб-гвардии Финляндского полка. Он изобразил момент, когда полковой командир генерал-майор Вяткин распекал молодого офицера, командира залегшей в поле цепи застрельщиков. Каламбурная игра двумя значениями слова «брань» (битва и ругань) юмористически сопоставляет село Красное вблизи Смоленска, где Кутузов разбил отступающую наполеоновскую армию в 1812 году, и Красное Село под Петербургом, где русская гвардия совершала свои ежегодные учения в мирное время.

При Николае I красносельские маневры, ставшие уже непременным элементом службы, носили характерный отпечаток своей эпохи.

После череды тяжелых испытаний, пройденных русской армией, и особенно гвардией, в первые годы царствования, – восстания декабристов, холерных бунтов, персидской, турецкой и польской кампаний, – жизнь входила в мирное русло. Из польского похода 1831 года гвардейцы возвращались, закаленные в боях, оваянные славой, на их мундирах заблестели медали и кресты за недавние победы. Гвардейский корпус был переформирован и еще больше усилился за счет полков, переведенных из Варшавы в Петербург и его окрестности. Огромное и могучее воинское объединение, со-

«Брань под Красным»

С. А. Малышев

стоявшее из отборных, идеально вымуштрованных солдат и офицеров, насчитывало уже три дивизии пехоты по четыре полка, три дивизии кавалерии по четыре полка, три пеших артиллерийских бригады, конную артиллерию и несколько отдельных батальонов и дивизионов, общим числом около 60 000 человек.

Каждое лето все эти лучшие силы Российской империи стройными колоннами двигались из Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчины, из ближайших деревень и неблизкого Новгорода в лагерь под Красным Селом, где должны были создавать боевую обстановку, маневрировать батальонами, полками, бригадами, дивизиями, наступать, отступать и снова наступать друг на друга, готовясь к будущим боям и демонстрируя государю свою преданность и выучку.

Гвардейские полки в установленной для них очередности прибывали на одни и те же отведенные им места и ставили палатки. Белые полотняные палатки выстраивались ровными рядами, образуя подобие улиц, а весь лагерь, наполненный огромным войском, оживленный передвижениями караульных отрядов, скачущих адъютантов, команд, идущих за дровами или за водой, звуками барабанов и флейт, разговорами и прибаутками вокруг артельного котла, напоминал целый город. Недаром в солдатской песне «Взвейтесь, соколы, орлами» говорилось:

Лагерь – город полотняный,

Морем улицы шумят.

Позолоту румяной

Церкви маковки горят.

В николаевскую эпоху в русской армии царил легендарно суровая дисциплина, которая считалась главным условием порядка и безопасности государства, позволяла императору надеяться на беспрекословное подчинение, верность долгу и присяге, непоколебимую стойкость и самопожертвова-

ние своих войск. Когда под Красным Селом Николай I объезжал полки, радость офицеров и нижних чинов была неподдельной. Русский солдат – в большинстве своем серьезный, послушный и набожный – был по своей природе монархистом. Для него не было на земле никого выше царя. Служба в гвардии была самой почетной, но и самой сложной. Здесь, на виду у императора, было больше шагистики и ружейных приемов, строже требования к форменной одежде,

Император Николай I.
Художник Ф. Крюгер. 1840-е гг.

жестче регламентация всех служебных мелочей. Зато царь был здесь не абстрактным понятием, а реальным, зримым земным отцом, который мог запросто поговорить с любым из солдат, расспросить о его нуждах, особенно при посещении своих любимых частей: лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Конного полков, лейб-гвардии Саперного батальона. Но в остальное время между солдатом и царем стояли унтер-офицеры, фельдфебели, ротные, батальонные, полковые командиры, дивизионные начальники и, наконец, грозный командир Гвардейского корпуса вели-

кий князь Михаил Павлович, младший брат Николая I, преданный ему всей душой.

Великий князь запомнился современникам как doskonaльный знаток строевых и ружейных приемов, строгий, требовательный и придиричивый начальник, не признававший в жизни ничего, кроме военной службы, свирепый в гневе, подчас жестокий, но отходчивый человек с чувством юмора, который ценил смелую шутку и честное признание. Солдаты и офицеры побаивались его, но уважали за справедливость, отзывчивость и отеческую заботу. Когда Михаил Павлович посещал стоявшие лагерем полки, люди сбегались к нему ото всех палаток и шапки летели вверх. П. А. Федотов, запечатлевший одну из таких встреч во время лагерей 1837 года, описывал ее затем в автобиографии:

«Великий князь Михаил Павлович, облегченный от тяжелой болезни, возвратился тогда из-за границы и обходил лагерь своих любимцев-гвардейцев буквально без церемонии, по-отечески. Нестройными, но живописными группами толпились вокруг него гвардейцы, лезли на пирамиды, на плечи товарищей, чтоб увидеть в лицо своего отца-командира; добродушное ура, шапки в воздухе, давка, беготня – сюжет славный задел на первом порыве художника, и он его с терпением воплотил в лицах»¹.

Лагерная служба гвардии в 1830–1840-х годах была, в общем, довольно утомительна. Постепенное усиление нагрузки и нарастающее усталости солдат и офицеров вследствие служебного рвения начальства описывает в своих воспоминаниях офицер лейб-гвардии Преображенского полка князь Н. К. Имеретинский:

«Вначале оно было еще сносно; занимались устройством лагеря, праздновались царские объезды, потом начинались ротные, батальонные и полковые учения. Все это продолжалось час или два и было еще посильным бременем. Но в конце июня начинались на военном поле дивизионные 12-рядные учения и потом дивизионные линейные учения (в полном числе рядов) «с порохом и артиллерией», как говорили в приказах, то есть стрельба производилась холостыми зарядами. Если, например,

учение было назначено в 7 часов утра, то людей будили в 4 часа, а к пяти были уже готовы на линейках. Этим начиналось утро, крайне тягостное для солдат, которых начинали будить гораздо помянутых часов, предписанных приказом. Конечно, не менее тягостно было утро для офицеров»².

Из года в год под Красным Селом войска на маневрах совершали одни и те же передвижения по одной и той же местности. Офицер гвардейской конной артиллерии Г. Д. Щербачев вспоминал, что когда забывал нужное направление, то отдавал своей батарее команду к повороту только после того, как старый фейерверкер (артиллерийский унтер-офицер), ехавший впереди, привычно повернет свою лошадь в нужном направлении, как делал это уже не один десяток лет.

Два старинных, самых престижных полка гвардейской пехоты – Преображенский и Семеновский, составившие Петровскую бригаду, укомплектованные самыми лучшими, рослыми, сильными, красивыми солдатами, самыми знатными и родовитыми офицерами, во всех войнах первой трети XIX века были неприкосновенным резервом. Их как телохранителей императора и украшения всей русской армии ставили подальше от вражеского огня и берегли для последнего решающего удара или для торжественного вступления в города, с идеальной выправкой, в не-

потрепанном виде и в полном комплекте людей. Петровская бригада заслужила это право своими подвигами в годы Северной войны 1700–1721 годов. На красносельских маневрах, как на репетиции возможных будущих войн, эта традиция продолжалась и при Николае I. Князь Имеретинский писал:

«Преображенский полк на всех маневрах всегда почти ходил в глубоком резерве. Зато в последний день он выступал в роли священной фаланги, решающей участь войны, и производил эффектную, сомкнутую атаку»³.

Русский солдат на походе всегда шел с песней, которая подбадривала, прогоняла усталость, облегчала тяжесть амуниции, жару или, наоборот, холод. В каждом батальоне был свой слаженный хор песенников. По команде «Песенники, вперед» эти солдаты выбегали из своих рот, обгоняли идущий батальон, выстраивались перед ним и заводили лихую песню, подыгрывая себе ложками и бубном. Особую категорию составляли плясуны, которые всю дорогу плясали вприсядку. Свои ружья они отдавали песенникам, и тем приходилось нести на плече по два ружья. Однако некоторые умудрялись плясать даже с ружьем, не говоря уже о прочих предметах: ранец, пристегнутая к ранцу скатка шинели, патронная сума и тесак. Самые отчаянные и выносливые могли проплясать целый поход.

Хор песенников гвардейской пехоты на походе.
Рисунок. Около 1826–1833 гг.

П. А. Федотов, который был не только художником, но и поэтом, изображает в стихах грозное неспешное движение пехоты под Красным Селом:

*Вот идут, идут, идут,
Ровным шагом землю бьют,
Поле чистое трясется.
Эхо близких рощ и гор
Вторит музык стройный хор.
Сквозь аккорды крик несется:
«Рад...стараться, ваше...ство!»
И на лицах торжество»⁴.*

Очень эффектно смотрелись кавалерийские атаки со сверкавшими на солнце клинками сабель и развевавшимися по ветру цветными флюгерами пик. На полях под Красным Селом яркими массами проносились красные, расшитые шнурами доломаны и ментики гусар, красные куртки казаков, синие мундиры улан – легкая кавалерия изображала рекогносцировки, бои на марше, обходные маневры, глубокие рейды по тылам противника. Драгуны и конногренадеры своими темно-зелеными, почти черными мундирами напоминали пехоту. Николай I пытался возродить их старинное предназначение – действовать и в конном, и в пешем строю. Тяжелую кавалерию составляли любимые императором кирасиры – высокие, сильные люди в касках, белых мундирах, медных или железных кирасах – доспехах, защищавших грудь и спину, с длинными тяжелыми палашами, на огромных могучих лошадях. Как и в середине XVIII и в начале XIX века, они атаковали сомкнутым строем, сплошной металлической стеной и представляли собой грозное и внушительное зрелище. Масти лошадей при Николае I были подобраны по полкам, например у кавалергардов все лошади гнедые, у конногвардейцев вороные, у кирасир его величества рыжие, у кирасир наследника караковые, у конногренадер вороные, у лейб-улан рыжие и так далее. Подобрать для каждого полка около 1000 одномастных лошадей было непросто, но стройная единообразная картина стояла того.

Кирасиры, самая элитная при Николае I кавалерия, отборные люди на отборных лошадях, были предметом не только восхищения и зависти, но и добродушных насмешек со стороны солдат других полков. Кирасир называли «дологая-

ми» или «талагаями». Если кирасирский полк скакал вдоль оврага, то случалось, что берег осыпался и крайние с фланга всадники обрушивались вниз. Конноартиллерист Г. Д. Щербачев писал, что на каждых маневрах видел на дне злополучного оврага одного или нескольких кирасир с лошадьми, ожидавших помощи. Тяжесть амуниции и лошадей не позволяла им выбраться наверх самостоятельно.

Движение больших масс кавалерии в летнюю жару поднимало тучи пыли, которая покрывала лица, делая их неузнаваемыми. Офицер лейб-кирасирского полка князь А. М. Дондуков-Корсаков вспоминал, как это обстоятельство помогло полковому командиру Арапову ввести в заблуждение самого императора:

«Я испытал даже на себе, до какой степени дерзость обмана начальства доходила в то время. Это было в лагере в Красном Селе; я ездил очень хорошо и считался ординарским офицером; когда я отъездил свою очередь за ординарца от 1-го эскадрона, в котором служил, Арапов на следующем разводе просил меня опять ехать за ординарца от 3-го эскадрона на его лошади, несовершенно выезженной... Я отъездил чрезвычайно удачно, и государь Николай Павлович, когда я с ним поравнялся, командовал «стой», похвалил мою езду и посадку и спросил у Арапова, как фамилия. Тот, не смущаясь, ответил: «3-го эскадрона

поручик Сосновский». Ветер был весьма сильный и все мы покрыты густою черною пылью, но что бы было, если бы покойный государь узнал правду!»⁵

Если в начале XIX века войска выходили на сражение в парадной форме, то при Николае I эта форма была оставлена только для парадов и для службы в городе, а на войне и на маневрах одевались по-походному. На кивера, сняв с них султаны, надевали чехлы, мундиры застегивали так, чтобы цветные лацканы были закрыты, гвардейская кавалерия меняла чакчиры с цветными лампасами и кирасирские лосины и ботфорты на простые серо-синие рейтузы. В то время все это делалось не столько ради того, чтобы выглядеть незаметными, сколько ради сбережения дорогостоящих мундирных вещей. Но все равно мундир оставался красивым и щегольским, с яркой, чаще всего красной, отделкой, блестящими пуговицами, широкими белыми ремнями; пехоте полагались белые летние панталоны, офицерское обмундирование блистало золотом или серебром. Только легкая пехота, егеря, имела, по традиции, более скромные мундиры с меньшим количеством цветных деталей и с черными ремнями. (Это нельзя рассматривать как признак отсталости русской армии – военная форма ведущих европейских стран того времени была такой же или еще более яркой). В эпоху господства линейной тактики и гладкостволь-

Нижние чины лейб-гвардии Московского полка на фоне лагеря.
Художник Г. Шварц. 1849 г.

ных ружей, бивших на 100 шагов, главная забота в бою состояла в том, чтобы идти в ногу и держать равнение. Впереди рассыпалась цепь застрельщиков, которая могла применяться к местности, залегать, по одиночке вести прицельный огонь, но главные силы наступали ровными рядами, как на параде, по команде заряжали ружья, по команде прицеливались и стреляли залпами. Победоносная польская кампания 1831 года стала как бы последним отголоском наполеоновских войн, ушедших в прошлое. Надвигались войны совсем другие, не похожие на красносельские маневры. Россия не стояла на месте, примерно каждые 5–6 лет ружья в гвардии, а затем и в армии переделывались по новому, более современному образцу, в командах застрельщиков гвардейской легкой пехоты уже было нарезное оружие – штуцера. Но в общем и целом господствовала рутина, генералы почивали на лаврах, уверенные в непобедимости русского солдата, и под Красным Селом ничего не менялось. Офицер-преображенец Г. П. Самсонов писал:

«Ружейным приемам не было конца, а отчетливость в них требовалась баснословная. Скоман্দуют “кладсь” и целые 1/4 часа проверяют, ровно ли держится всеми ружье. Только и слышишь: во второй шеренге четвертый подыми ружье! В третьей шеренге первый опусти! и т.д. Вообще ружье тогда назначалось больше для приемов, нежели для стрельбы, и, как штык, оно было хорошо, как и теперь, но, как огнестрельное оружие, не годилось никуда. Правда, блестели ружья у всех великолепно, ибо чистились сплошь наждаком»⁶.

Речь идет о наружной чистке ствола и других металлических деталей ружья для придания им блеска. О том, как ствол изнутри прочищался от нагара после холостой стрельбы и как добивались отчетливого бряцания при ружейных приемах, вспоминал А. М. Дондуков-Корсаков:

«...Кремневое тогдашнее ружье до того чистилось песком и кирпичом, что положительно теряло всякую верность в стрельбе; гайки, укреплявшие ствол к ложу, пригонялись как можно свободнее, чтобы приемы были темписты. Пригонка ранцев крестообразно через

Император Николай I и великий князь Михаил Павлович перед цепью застрельщиков лейб-гвардии Финляндского полка. Художник А. И. Гебенс. 1844 г.

грудь, белая амуниция, требующая постоянной чистки, наконец, узкая пригонка мундиров, безобразные, тяжелые головные уборы – все это крайне стесняло и утомляло солдата во вред его здоровью»⁷.

Как тут не вспомнить лесковского левшу с его знаменитыми словами: «Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся».

Безобразными, тяжелыми головными уборами Дондуков называет кивера. Об эстетической стороне можно поспорить, но действительно, николаевский кивер образца 1828 года был очень высоким и увесистым. Когда гвардия, выступая в Красное Село, обтягивала кивера чехлами из черной клеенки, офицеры, чтобы облегчить себе жизнь, надевали заказанные для таких случаев клеенчатые кивера, которые снаружи выглядели как настоящие. В 1844 году кивера в войсках, начиная с гвардии, были заменены касками из твердой лакированной черной кожи, с металлической отделкой. Появление касок было единодушно одобрено солдатами и офицерами: каски оказались удобнее, практичнее и надежнее киверов, они гораздо меньше отягощали голову и шею, имели элегантный и воинственный вид, лучше защищали от сабельных ударов.

Одна из таких касок под Красным Селом спасла жизнь солдату, невольно ставшему главным героем скандального, из ряда вон выходящего происшествия. Каждый год маневры заканчивались имитацией генерального сражения. Не дожидаясь сближения противников, атакующей стороне давали отбой. Однако на маневрах 1850 года батальон лейб-гвардии Преображенского полка не успели остановить. Участник этого события князь Н. К. Имеретинский писал:

«...Если уже противник изобразался живыми людьми, следовало рассчитать, когда начать атаку и когда остановить ее. Это сделано не было и сошлись буквально лицом к лицу с батальоном лейб-гвардии Финляндского полка, стоявшим неподвижно на месте. Солдаты, разгоряченные наступлением, не на шутку сцепились с противником; слышались зловеющий визгливый стук штыков и клинков и крики офицеров, через силу ранимавших расходившихся солдат. Среди этой суматохи вдруг раздался вблизи конский топот и всем знакомый звонкий все заглушающий голос царя. Он поспешно скакал к нам с своей огромною свитою, где находилось множество иностранцев. Лошадь государя отшатнулась было от шумящей толпы, но он дал ей шпоры и сам первый втиснулся в середину схватки. Никогда не забуду лица госу-

даря в эту минуту. Оно так исказилось гневом, что стало неузнаваемым. Он пожелтел, глаза налились кровью и сверкали, нижняя губа и подбородок выдвинулись вперед и судорожно дрожали. «Что вы делаете, – грозно кричал император, с трудом протискиваясь и беспрепятственно вонзая шпоры в бока оторопелой лошади. – Своих братьев резать хотите что ли? Назад, олухи, угорелые кошки!»...

Солдаты передних рядов поспешно подались назад, но, встретенные напором остальной, толкавшейся за ними массы, опять хлынули под ноги царского коня. Государь принял это за колебание исполнить приказ и совершенно вышел из себя.

– Назад... говорю я вам, – крикнул он изменившимся от гнева, но твердым и громким голосом, – первому, кто выскочит вперед – расколую голову.

С этими словами государь выдернул саблю, но на этот раз толпа, пораженная ужасом, отхлынула назад всею массою, но к несчастью, один ефрейтор из 4-го взвода, как впоследствии оказалось, самый смиренный, трезвый и отличнейший солдат, был в эту минуту стиснут смятенными товарищами и буквально выброшен или выдавлен ими перед колонну. Император с размаху резанул его по каске саблею, но в это время офицеры уже овладели оцепеневшими от ужаса батальонами, успели раздвинуть их и устроить порядок. Пораженный государем солдат спешил спрятаться в ряды; он остался невредимым, спасенный шишаком каски; шишак этот оканчивался четырьмя бронзовыми лапками, лежавшими крестообразно на кожаном козырьке каски. Царская сабля ударила по передней лапке, разрубила ее, но, к счастью, не совершенно, потому что лапка выгнулась и вдавилась в козырек, так что удар, ослабленный движением бронзы и кожи, не дошел до головы. После этой страшной минуты государь, немного успокоившись, отъехал на несколько шагов, медленно вложил саблю в ножны, потом вдруг быстро вернулся к батальону и проговорил уже совершенно спокойным голосом:

– Кого из преображенцев я ударил – выйди вперед...

Все машинально и хором зашептали: «Выйди вперед, кого государь ударил»...

Но солдат уже давно вышел вперед. Государь смотрел на него пристально.

– Хорош... хорош... – проговорил император, возвышая голос с гневною ирониею. Но, видя кроткое и добродушное лицо солдата, спросил тихо и с участием:

– Что, я тебя больно ушиб?

– Никак нет, ваше величество, – отвечал ободренный ефрейтор. Государь бросил недоверчивый взгляд и подъехал к нему ближе.

– Точно ли правду говоришь?

– Точно так, ваше величество.

Но в это время государь уже успел осмотреть каску и уверился, что удар действительно был безвредный. Едва успел он отъехать, как все начальники налетели козырем на несчастный наш батальон. Начались розыски и распекания»⁸.

Последняя фраза напоминает о том, с какой яростью строевое и штабное начальство набрасывалось в те времена на подчиненных в случае служебных упущений. Дивизионные генералы гневно выговаривали полковым командирам, те устраивали разнос своим офицерам, особенно молодым, а усердные фельдфебели и унтер-офицеры обрушивались на рядовых. Самых свирепых унтеров в николаевские времена иронично называли «дантистами». Некоторые офицеры, особенно немцы, тоже не брезговали рукоприкладством. В 1844 году командиром гвардейской пехоты вместо генерала Арбузова был назначен наследник цесаревич Александр Николаевич, уже тогда отличавшийся гуманными взглядами, и это, как отмечал офицер лейб-гвардии Егерского полка П. А. Степанов, положительно отразилось на жизни красносельского лагеря:

«После большого парада, бывшего в этом году в начале лагеря, начались обычные посещения на военное поле. Заметно стало радикальное изменение в обращении начальников с войсками. Прежде постоянно раздавались крики, вопли, сильная брань, иногда перемешанная с выражениями, неудобными для печати. Теперь все тихо; замечания делаются спокойно, непечатных слов вовсе не слышно и не раздаются действовавший на нервы пискливый голос бывшего начальника пехоты»⁹.

В 1849 году, после смерти великого князя Михаила Павлови-

Великий князь Михаил Павлович и наследник цесаревич Александр Николаевич.
Рисунок из альбома 1830-х г.

ча, наследник стал командиром всего Гвардейского корпуса. По материалам полковых историй, грубое обращение и неофициальное (помимо телесных наказаний) битье солдат имели место и в те годы. Лейб-егерь Степанов отчасти польстил императору Александру II, в царствование которого издавались эти мемуары.

Барабанными сигналами, по которым начинался и завершался день в лагере, были утренняя и вечерняя зори с общим построением и молитвой. После вечерней зари нижние чины, наконец, освобождались от тесных мундиров и тяжелой амуниции и надевали поверх рубах шинели. Тогдашняя шинель в любое время года служила солдату и походной, и нестроевой, и выходной одеждой. Офицеры, свободные от дежурств, отдыхали от дневной жары и служебных забот у своих палаток. Сидя на привезенных в лагерь диванах и стульях, кто в сюртуке, кто в домашнем халате, покуривая трубки на длинных чубуках или сигары, беседовали о службе, о вакансиях, хвалились любовными похождениями, обсуждали залетевшие в полк новости высшего света. Уже в 1830–1840-е годы около офицеров стали появляться торговцы всевозможной снедью и напитками, смекнувшие, что здесь их ждет большая выгода.

Ходить по лагерю можно было только одетым по форме, разгуливать в халате запрещалось. Кавалер-

гарды вспоминали, что служивший в их полку убийца Пушкина Дантес, презирая русский язык, порядки и дисциплину, получал взыскания за то, что «на линейку бивака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах или сюртуках, выходил в шафоре, имея шинель внакидку»¹⁰.

Известный шутник и остро-слов, офицер лейб-гвардии Московского полка К. А. Булгаков оставил о себе память своими шалостями, в том числе и в Красном Селе. Однажды великий князь Михаил Павлович увидел Булгакова кутящим в ресторане за несколько верст от лагеря, хотя тот был дежурным по полку. Разгне-

ванный великий князь крикнул своему кучеру: «В лагерь, живо, к Московскому полку!» Лошади мигом домчали, и Михаил Павлович тут же велел созвать всех дежурных по полкам. В их числе явился и Булгаков. Пораженный великий князь отозвал его в сторону и сказал: «Даю тебе слово, Булгаков, что тебе ничего не будет, если скажешь, как тебе это удалось». – «Самым простым образом, ваше высочество. Вы сами довели меня в вашей коляске, только на запятках».

С начала 1830-х годов время пребывания Гвардейского корпуса в лагерях было увеличено с одного до полутора месяцев, с 1840-х го-

дов – до двух месяцев. По возвращении полков в свои казармы наступало относительное затишье. Солдатам давался отдых от занятий, чем лучше показал себя полк, тем длиннее, до 10 дней. Многие офицеры в конце лета уезжали в отпуска. В 1849 году гвардия сходила в Венгерский поход, где ей не пришлось принять участия в боях, с 1853 по 1856 год продлилась Крымская война, показавшая храбрость русского солдата и недостатки системы. Реформы нового царствования многое изменили в армии, начиная, как всегда, с гвардии, что отразилось и на красносельских маневрах. «Брань под Красным» приобрела черты нового времени.

¹ Павел Федотов. Каталог. СПб., 1993. № 56.

² Гулевич С. А. История Л-гв Финляндского полка. СПб., 1906. Т. 2. С. 202.

³ Там же. Т. 2. С. 206.

⁴ Там же. Т. 4. С. 215.

⁵ Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. Стар. и нов. СПб., 1902. Кн. 5. С. 186.

⁶ Самсонов Г. П. Из записок старослужившего // Рус. старина. 1901. Дек. С. 932.

⁷ Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. С. 184.

⁸ Гулевич С. А. Указ. соч. Т. 2. С. 207–208.

⁹ Степанов П. А. 25 лет в Л-гв Егерском полку // Воен. сб. 1878. № 2. С. 345.

¹⁰ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1906. Т. 4. С. 77.

Красносельский лагерь в рисунках и акварелях П. А. Федотова

Л. А. Малашевская

Жизнь Красного Села и его окрестностей с конца XVIII века и вплоть до начала Первой мировой войны протекала довольно интенсивно, особенно в летние месяцы. Сюда устремлялись любители деревенского отдыха, привлекаемые живописными ландшафтами, чистыми озерами, многочисленными рощами и садами. Но главной отличительной чертой этих мест было то, что в мае-августе здесь сосредотачивались полки императорской гвардии. Ежегодно 40–45 тысяч высших и нижних чинов. Фактически каждый офицер гвардейского корпуса несколько раз за время своей службы находился в красносельском лагере.

Из среды военных, связанных с Красным Селом, вышло много ярких личностей. Однако их упоми-

нение ограничивают обычно именами В. И. Суворова, М. И. Кутузова, М. Ю. Лермонтова, А. Ф. Можайского. Этот ряд, несомненно, пополнит имя художника П. А. Федотова.

Павел Андреевич Федотов (1815–1852) прожил короткую, но чрезвычайно насыщенную творческую жизнь. Его картины «Свежий кавалер», «Завтрак аристократа», «Сватовство майора», «Вдовушка», «Анкор еще анкор» стали хрестоматийными. Три из них посвящены военным сюжетам. Это естественно для человека, у которого семнадцать из отведенных ему 37 лет жизни были связаны с военной средой – учебой в Московском кадетском корпусе и службой в лейб-гвардии Финляндском полку. Многочисленные офицерские

обязанности, поглощавшие значительную часть времени, не только не потушили в нем искру творчества, но, наоборот, были для воображения начинающего художника питательной средой. Еще в кадетском корпусе, а позже в Финляндском полку он занимался рисованием, акварелью, находя персонажи и сюжеты для своих работ в гвардейских среде и быте, укрепляясь год от года в стремлении полностью уйти в творчество. Толчком к осуществлению мечты стало создание художником широко известной ныне акварели из собрания Государственного Русского музея (ГРМ) «Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка вел. кн. Михаила Павловича 8-го июля 1837 года». Действие развернутой на ней сцены происходит в Крас-

носельском лагере, где обучались и укрепляли здоровье войска Петербургского округа. За десять лет службы в Финляндском полку Федотов неоднократно участвовал в учениях и маневрах, был знаком с различными сторонами лагерных будней. В его художественном наследии можно выделить ряд произведений, относящихся к начальному этапу истории становления красносельских маневров периода 1833–1843 годов.

В акварелях и рисунках Федотова мы не увидим четко построенных рядов войск, красивые цепи и квадраты марширующих, эффектно одетых гвардейцев. Будущий родоначальник критического реализма изображал моменты, которые в те годы зачастую ускользали из поля зрения или совершенно по-иному трактовались академическими баталистами. Художника привлекали моменты повседневной лагерной жизни, ее бытовая сторона, непринужденное общение друзей-офицеров, незатейливые частные эпизоды, подмеченные во время учений, маневров, участниками которых были как офицеры, так и солдаты. Все это он часто сдабривал иронично-шутливым взглядом на изображаемое. Можно упрекать Николая I в насаждении им собственных вкусов в живописи, но то, что делал Федотов, вызывало у монарха одобрение и желание поддерживать начинания молодого тогда офицера-художника. Федотовские листы, по большей части небольшого формата, населены многочисленными персонажами, многословны и повествовательны, полны юмора и живого чувства свидетеля происходящего.

При их рассмотрении воскресают в памяти слова автора, комментировавшего на выставках картину «Сватовство майора»:

*Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просим,
Денег не спросим:
Даром смотри,
Только хорошенько очки протри.*

Предлагаем «протереть очки» и сегодняшнему зрителю, интересующемуся историей красносельских лагерей. Напомним, что на федотовских листах представлены реально жившие люди, в их реально имевших место быть взаимоотно-

шениях. Как отмечали современники, портреты изображенных однополчан, а у Федотова они составляли целый альбом, отличались большим сходством. Если внимательно рассмотреть все сделанное Федотовым за время службы в лейб-гвардии, то можно утверждать, что десять лет он был прилежным хроникером родного полка.

3 января 1834 года в чине прапорщика восемнадцатилетний П. А. Федотов прибыл в лейб-гвардии Финляндский полк, расположенный в своих казармах на Васильевском острове. С того года и до отставки, как свидетельствует сохранившийся формулярный список, он вместе с полком в летний период пребывал в Красносельском лагере. Напомним кратко историю его становления. Эти сведения почерпнуты из «Военной энциклопедии», брошюр военных медиков и историков О. Гейфельдинга и С. Унтербрунера, из полковой истории С. Гулевича, а также из других изданий¹.

14 июля 1765 года в районе Красного Села впервые были собраны войска для маневров. До 1830 года гвардия участвовала в маневрах в течение одного месяца, но с 1831 года этот срок составлял шесть недель², к 40-м годам — два месяца в июне-июле, в дальнейшем лагерные сборы длились все лето. С 1833 года Финляндский полк располагался в

Большом лагере, где его соседями были Московский, Гренадерский, Павловский и другие пехотные полки 2-й гвардейской пехотной дивизии, а также роты гвардейской пешей артиллерии и военно-учебные заведения на правом фланге. Местность вокруг представляла собой живописные картины, где низины перемежались с возвышенностями, поросшими многочисленными садами, рощами, лесами.

На таком же фоне, разработанном легко и обобщенно, представил Федотов на акварельном листе «В лагере на передней линейке. Групповой портрет офицеров Финляндского полка» вечернюю сцену отдыха офицеров³. Передний план он занял изображением беседующих офицеров, расположившихся на диване, сооруженном из дерна. Среди однополчан автора здесь присутствуют Э. К. Шульц, Е. Е. Иордан, князь Р. И. Андронников, барон П. Е. Тизенгаузен. Их портреты, как это было свойственно художнику, тщательно прописаны, отличались большим сходством и легко узнавались современниками, о чем свидетельствовали все, кто был знаком с творчеством Федотова. Кроме умения передать сходство, без труда прослеживается еще одна свойственная мастеру черта — любовь и внимание к деталям бытового характера, которые становятся «говоря-

В лагере на передней линейке.
Групповой портрет офицеров Финляндского полка.
ГРМ, 1840–1841. Бумага, акварель. 33,7x26,9

щими». Так, Иордан и Тизенгаузен одеты в домашние халаты, видимо, они являлись хозяевами палатки⁴, которая изображена слева от сидящих. Известно, что до появления барачных офицеры жили в них по двое. За спинами беседующих тянется линия других офицерских палаток, около которых стоят беседующие князь И. Ф. Орбелиани и П. А. Шмидт.

Тема дружеского общения, совместного отдыха прослеживается и в акварели «Семья генерал-майора А. С. Вяткина среди офицеров лейб-гвардии Финляндского полка в Красносельском лагере в 1840-м году». Действие происходит, как видно, в послеобеденное время, когда офицеры покинули столовую⁵, расположенную на втором плане и представляющую собой большую палатку с окнами. Командир полка изображен в центре облокотившимся на спинку кресла, в котором сидят его жена и дочь. Вместе с другими офицерами они рассматривают работы Федотова. Присутствие в лагере женщин не было необычным. Семьи женатых офицеров зачастую располагались на дачах по соседству (в Красном Селе или окрестных деревеньках), так же как и семьи женатых солдат, но, естественно, с разницей в бытовых условиях. Эта акварель обилием реальных персонажей (здесь изображены офицеры Угрюмов, Федоров, Кинович, Греч, Розе, Макуаер), многочисленных живых сценков и обилием деталей характерна для Федотова. Он изображен здесь же, демонстрирующим дамам и товарищам свои работы. Талант Федотова, посещавшего с согласия командира в свободное время классы рисования в Академии художеств, однополчане одобряли и ценили, часто служили моделями для его сюжетов. П. С. Лебедев, соученик Федотова по кадетскому корпусу, вспоминал, что командир полка генерал-майор М. А. Офросимов (1833–1839) «на время лагеря 1839 года, отделил барак, где он поселился с своими слепками и рисунками»⁶.

До 1918 года многочисленные произведения Федотова хранились в полку (с 1904 года в организованном там Историческом музее), откуда их доставили в Русский музей.

Семья генерал-майора А. С. Вяткина среди офицеров лейб-гвардии Финляндского полка в Красносельском лагере в 1840-м году.
Местонахождение неизвестно

В упомянутых акварелях нашли отражение те моменты лагерной жизни, когда полк, прибывший из Петербурга, успел основательно организовать свою деятельность, то есть обустроить пекарню, баню, поставить палатки и нары в них, подготовить площадки для занятий. По завершении хозяйственных хлопот в лагере начинали ротные, батальонные и полковые ученья. У ротных командиров, должность, которую исполнял тогда и Федотов, свободного времени было мало. Оно поглощалось занятиями с солдатами. Требования к качеству и внешней стороне исполнения приемов (шага, построений, ружейных приемов, хождения в строю) были невероятно высоки и диктовались жесткими требованиями командира Гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича (1831–1844) – брата императора. Тем не менее друг Федотова А. Дружинин писал: «Службою Павел Андреевич занимался старательно, хотя без особенной горячности. Зоркий глаз – начало успехов в военном деле – был ему лучшей помощью, давая возможность не только держать свою роту в великом порядке, но даже находить артистическую приятность в занятиях довольно утомительных для будущего художника»⁷. Как свидетельствует формулярный список, старательность Федотова была вознаграждена, ежегодно он «удостоился получить

в числе прочих высочайшее благоволение за смотры маневры и ученья» в Красном Селе⁸. Однако заслужить поощрения было непросто.

Мелочная придирчивость, которой был известен командующий, вынуждала с такой же придирчивостью командиров любого ранга относиться к своим подчиненным. Живописной иллюстрацией этого из лагерной повседневности служит хрестоматийно известная акварель «Брань под Красным» (Государственная Третьяковская галерея (ГТГ). 1840? Бумага, акварель. 19,8 x 15,9)*.

Акварель «Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка вел. кн. Михаила Павловича 8-го июля 1837 года» вызывает положительные эмоции и насыщена мажорным настроением⁹. Ее сюжет раскрыт полностью в названии. Великий князь буквально за пару дней до 8 июля прибыл из-за границы и сразу по возвращении отправился к подчиненным в Красное Село. Встреча произошла, видимо, ближе к вечеру недалеко от линии солдатских палаток. Среди персонажей, включенных в композицию, впервые столь многолюдную у художника, достаточно сдержанными представлены офицеры Финляндского полка и восторженными солдаты, в неподдельном ли-

* Подробнее об этом см. в статье С. А. Малышева «Брань под Красным», помещенной в этом номере журнала. – *Ред.*

ковании подбрасывающие шапки, приветствуя тем Михаила Павловича. Федотов был участником и свидетелем сцены, о чем вспоминал: «...сюжет славный задел на первом порыве художника, и он его с терпением выполнил в лицах»¹⁰.

Эти же лица на следующем этапе лагерного плана должны были продемонстрировать результаты летней учебы: с конца июня в красносельских лагерях начинались на Военном поле дивизионные двенадцатирядные, а потом линейные учения (в полном числе рядов), «с порохом и артиллерией», то есть со стрельбой холостыми зарядами. На них обычно присутствовал Михаил Павлович. Его изображения, по воспоминаниям современников, всегда удавались Федотову. Это подтверждают и несколько небольших портретов из собрания отдела рисунка и акварели Русского музея, и шарж из коллекции Государственной Третьяковской галереи «Дивизионное учение с порохом в присутствии шефа лейб-гвардии Финляндского полка вел. кн. Михаила Павловича» (ГТГ, 1840–1841. 22x 15,2). Эта акварель не была закончена художником. В величественной позе полководца, с шарфом на шее, напоминающим лавровый венок, предстает перед зрителем легко узнаваемый командующий гвардейским корпусом, в подзорную трубу наблюдающий за учением. Но пафосная, гротескная поза героя первого плана не вполне соответствует действию второго: запросто чаевничающие у палаток и одетые по-домашнему офицеры, занятая «амурными» делами парочка крестьян безразличны к тому, что так важно главному персонажу – не упасть лицом в грязь перед императором на предстоящих больших маневрах.

Члены императорской фамилии постоянно посещали войска, расположенные в лагере. Они оставались в своих дворцах, построенных в «Царском саду» Коломенской слободы Красного Села, откуда в любой момент могли отправиться по полкам с объездом, объявить смотр, учения или маневры. Как отмечал историограф полка С. А. Гулевич, во время маневров Николай I нередко ночевал в палатках с гвардейцами. В конце лагерного периода обычно царем производилась общая тревога, когда все

Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка вел. кн. Михаила Павловича 8-го июля 1837 года.
ГРМ, 1837. Бумага, акварель. 31x44,4

полки, демонстрируя ловкость и быстроту действий, мчались наперегонки к общему месту сбора. Этот сбор означал приближение завершающих сезон больших маневров. О них объявлялось накануне, когда участники узнавали сроки проведения, длительность, задачи. Обычно маневры длились 2–4 дня. В 1842 году Федотов в составе Финляндского полка участвовал в длительном семидневном маневре. Было выдано на шесть дней печеного хлеба и крупы, холостых патронов солдатам по 100 штук. Батальонным командирам предписано составить по окончании краткое описание действий «с обозначением частей войск и лиц с особенной

удовлетворительностью исполненных возлагаемых на них поручений»¹¹. Картины красносельских маневров с эпизодами и сценами походной жизни, выполненные в форме акварельных очерков, занимают значительное место в ряду батальных сюжетов Федотова. В них проявились все черты творческой индивидуальности автора, своеобразного, наблюдательного и остроумного мастера. Рисунки и акварели, тематически связанные с маршами, бросками войск, известны по репродукциям. Например, «Переход егерей вброд через реку на маневрах». Егеря или солдаты Финляндского полка, который относили к легкой пехоте, перебира-

Переход егерей вброд через реку на маневрах.
ГТГ, 1844. Бумага желтая, сепия, тушь, кисть, перо. 56,3x69,7

ются через реку. Федотов на небольшом пространстве листа развернул один из эпизодов маневра, обращая внимание на преодолимые военными трудности и занимательные детали военного быта, на рядовых солдат, представленных разнообразно и по-человечески тепло, а не штампованно красиво, как у А. Гебенса или А. Ладюрнера. Эта сепия очень характерна для Федотова, подобные военные композиции отсутствуют у других баталистов. Художник трактует сцену перехода через реку без героизации, а с долей юмора, иронии и доброго подтрунивания над своими героями. Федотов, пройдя на своем опыте все трудности служения Отечеству николаевской эпохи, знал суть того, что изображал. При рассмотрении этого сюжета, распадающегося на множество эпизодов, всплывают из глубин памяти слова «Солдатской песни», написанной Федотовым в 1841 году, которую пели в полку. Скорее всего, ее пел со своей ротой и автор, обладавший красивым голосом:

Ну-тка, братцы егеря,

Рать любимая царя,

Попоем, попоем.

То ли дело, то ли дело,

то ли дело егеря, егеря, егеря...

Тяжелы и гренадеры,

Мы ж на разные манеры,

Где ползком,

Где прыжком,

То ли дело, то ли дело,

то ли дело егеря, егеря, егеря...

В том же ключе исполнена акварель «Солдаты в походе, пьющие

из ушата воду» (ГРМ, 1835. Бумага, акварель, тушь. 18,5x14,3). Пейзаж почти не увлекает художника, хотя без труда определяется эскизно взятый красносельский вид и цепь передвигающихся на дальнем плане войск. А вот два немолодых егеря, помещенные у колодца на холме, как на пьедестале, даны живо и непосредственно, с интересными для сегодняшнего дня деталями обмундирования. Есть предположение, что этот небольшой сюжет происходит все же не из собрания великого князя Владимира Александровича¹², а из альбома, который упоминает хранитель музея Финляндского полка Гулевич, поднесенного великому князю Михаилу Павловичу. Туда входили и такие листы с сюжетами из лагерной жизни, как, например: «Аудитор л.-гв. Финляндского полка», «Офицеры л.-гв. Финляндского полка» (ныне – «На передней линейке») – обе в ГРМ.

Не вдаваясь в вопросы взаимоотношений царской семьи и художника, отметим, что все же благодаря поддержке императора Николая I Федотов решился в чине штабс-капитана гвардии уйти в отставку. Но перед тем он сделал две акварели по заказу командующего 2-й Гвардейской пехотной дивизией наследника цесаревича (Александра II), приближающиеся по живописности к картинам. Это были листы «Бивуак лейб-гвардии Павловского полка (Отдых на походе)» (ГРМ, 1843. Бумага на картоне, акварель, лак.

30x 34,3) и «Бивуак лейб-гвардии Гренадерского полка (Установка офицерской палатки)» (ГРМ, 1843. Бумага на картоне, акварель, белила. 30,3x35). Федотов писал: «Обе удостоились похвал его высочества и щедрой награды...». Павловский и Гренадерский полки стояли в Главном лагере рядом с финляндцами. Представленные «в лицах» гвардейцы были знакомы художнику, так же как и бивуачная жизнь. Но он много работал над этими композициями в поисках нужных решений построения и компоновки разных элементов, отборе и расстановке деталей и персонажей. Многочисленные подготовительные зарисовки к этим акварелям – свидетельство его поисков. Эти две «бивуачные» акварели, поднесенные будущему государю Александру II, имеют все качества художественных произведений и в то же время характер документа из жизни красносельского лагеря. Сюжеты их настолько повествовательны и легко читаемы, что почти не нуждаются в комментариях.

Безусловно, рассмотренными листами не ограничивается круг федотовских работ из жизни Красного Села. Список можно продолжить такими рисунками, как «Иностранные военные агенты на смотру», «Экзекутор лейб-гвардии Финляндского полка», «Из военной жизни в лагере» и другими. Но даже названные рисунки и акварели говорят о том, что Красное Село в лице Федотова имеет своего живописного летописца.

¹ Гейфелдер О. Красносельский и Шалонский лагерь в военно-медицинском отношении. СПб., 1868. Как писал автор: «...но даже не полный очерк о начале и об образовании лагеря стоил мне больших трудов по неимению никаких сведений и описаний об этом лагере в военном и санитарном отношении» (с. 9). Большинство сведений, заимствованных современными авторами, восходят к этой брошюре.

Унтербергер С. Ф. Красносельский лагерь в военно-медицинском отношении. СПб., 1910; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 13. С. 258–261; Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка 1806–1906. СПб., 1906. Ч. 2.

² Гулевич С. А. Указ. соч. С. 202.

³ Свободным было время после обеда с 12 до 17 и после ужина с 19 до 20 часов, а также в воскресные дни.

⁴ Палатки для солдат и офицеров были разные. Солдатские палатки изготавливали в одно полотно из холста и предназначались на 12–15 человек; офицерские – в три полотна (тик, холст, использовали и клеенку) на одного-двух человек. Солдатские палатки составляли 1-й пояс лагеря, а офицерские 2-й. Строились и деревянные бараки, в которые позже перешли все офицеры.

⁵ Столовую офицеры содержали на свои деньги. Здесь же устраивали комнату отдыха, библиотеку из привезенных из города книг.

⁶ Лецинский Я. Д. Павел Андреевич Федотов. Художник и поэт. М.; Л., 1946. С. 204.

⁷ Там же. С. 187–188.

⁸ Там же. С. 240.

⁹ За нее автор получил бриллиантовый перстень от Николая и предложение об отставке для совершенствования в художестве. Прежде чем художник пошел на этот шаг, прошло несколько лет.

¹⁰ Лецинский Я. Д. Указ. соч. С. 99.

¹¹ Гулевич С. А. Указ. соч. С. 205.

¹² Государственный Русский музей. Государственная Третьяковская галерея. Павел Федотов. Каталог / Ред. и авт. вступ. ст. М. Н. Шумова. СПб., 1993. Кат. 45.

Бальзак в Красном Селе

Н. В. Миронова

Имя великого французского писателя Оноре де Бальзака тесно связано с Российской империей XIX столетия. Семнадцать лет жизни он посвятил думам о России, об Украине, о своем счастье на этой земле. Почти ежедневно его письма в России получала «иностранка», польская помещица, русская подданная, Эвелина Ганская. О браке с ней писатель мечтал с 1833 года. Надеждам Бальзака не суждено было оправдаться, но в памяти осталось его невольное восхищение богатством и мощью великой державы, победившей его кумира, его идеала правителя и воина, Наполеона Бонапарта. Наполеон для Бальзака был новым воплощением титанов, владевших воображением людей первой половины XIX века, а его биография – мифом. В творчестве Бальзака образ Наполеона, обладающего почти сверхчеловеческими силами, имел не только историческое звучание, а приобретал огромный философский смысл¹.

Бальзак постоянно сравнивал себя с Наполеоном, а свою борьбу с обществом и обстоятельствами рассматривал как пример битвы титанов.

Интерес писателя к России в связи с этим был огромен. Величайший мастер романа всегда мечтал о большой государственной деятельности и выражал желание занять пост французского посла при российском дворе. В самом разга-

ре своей творческой активности Бальзак мечтал утвердиться в Петербурге: стать влиятельным политическим деятелем, признанным великим писателем, крупной общественной фигурой, советником царя... «Если бы я не родился французом, я хотел бы быть русским»², – писал он Эвелине Ганской за полгода до приезда в Петербург.

Слава Бальзака на тот момент как во Франции, так и за ее пределами была огромной. В николаевской России он пользовался исключительной популярностью. Газета «Листок для светских людей» в 1843 году характеризовала писателя так: «Бальзак, знаменитый автор “Евгений Гранде” и “Отца Горио”, – один из главнейших литераторов нынешней Франции, глубокий знаток человеческого сердца, увлекательный романист, сочинения которого известны почти наизусть всему нашему высшему обществу, всем любителям увлекательного чтения!» «В России знают одного лишь Бальзака. Перед ним бесконечно преклоняются и довольно верно о нем судят»³, – писал в своей книге маркиз де Кюстин.

Романы «Человеческой комедии» больше всего покупали именно в России; но, не дожидаясь выхода в свет томов гигантского труда, русская аристократия читала журнал «Ревю этранжер», издававшийся в Петербурге на французском языке, который в России XIX столетия был почти что национальным. Журнал печатал произведения Бальзака одновременно с их выходом во Франции.

Посещение знаменитым писателем русского посольства в Париже 2 июля для получения визы было расценено как крупное событие. В Петербург отправили специальную шифрованную депешу о его предстоящем путешествии в Россию.

Итак, летом 1843 года состоялся приезд Бальзака в Петербург, столицу Российской империи. Это было для него долгожданное событие. Жадно впитывая окружающую

щую действительность, автор «Человеческой комедии» старался не упустить ни единой возможности как можно лучше узнать страну, в которую он прибыл, и одним из таких великолепных случаев стало грандиозное событие – ежегодное проведение летних маневров гвардейских полков в Красном Селе, заканчивающихся большим парадом в присутствии императора. Надо заметить, что Бальзаку повезло особенно: 1843 год был ознаменован проведением одних из наиболее крупных маневров, на которые собралось около семидесяти тысяч человек, а 9 августа состоялся грандиозный парад, куда и был приглашен Бальзак.

Перед глазами французского писателя развернулось невиданное зрелище. Армия, одержавшая победу над Наполеоном, блистала. Артиллерия, кавалерия, драгуны, пехотинцы... Войска все шли и шли по плацу. Позднее Бальзак сокрушался, что «не зарисовал двух или трех самых знаменитых русских генералов, чтобы описать их с натуры»⁴, но надеялся это осуществить в свой следующий приезд.

Писателю нашли место в пяти шагах от императора Николая I, откуда он мог рассмотреть каждую деталь. О самом Николае Бальзак писал: «Все, что говорилося о красоте императора, вполне подтверждается; не существует в Европе, а стало быть, и в других частях света человека, которого можно было бы сравнить с ним. Ледяное выражение лица вызывается им намеренно, ибо он может, подобно Наполеону, обворожительно улыбаться. В наши дни император Николай – единственный представитель власти, как ее изображает “Тысяча и одна ночь”. Это халиф в мундире. Падишах Стамбула в сравнении с русским царем – простой супрефект»⁵.

В бесстрастном выражении лица царя Бальзаку чудилась внушенная свыше решимость политическими путями привести свой народ к истине. Русский император

один во всей Европе олицетворял принцип самодержавной власти на фоне общей анархии, и Бальзак увидел в личности российского монарха воплощение божественной идеи о том, каким должен быть предводитель священного народа. Смысл выражения «Мы, милостью Божией Государь и Император всея Руси» проник в те минуты в самую душу Бальзака, наполнив ее глубоким пониманием.

Николай I

Николай I чрезвычайно гордился императорской гвардией, которая в то время считалась лучшим и образцовым войском. К ней предъявлялись особые повышенные требования, и всякие новинки в боевом и техническом смысле испытывались прежде всего на гвардии во время лагерных сборов. Иностранным гостям Николай напоминал, что именно он «ввел лагеря и большие полевые маневры, тогда как при императоре Александре видели только парады».

В Красном Селе Оноре де Бальзак остановился в двухэтажном доме напротив церкви, где размещалась свита императора. Через генерала Льва Нарышкина, по его словам, лично узнавшего от Николая I о недавнем приезде Бальзака в Россию, Александр Бенкендорф, главный начальник Третьего отделения и правая рука царя, передал писателю приглашение и распорядился доставить его в 10 часов утра в специально приготовленном экипаже на плац.

В тот день нещадно палило солнце, а смотр все длился и длился.

Приближенные императора были уверены, что парад произведет на французского писателя неизгладимое впечатление. Надо сказать, что незадолго до этих событий, в начале 1843 года, вышла книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», ошеломившая русское правительство своим памфлетическим тоном. В связи с этим у российского двора оставалась надежда, что Бальзак сможет написать опровержение книги де Кюстина, ставшей литературной сенсацией. Именно произведению де Кюстина впервые прибывший в Российскую империю Бальзак был обязан некоторой холодностью со стороны императора и его свиты. Несмотря на огромную славу в России, писатель не был лично представлен Николаю I.

В своем неоконченном «Письме о Киеве» Бальзак действительно обстоятельно высказался «насчет книг, опубликованных до сих пор о России», в частности о произведении де Кюстина. «Если обойти две или три романтических версии, сообщенных для этой книги самим императором, в ней останутся только эпиграммы о неизбежных явлениях, порожденных климатом, ряд совершенно ошибочных мнений о политике, описание русского великолепия и ряд общих мест в чрезвычайно парадном облачении»⁶.

Но непосредственно о другом думал писатель, присутствуя на параде в Красном Селе. «Я заплачу свой долг русскому гостеприимству, описав стойкое мужество ваших войск, противостоящее бешеному натиску французов», – это строчки из его письма графу Уварову, министру народного просвещения. Бальзак мечтал пополнить свою «Человеческую комедию» «Сценами из военной жизни», украшением которых стали бы события 1812 года. Трагедия разгрома великой армии и крушения наполеоновского могущества должна была составить один из центральных эпизодов всей серии. «У меня будут эскизы военного обмундирования (безделица, которая мешала мне до сих пор заняться 1812 годом)...»⁷ – писал Бальзак.

Личность Наполеона всю жизнь прельщала автора «Человеческой комедии», и образ французского императора проходил по

целому ряду его произведений, хотя и нигде не был им выдвинут на первый план. Наполеон выступает перед нами то первым консулом, то уже императором в эпоху Иены, Эйлау, в 1813 и пр. Поход Бонапарта в Россию представлялся романисту особенно благодатной темой «наполеоновской эпопеи» как по ее основному драматизму, так и по некоторым возможностям автора изучать и трактовать с достаточной осведомленностью события русской истории. Один из эпизодов 1812 года – катастрофа французской армии на Березине – послужил Бальзаку материалом для его раннего рассказа «Прощание» и для одной драматической страницы в «Сельском враче». Бальзак считал, что эта тема далеко не исчерпана, и уже в первую свою поездку хотел по-новому ее разработать. Бонапарт казался ему типичным представителем латинской расы, сочетающим в себе характерные черты ее задорной воинственности и тонкого макиавеллизма. Недаром он родился на французском острове, согретом итальянским солнцем. Корсиканец чувствует себя в своей стихии и неизменно торжествует в странах Средиземноморья, но теряется на севере и терпит крушение в России. Эти мысли Бальзака о Наполеоне сказались бы, вероятно, на разработке исторического романа о русском походе⁸.

К сожалению, в 1843 году великий французский писатель уже вступил в последнее десятилетие своей жизни. Он еще далеко не закончил своего творческого поприща, но уже ощущал некоторую усталость, и врач все настоятельнее предписывал ему перерывы в работе. На параде в Красном Селе Бальзак задыхался от жары, но мужественно терпел, пока не почувствовал себя совсем плохо. Кончилось все обмороком, французский писатель стал жертвой солнечного удара. Еще долго после этого у него при малейшем движении нестерпимо болела голова.

Здоровье Бальзака ухудшалось, он стремился напряженной работой наверстать время, но писать становилось все труднее и труднее.

Еще около 140 произведений должны были войти в «Человеческую комедию», когда Бальзака ско-

вала тяжелая болезнь. Его план зарисовки с натуры знаменитых русских полководцев и поездки в Москву так и не был осуществлен. Расстройство здоровья и упадок творческих возможностей заставили романиста отказаться от этого большого замысла. Мечтам о личном счастье в России также не дано было сбыться. Однако сам приезд

Бальзака в нашу страну стал крупнейшим культурным событием, фактом мирового значения, с которым связаны Петербург и Красное Село. Писателю, любившему сравнивать себя с Наполеоном и поставившему себе девизом «завершить пером то, что тот не успел осуществить шпагой», суждено было остаться в России в силу других об-

стоятельств, чем те, с которыми он первоначально связывал свои надежды и которые оказались самыми верными и самыми почетными.

Со дня смерти Бальзака прошло уже полтора столетия, но до сих пор как в России, так и во всем мире он остается одним из самых читаемых авторов, а его литературное наследие не перестает изучаться.

¹ Реизов Б. Бальзак. Л., 1960. С. 42.

² Письмо Ганской. 22 января 1843 г.

³ Кюстин А., де. Николаевская Россия. М., 1930. С. 183.

⁴ Письмо графу Уварову. 26 августа 1848 г.

⁵ Lettres sur Kiew. 11.

⁶ Lettres sur Kiew. 12.

⁷ Письмо графу Уварову. 26 августа 1848 г.

⁸ Гроссман Л. Бальзак в России // Лит. наследство. М., 1937. С. 31–32.

Военные медики на красносельских маневрах

Е. И. Веселов, О. А. Крючков

С самого начала XIX века в красносельских лагерях начали активно проводиться мероприятия по медицинскому и санитарно-гигиеническому обеспечению военнослужащих, размещавшихся в полевых условиях.

Были сооружены водопровод, бани, канализация. В 1851 году «в видах сокращения издержек казны и для вящего сохранения здоровья нижних чинов (курсив наш. – Авт.) [было] решено заменить палаточный лагерь на деревянный». Однако этот процесс затянулся до 80-х годов XIX столетия.

Несмотря на проводимые мероприятия, в лагере периодически вспыхивали эпидемии. В 1831, 1849, 1866 годах холера, бушевавшая в Петербурге, «не оставила без внимания» и красносельские маневры. В 1911 году от брюшного тифа за короткий срок в лагере умерло более 300 человек, а цингой (по терминологии, принятой в то время, – скорбутыней) болели на протяжении XIX века. Помимо инфекционных заболеваний маневры представляли опасность и в отношении получения ранений и травм.

Итак, что же предпринималось «для вящего сохранения здоровья» военнослужащих, участвовавших в маневрах в Красном Селе?

Поначалу лечебные средства лагеря состояли только из войсковых, да и то не во всех полках. Прежде всего, полковыми лазаретами «обзавелись» части, наиболее приближенные к императору, – лейб-гвардии Преображенский и Литовский полки. (Полная аналогия с нашим временем!) В других частях они появились только в 1838 году. Кстати, первыми полками, в которых появились больничные фургоны в Красном Селе, были тоже Преображенский и Литовский, правда, содержались они за собственный полковой счет.

В лазаретах лечились легчайшие заболевания; проводились наблюдения за больными в сомнительных случаях; оказывалась помощь больным в тяжелом состоянии и в силу этого нетранспортабельным. К концу 70-х годов XIX века в лагере насчитывалось 18 лазаретов. Помимо полков свой лазарет имело каждое из военных училищ.

Лазарет располагался, как правило, в деревянном здании разме-

ром 25 на 9 м. Тут же была комната врачей, аптека, кухня, туалет. Больным полагался тюфяк, набитый соломой, шерстяное одеяло, две простыни и две подушки. В то же время остальной личный состав, размещенный в бараках, довольствовался лишь ранцем под голову, шинелью и тюфяком. Врачи и фельдшеры жили при лазарете, что позволяло без промедления оказывать помощь нуждающимся и контролировать состояние тяжелых больных.

Само собой разумеется, что силами и средствами полковых лазаретов, рассчитанных на 14–26 больных, и даже при условии, что было создано три усиленных лазарета при полках лейб-гвардии (Финляндском, Московском и Конном на 200, 125 и 65 мест соответственно), оказать медицинскую помощь всем нуждающимся было невозможно. Поэтому в первой четверти XIX века в Красном Селе был открыт госпиталь, который с 1824 года стал называться «Временная Красносельская гошпиталь». Сначала он был рассчитан на 100–150 коек, потом расширился до 300, а к 1911 году он мог вместить около 500 больных.

Первоначально госпиталь располагался на большой улице между церковными и дворцовыми зданиями в помещении дворцового ведомства. В 40-х годах XIX века на правом фланге Авангардного лагеря, на том месте, где до 1732 года находилась первая деревянная церковь св. Екатерины, было учреждено второе отделение госпиталя. К настоящему времени часть этих зданий сохранилась (двухэтажный кирпичный дом по ул. Восстановления, 13). В 1876 году помещения первого отделения госпиталя были перестроены под квартиры.

Сейчас основным ориентиром при определении прежнего местоположения госпиталя может служить Александро-Невская церковь, которая была построена в конце XIX века недалеко от него по инициативе главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича. В 1890 году возникла необходимость в перестройке здания церкви. Благодаря организаторским способностям заведующего военным госпиталем полковника Всеволода Никаноровича Смельского удалось завершить строительство в кратчайшие сроки. Прихожанами ее являлись чины Красносельского военного госпиталя и Красносельского гарнизона, а также местные жители близлежащих Коломенской и Фабричной слобод.

Госпитальная церковь являлась главной в лагере, и к ней были приписаны церковь св. Николая Чудотворца в Авангардном лагере и небольшая каменная часовня на Красносельском военном кладбище, построенная в 1895 году.

С началом Первой мировой войны Красносельский госпиталь стал фактически прифронтовым, что потребовало увеличить его коечную емкость. Для этого на участке церковной земли, примыкавшем к госпиталю, в сентябре 1914 года был построен деревянный барак.

Госпиталь возводился по проекту, составленному военно-инженерным ведомством согласно указаниям окружного медицинского инспектора, действительного статского советника Христиана Богдановича Риттера. Во многом толь-

Церковь св. Александра Невского. 1891 г.
Архитектор В. А. Косяков. Современный вид

ко благодаря его воле, настойчивости и твердости характера удалось превратить госпиталь в Красном Селе в один из лучших временных военных госпиталей в Европе. По мнению Унтербергера, это заведение не было обыкновенным военным госпиталем, находящимся в походных условиях. Во-первых, он был временным и согласно своду военных постановлений 1869 года открывался «на время летнего сбора войск Петербургского военного округа... с особого, каждый раз, на то разрешения Главного Начальника округа... Личный состав госпиталя формируется на время его открытия, по усмотрению обоих инспекторов¹, из лиц, состоящих в их ведении; прочее же время при госпитале находятся, в виде кадра, только Комиссар (он же Бухгалтер) и положенные по штату нестроевые нижние чины с фельдфебелем».

Во-вторых, помимо своего прямого предназначения – лечения раненых и больных – госпиталь был тем местом, где «медики ознакомились с ведением врачебного дела во время военных действий».

Управлялся госпиталь особым комитетом, состоявшим из главного врача, как председателя, и членов комитета: консультанта или старшего ординатора; заведующего госпиталем и его помощника.

В 1868 году главным военно-госпитальным комитетом было

принято решение «О допущении сестер милосердия в военные госпитали». Среди сестер милосердия, привлекаемых для обслуживания Красносельского госпиталя, особо следует отметить таковых из общины св. Георгия (ныне ее правопреемником является больница св. Георгия в Санкт-Петербурге). Эта община, помимо вышеупомянутого, открыла в 1884 году больницу, амбулаторию и лечебно-диагностическое заведение в Дудергофе, в которых также оказывалась медицинская помощь заболевшим во время маневров.

Солдаты, заболевшие в лагере, в зависимости от заболевания, лечились или в полковых лазаретах, или в Красносельском госпитале, или переводились в госпитали Царского Села, Санкт-Петербурга, Гатчины. В последние направлялись, как правило, больные с хроническими и инфекционными заболеваниями, что, по мнению врачей того времени, предотвращало распространение инфекционных заболеваний в лагере и разгружало Красносельский госпиталь. Из хронических заболеваний в лагере до полного выздоровления находились только больные цингой.

Офицерам в случае неосложненного течения заболевания разрешалось продолжать лечение либо на квартирах, либо в отпуске. В 1884 году офицерское отделение было выведено из состава госпи-

таля и разместилось в конце Фабричной слободы в двухэтажном кирпичном здании бывшего мясного склада. Впоследствии к нему пристроили веранду, а напротив разбили сад. Лазарет содержался на средства великой княгини Марии Павловны и носил ее имя. К слову сказать, помимо меценатской помощи по содержанию лазаретов члены императорской фамилии сами активно принимали участие в уходе за больными.

При лечении солдат и офицеров в госпитале особое внимание уделялось их достойному содержанию. Так, для прогулок больных в ненастную погоду имелось два деревянных флигеля со стеклянной крышей, а в солнечную они гуляли в большом саду (примерно 1,6 гектара), который занимал центральное место в госпитале.

Благодаря наличию прачечной имелась возможность, если в том была необходимость, ежедневно менять больным белье. По выписке больных личные вещи выдавались им постиранными и поглаженными.

Питание офицеров и солдат осуществлялось по разным нормам, однако и солдату могла быть назначена офицерская порция, что в то время являлось одним из элементов терапии. После каждого приема пищи дежурный унтер-офицер опрашивал больных, довольны ли они пищей, и докладывал дежурному офицеру.

В сутки на каждого больного отпускалось: на офицеров – по 86 коп., на нижних чинов – по 55 коп. И это сверх провианта.

Великая княгиня Мария Павловна (1854–1920) в форме лейб-гвардии Драгунского полка. Фото начала 1900-х гг.

В 1867 году госпиталь был представлен приемным покоем, операционной, дежурной, кабинетом для врачей, палатами для больных (13 на 8 человек и 8 на 4 человека каждая), причем больные хирургического и терапевтического профиля содержались раздельно. Из множества хозяйственных построек следует особо отметить наличие своей квасоварни, которая обеспечивала весь госпиталь квасом.

Госпиталь был не только лечебным учреждением, но и своего рода полигоном, на котором испы-

тывались новейшие достижения медицинской науки. Наиболее удачные немедленно внедрялись в работу госпиталя. Так, к 1910 году в нем появились такие постройки, как дезинфекционная камера, бактериологический и химический кабинеты.

Медицинская помощь оказывалась не только в госпиталях и лазаретах, но и непосредственно во время проведения стрельб, маневров и учений.

Для этого с пехотными частями на маневры следовали в бригаде три младших врача, а с дивизией – пять. С артиллерией, как правило, выдвигался старший врач. На учения в каждом полку выделялся врач, лазаретная карета с необходимым медицинским имуществом. В больших окончателных маневрах, помимо вышеупомянутых, участвовали уже корпусной доктор, медицинский инспектор округа, формировался так называемый летучий лазарет. Всего в лагере насчитывалось около 50 врачей.

О. Гейфейдер, проводивший в 1868 году сравнительное исследование Красносельского и Шалонского² лагерей в военно-медицинском отношении, отмечал: «...вопрос о лазаретных палатках и летних бараках опыт давно признал полезным в России, за границей же он только вводится». И это было сказано почти в середине XIX века (!), что лишний раз подтверждает те передовые позиции, которые занимал Красносельский временный военный госпиталь в Европе.

¹ Окружные инспектор госпиталей и военно-медицинский инспектор.

² Шалонский лагерь – военный временный лагерь, расположенный в провинции Шалонь во Франции. Использовался французской армией аналогично Красносельскому.

Литература

1. Гейфейдер О. Красносельский и Шалонский лагерь в военно-медицинском отношении. СПб., 1868.
2. Унтербергер С. Ф. Красносельский лагерь в санитарном отношении. СПб., 1911.
3. Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 13.
4. РГИА. Ф. 806. Оп. 8. Д. 60. Л. 1 (1907 г.).
5. Internet: [www // mitropolia-spb.ru](http://mitropolia-spb.ru).

Красносельский гальванер

В. Е. Мураев

Красносельские лагеря тесно связаны с началом практического применения электричества в русской армии, да, наверное, и в России вообще. Пионером этого стал генерал-майор Карл-Людвиг (Карл Андреевич) Шильдер (1785–1853), выдающийся российский военный инженер и «первый русский военный гальванер», как его называли. К. Шильдер родился в Витебской губернии в богатой дворянской семье. Учился в Московском университетском благородном пансионе, по окончании которого в 1802 году в звании унтер-офицера поступил на военную службу. Боевое крещение получил в сражении под Аустерлицем, за отличие в котором его наградили орденом св. Анны с надписью «За храбрость». В 1806 году, выдержав экзамен, он был произведен в офицеры и назначен во 2-й пионерный (саперный) полк.

Войну 1812 года Карл Шильдер встретил в крепости Бобруйск, при обороне которой также отличился и был ранен. После выздоровления занимался разработкой средств и способов переправ войск через реки. За эту деятельность в звании полковника в 1826 году был переведен в лейб-гвардии саперный батальон, в составе которого прославился блестяще выполненными инженерными работами при штурме крепостей во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов, и в 1829 году назначен командиром этого батальона. В последующем он назначается начальником инженеров Гвардейского корпуса, а с 1849 года – начальником инженеров действующей армии¹.

С 1826 года лагерь Красного Села стал постоянным местом летнего сбора Гвардейского корпуса и приписанных к нему частей. В связи с этим на левом берегу Дудергофского озера был построен постоянный саперный лагерь, а над оврагом у реки оборудован показательный так называемый Укрепленный лагерь, который стал своеобразным

К. А. Шильдер (1785–1853)

полигоном, на базе которого отрабатывались вопросы взаимодействия инженерных войск и артиллерии при штурме и обороне полевых укреплений. В последующем этот опыт был использован при обороне Севастополя.

Основу тактики действий инженерных войск в то время составляла минная война, которая заключалась в том, что сторона, штурмующая крепость, делала скрытые подкопы под ее стены, в которые закладывала минные заряды, взрываемые непосредственно перед штурмом. Кстати, эти скрытые подкопы называются *сапами*, откуда пошло выражение «подкрался тихой сапой». Обороняющаяся сторона действовала адекватно, то есть делала подкоп под сапу и закладывала свой заряд таким образом, чтобы при взрыве уничтожить и людей, и заряд противника в нужный момент. Для подрыва зарядов использовались *сосисы* (отсюда – известное нам название «сосиски») – прообразы бикфордова шнура, представляющие собой длинные, до трехсот метров, кожаные чулки, наполненные порохом. Такая минная борьба была чрезвычайно опасным и трудоемким делом, так, например, при штурме турецкой крепости Силистрия объем вынудой русскими

саперами земли при прокладке сап составил около полутора кубических километров². Однако вся эта работа могла пойти насмарку из-за отказа сосиса. О том, насколько это было актуально, можно судить по тому, что при осаде Севастополя у англо-французской коалиции отказывал каждый третий сосис.

Поиском надежного взрывателя занимались во многих государствах и армиях, но приоритет здесь принадлежит России. Наш соотечественник П. Л. Шиллинг еще в 1805 году производил опыты по подрыву мин с помощью электрических запалов. Однако в полной мере оценить эту идею смог только профессиональный минер К. Шильдер, который активно поддерживал идею Шиллинга и уже в 1827, а затем в 1829 годах продемонстрировал в присутствии императора Николая I, по образованию тоже военного инженера, электрический подрыв мин под стенами Укрепленного лагеря в Красном Селе. Результаты превзошли все ожидания, и высочайшим повелением было предписано расширить работы «для приложения гальванизма» в военном деле³.

В России значение электрической энергии было своевременно оценено и подкреплялось достаточно хорошим финансированием. Это было одним из факторов, привлекавших иностранных, и прежде всего немецких, ученых на русскую службу. Одним из них стал Мориц Герман (Борис Семенович) Якоби (1801–1874).

Первоначально основным направлением работы Якоби было создание электрического двигателя, и в 1837 году по его инициативе был создан специальный научно-технический орган – Комиссия для приложения электромагнетизма к движению машин по способу профессора Якоби, в состав которой вошли как ученые-физики, так и военные специалисты.

Работа комиссии привлекла внимание К. Шильдера, который

к тому времени стал генерал-адъютантом и начальником инженерного Гвардейского корпуса и активно продолжал работу по электроминному делу. Он один из первых оценил роль минного оружия для военно-морского флота и построил первую в мире цельнометаллическую подводную лодку с шестовой миной. Значительная часть испытаний минного оружия по-прежнему проводилась в Красном Селе, но уже не в летний период, а зимой, так как большая плотность войск делала опыты довольно опасными. По этой же причине в конце 1850-х годов лагерь гвардейских саперов перевели в район деревень Троицкое и Сашино, что на полпути от Красного Села до Петергофа. Усилиями командиров в лейб-гвардии саперном батальоне сформировалась квалифицированная команда гальванеров из нижних чинов (16–20 человек), которые привлекались не только к испытаниям, но и к изготовлению взрывателей, изолированию проводов и т.п. Обучение их проводилось там же. По-видимому, это было

первое учебное электротехническое заведение в России. Для проведения испытаний использовалась оборудованная Красносельской лабораторией, созданной еще в начале 1820-х годов для нужд гвардейской артиллерии.

Многочисленные испытания выявили две главные проблемы электрических взрывателей – плохая изоляция проводов, что ограничивало дальность подрыва 1,5–2,0 верстами, и низкая надежность при подрыве крупных мин, с массой пороха более 3–4 фунтов. Это стало основным препятствием при создании морских мин и побудило К. Шильдера 14 сентября 1838 года обратиться с рапортом к генерал-инспектору по инженерной части, великому князю Михаилу Павловичу с просьбой о привлечении упомянутой Комиссии к «усовершенствованию гальванических минных снарядов»⁴.

Реакцией на этот рапорт стало создание в ноябре 1839 года «Высочайше утвержденного Комитета о подводных опытах» для «усовершенствования устройства подвод-

ных мин и вообще гальванических снарядов» и ряда других задач «по применению электричества в армии и на флоте».

Комитет решил поставленные перед ним задачи. К началу Восточной войны, больше известной нам под названием Крымской, российская армия имела самое совершенное в мире минное оружие, которое парализовало действия англо-французского флота в Финском заливе и нанесло огромные потери (по разным оценкам – от 20 до 40 тысяч человек) при осаде Севастополя. Подрыв мин защитниками города осуществлялся электрическим способом, случаи отказов были единичными. За всем этим стояла огромная организационная и практическая работа генерала Шильдера, который и погиб на боевом посту при отражении очередного штурма.

В последующие годы, в том числе и в Великой Отечественной войне, и Российская, и Красная армия в вопросах минной войны превосходила своих противников. Начало этому было положено на полигоне Красного Села.

¹ Российская империя в лицах: Энциклопедия биографий. М.; Красноярск, 2000. Шильдер.

² Волькенштейн К. История лейб-гвардии саперного батальона. СПб., 1852.

³ Мазюкевич М. Жизнь и служба генерал-адъютанта К. А. Шильдера. СПб., 1876. С. 140.

⁴ Радовский М. И. Борис Семенович Якоби. Л.; М., 1953.

Героиня красносельских дивертисментов

А. А. Лопатин

Увеселения в Красном Селе происходили летом, когда из Петербурга в свою загородную резиденцию переселялся царский двор, а вслед за ним передислоцировались и войска. С середины XIX века (с 1851 года) ведет свою историю Красносельский театр, где и происходили все основные летние театральные развлечения высшей российской знати. На сцене этого театра показывались драматические, балетные и оперные постановки (в основном целиком перенесенные с императорской сцены), выступали артисты оперетты и эстрады. Иногда зал и сце-

на театра становились местом балов и празднеств. Излюбленной формой показа лучших артистических сил был дивертисмент – легкий, непринужденный, развлекательный и разнообразный. Перенесение на сцену летнего театра целых постановок проигрывало в сравнении с подвижной и неприхотливой формой театрально-эстрадного дивертисмента. Поэтому в практике Красносельского театра она была доминирующей и легко достигала своей цели, удовлетворяя различные вкусы как аристократического зрителя, так и высшего офицерства.

В ряды театральных звезд императорской сцены не часто, но все же попадали и популярные эстрадные исполнители своего времени. В конце XIX – начале XX века здесь с успехом выступали всеобщие любимцы публики – Мария Пуаре, Анастасия Вяльцева и Михаил Вавич. Аристократическая публика Красного Села была зрителем придирчивым, но все-таки мало чем отличалась от столичных театральных завсегдатаев. В числе ее увлечений эстрада занимала не первое место. «Презренный», но всеми любимым легкий жанр был больше увлечением офицерства, нежели придворной

аристократии. Но к звездам тогдашней эстрады благоволили и царские особы. Этим и объясняется участие эстрадных исполнителей в красносельских дивертисментах. О двух ее героинях – наш рассказ.

Мария Яковлевна Пуаре... Это имя и сегодня много значит для эстрадных исполнителей. Сочиненные ею романсы оказались бессмертными, продолжая жить и звучать с эстрады и в XXI веке. К ним сегодня проявляют неподдельный интерес и включают в свой репертуар даже такие «идолы» современного западного шоу-бизнеса, как Эмма Чаплин. Мария Пуаре одной из первых нарушила обычный, десятилетиями заведенный «церемониал» театральных красносельских летних дивертисментов. До нее на сцену этого придворного театра лишь изредка допускалась оперетта. Пуаре же «узаконила» эстрадное пение и в этой «святой святых» еще более утвердила преимущества легкого жанра. Летом в Красном Селе все располагало именно к непринужденным, ни к чему не обязывающим развлечениям. Здесь собиралось много молодежи, блистательные офицеры.

Как удалось Марии Пуаре, исполнительнице цыганских романсов, попасть в число избранных? По протекции А. С. Суворина в августе 1890 года Пуаре поступила в труппу Александринского театра. Она получила роли в водевилях и легких комедиях с пением. Актриса сыграла Машу в «Беде от нежного сердца», Катю в «Бедовой девушке», Верочку в комедии «Дочь русского актера», Палашу в «Простушке и воспитанной» и др. Но роли эти почти ничем не отличались друг от друга. Из года в год ее репертуар практически не менялся, она играла одно и то же. Пуаре почти не замечала пресса. Да и как можно было заметить юное дарование в этих безличных ролях. Однако летом, когда давались спектакли для сиятельной публики в Красном Селе, Пуаре снискала огромный успех в дивертисментах, где исполняла цыганские романсы. Как актриса императорских театров, она была допущена на эти великосветские собрания. Воспользовавшись предоставившимся счастливым случаем, Пуаре не терялась. Ее романсы более всего при-

М. Я. Пуаре

шлись по душе военным чинам, верхушке, генералитету. Писательница С. И. Смирнова-Сазонова так описывала в своем дневнике успех Пуаре: «В Красном теперь первую роль играет Пуаре. Великий князь Владимир дает ей карточку с игривой надписью; Черевин и другие тузы сидят у нее. Николай [Сазонов] стучит к ней в уборную, торопит ее на сцену: “Да бросьте, что вы там делаете! Идите скорей”. Дверь открывается, оттуда выходит другой Великий князь Николай Николаевич¹. Помимо великих князей и генерал-адъютанта, начальника охраны императора Александра III П. А. Черевина, Пуаре часто посещал еще князь П. Д. Долгоруков, с которым у нее развернулся длительный роман.

Как видим, Пуаре имела весьма внушительный успех, и не только, а вернее не столько, артистический. Она и в дальнейшем ничуть не изменила своим вкусам и продолжала упорно искать свою fortuna. Она ее нашла именно в высших кругах, с которыми впервые столкнулась в Красном Селе.

Пуаре не раз обращалась в Дирекцию императорских театров с просьбой дать ей возможность сыграть другие, более серьезные роли. Но в ее судьбе ничего не менялось. В 1900 году она ушла из театра и переехала в Москву, где стала успешно выступать на эстраде, исполняя цыганские романсы. М. В. Лентовский еще в Петербурге называл ее «цыганкой», указывая, что именно это и было ее сутью, и при этом означало «не только ее манеру петь, но и ее способность радоваться свободе, ее беззаботность, равнодушие к вещам, ее готовность к кочевой жизни. Цыганкой ее делали сила и искренность чувств, зажигательный темперамент»². Это и продиктовало ее выбор. Она исполняла романсы, в том числе и собственного сочинения: «Я ехала домой», «Дети вольных свободных отцов!» и др. Они затем вошли в репертуар знаменитой Вари Паниной и других цыганских певцов. В 1907 году Пуаре – вновь в Петербурге и у нее новое увлечение. Она пыталась создать собственную труппу, свой театр, где бы шли не обычные драматические спектакли, а небольшие зрелищные представления наподобие кабаре, на эстрадных подмостках которых показывались бы в шаржированных, пародированных формах явления современной культуры. Ей хотелось новизны, неожиданных поворотов, экстремальных решений. Именно к одному из представлений в этом театре, к миниатюрной драме «В своей роли», она и создала свою знаменитую «Лебединую песнь» (написав слова и музыку этого романса и впервые исполнив его). Но ее затею опять не заметила критика, а «доброжелатели» убедили, что жанр кабаре, давно осуществленный за границей, никакого успеха в России иметь не будет. Так Пуаре чуть было не оказалась первой у нас создательницей театра-кабаре.

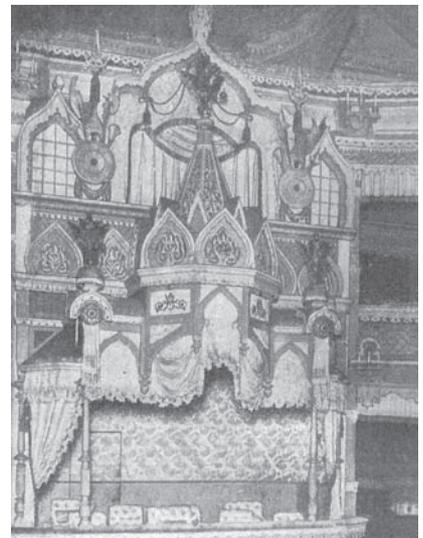
Артистка действительно была разносторонне одарена. Одним из бесспорных ее талантов был писательский и стихотворный дар. В 1904 году она уговорила Суворина послать ее корреспонденткой на Дальний Восток, то есть на Русско-японскую войну. По пути на фронт Пуаре участвовала в патриотических собраниях, давала бла-

готворительные концерты и одновременно писала корреспонденции и стихи, которыми зачитывались подписчики «Нового времени». В Петербурге еще долго вспоминали о ней. А. Р. Кугель писал о Пуаре как «об остроумной и приобретшей разнообразную известность (вплоть до уголовной)»³. «Уголовная известность», как это часто бывает, оказалась гораздо громче ее артистической славы и была связана со вторым мужем Пуаре графом А. А. Орловым-Давыдовым. После долгого романа в 1914 году они поженились. Их сблизило не столько увлечение пением, сколько участие в сеансах модного тогда спиритизма. Граф – владелец огромного миллионного состояния – был членом Государственной думы, предводителем дворянства. На их свадьбе шаферами были также члены Государственной думы А. Ф. Керенский и В. А. Маклаков. Вступив в брак с Пуаре, граф, естественно, стал мечтать о законном продолжателе рода, о наследнике. Но ребенок не появлялся. Да и вряд ли он уже мог появиться у 51-летней Пуаре, которая тщательно скрывала от графа свой истинный возраст. Общепринято считать, что именно от нее и исходил авантюрный план, по которому она, вводя в заблуждение графа, имитировала беременность, а затем, добыв новорожденного ребенка у обманутой крестьянки Анны Андреевой, выдала мальчика за настоящего сына графа Орлова-Давыдова. Однако существует и другая версия, по кото-

рой супруги этот подлог совершили по обоюдному согласию. Но якобы Орлов-Давыдов одумался и, подстрекаемый завистниками, стал обвинять жену в обмане. Так или иначе, но Пуаре в начале февраля 1915 года была арестована и помещена в тюрьму. Осенью 1916 года состоялся судебный процесс, о котором писали все газеты России, забыв о сводках с германского фронта, назвав его «процессом века», «сенсацией номер один»⁴. На 150 мест судебного зала, где проходил этот процесс, было подано три тысячи заявок от желающих на нем присутствовать. По делу проходило около ста свидетелей (в том числе и Керенский, не явившийся в суд и оштрафованный за это). Защитниками Пуаре были лучшие петроградские адвокаты М. Казаринов и Г. Аронсон. Процесс продолжался восемь дней. Пуаре выглядела на суде скорее героиней, чем обвиняемой. В итоге было принято соломоново решение: метрическую запись о рождении ребенка признать недействительной, а Пуаре – оправдать. На этом и закончилась карьера талантливой артистки. Как видим, с самого начала она больше стремилась к внешнему успеху. Получив подтверждение своей неотразимости, Пуаре ловко подчинила себе и своим интересам чувства и пристрастия сильных мира сего. Но она по натуре своей не была элементарной фавориткой. В ней бушевали талант и женская тяга к счастью. Счастья не получилось, талант же остался на века..

Красносельский театр.
Главный вход. Фото К. Буллы.
Из собрания И. Е. Филимонова

Красносельский театр.
Царская ложа. Фото К. Буллы.
Из собрания И. Е. Филимонова

¹ Дневник С. И. Смирновой-Сазоновой. Запись от 15 июля 1894 г. РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), Ф. 285. Оп. 1. Кн. 24.

² Уколовы Е. и В. «Я к вам когда-нибудь вернусь...» // Музыкальная жизнь. 1994. № 8. С. 29.

³ Кугель А. Р. (Ното Novus). Литературные воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 154.

⁴ Лурье Л. Страсти по майорату // Искусство кино. 2000. № 11, С. 83–85.

⁵ Ното Novus. Заметки // Театр и искусство. 1915. № 28. С. 508.

⁶ Набоков В. Помощник режиссера // Киносценарии. 1994. № 2. С. 15.

⁷ Ното Novus. Указ. соч.

⁸ Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. II. С. 117.

⁹ Плевацкая Надежда. Дежкин Карагод. Мой путь с песней. М., 1993. С. 126–127.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 127–128.

¹² Там же. С. 128–130.

¹³ А. М. Зарема – постоянный аккомпаниатор Плевацкой.

¹⁴ Там же. С. 127–132.

¹⁵ Там же. С. 141–142.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ното Novus. Заметки // Театр и искусство. 1911. № 2. С. 42.

¹⁸ Кугель А. Заметки // Театр и искусство. 1915. № 28. С. 509.

Великий князь Константин Константинович в Красном Селе

Л. И. Кузьмина

В дневнике великого князя Константина Константиновича 19 июля 1884 года записано: «Красное Село. Лагерь. Мой брак. Мне 26-й год, я женат и несу службу, которая мне по сердцу».

Великий князь
Константин Константинович
(1858–1915). Фото 1914 г.

Минуло три месяца со дня венчания Константина Константиновича с принцессой Елизаветой Саксен-Альтенбургской, герцогиней Саксонской, которую в соответствии с царским манифестом отныне именовали Елизаветой Маврикиевной с титулом императорского высочества.

Еще до свадьбы, в январе 1883 года, великий князь мечтал об этих событиях, даже планировал их. В его дневнике это выглядит так: «Я приезжаю в Россию (в это время великий князь был в Альтенбурге. – Л. К.). В мае коронация (Александра III. – Л. К.). Под ве-

ликой тайной все говорю Государю и, получив согласие его и родителей, возвращаюсь в Альтенбург, и тут помолвка. Потом служу в лагере, в Красном Селе, командуя ротой Измайловского полка, все на меня смотрят как на жениха, все мне радуются, а осенью она приезжает. И потом свадьба».

Дневниковые строки дышат счастьем. Стихотворения – тоже. К апрелю 1883 года относятся слова: «Я – баловень судьбы»¹.

Однако не так уж гладко складывалась судьба великого князя Константина Константиновича в молодости. Многое пришлось ему преодолеть и пережить, и это могло произойти только благодаря его мужеству и целенаправленности.

Загляните в современные словари (которых, правда, не так уж и много), и вы прочтете: К. Р., великий князь Константин Константинович, поэт, переводчик, драматург. Все правда: до «великого переворота 1917 года» это был известный всей России поэт. С ранней поры его взросления в нем преобладала художественная склонность; смолodu он мечтал стать поэтом. Но законы августейшего круга предполагали единственное поприще деятельности для членов царской семьи – государственная служба, по преимуществу военная.

Внук императора Николая I, сын великого князя Константина Николаевича был отменно образован и воспитывался под несомненным влиянием отца, морского министра, незаурядной личности, активного помощника брата Александра II в его реформаторской деятельности.

Его сын Константин был любимчиком; отец и помыслить не мог о какой-либо другой судьбе для него, кроме морской службы. Между отцом и сыном существовали дружеские, уважительные отношения.

Но дважды сын пошел против воли отца. Во-первых, Константин Николаевич резко не одобрил стихотворений сына, когда они стали появляться в печати. Константин Константинович же занял самостоятельную позицию и каждую свободную минуту посвящал поэзии, и, если бы мог, предпочел ее всему другому. Но не мог, так как никогда не пренебрегал семейными и российскими традициями.

К. Р. был многогранной личностью: высокообразованный, культурный, он на профессиональном уровне занимался и поэзией, и переводами, и актерским мастерством, и музыкой. Более того, с 1889 года великий князь Константин по указу императора был назначен президентом Императорской российской академии наук. В этом качестве он сделал очень много полезных дел, и российская наука должна быть ему многим обязана. Однако по долгу своему он никогда не пренебрегал «своими трудами и обязательными занятиями» и всю жизнь был тесно связан с армией. Его отец с большим трудом отказался от своей мечты видеть сына моряком. Сын упорно добивался назначения его в гвардию и добился. Он всю жизнь был военным человеком, сделал елико возможную военную карьеру – от командира роты лейб-гвардии Измайловского полка, где он прослужил семь лет. В 1879 году был назначен флигель-адъютантом императора, а с 1891 года в чине полковника в течение девяти лет командовал Преображенским полком. Далее его военная служба протекала таким образом: генерал-майор в свите императора, в 1900 году – главный начальник военно-учебных заведений, в 1901 году – генерал-лейтенант, в 1902-м – генерал от инфантерии. Великий князь Константин Константинович фак-

Интерьер одной из комнат великого князя
Константина Константиновича в Мраморном дворце.
Фото около 1903 г.

тически владел тремя дворцами: Стрельнинским, в котором он родился, Мраморным, постоянным его жилищем, и Павловским, в котором он любил бывать, особенно летом, и где он скончался.

И все-таки значительную часть своей жизни великий князь провел в Красном Селе. Это было следствием того, что все летние месяцы лейб-гвардии Измайловский и Преображенский полки квартировали в Красном Селе. Незаурядной чертой Константина Константиновича было то удовольствие, с которым он менял свою комфортабельную жизнь в Мраморном дворце в Петербурге, «с ее обязательными приемами, выездами и соблазнительными театрами и концертами», на бивуачную жизнь в полку.

В начале своей лагерной жизни великий князь еще как-то старался соединить военный быт с семейным. В письме И. А. Гончарову от 20 июля 1884 года, в Ильин день, он писал: «Я веду две жизни: одну – семейную, дачную, а другую – служебную, лагерную. Мы наняли себе недурную дачу под самым Дудергофом (недалеко от Красного Села) у опушки соснового леса, покрывающего своей темной зеленью гористые берега живописного озера. Соседство железнодорожной станции и пролегающая у самых наших ворот проезжая дорога нисколько не мешают нашему уединению. Обшитые крытые балконы и тенистый садик защищают нас от нескромных соседских взоров и пыли большой дороги. <...> По вечерам обитатели Дудергофа спускаются к озеру и катаются на шлюпках, мы с женой и маленьким нашим двором не отстаем от других. Иногда артиллерийские юнкера распевают прелестные хоровые песни, скользая на катере по гладкой, зеркальной поверхности воды; и все лодки останавливаются, гребцы бросают весла и, притаив дыхание, прислушиваются к чудному пению.

Служба отнимает у меня много времени от этой дачной жизни. Но и тут, в лагере, на учениях, маневрах, стрельбе и прочих занятиях я чувствую себя, как на даче, и не жалею. Лето у нас стоит хорошее.

Я люблю наши воинственные упражнения под палящими лучами солнца, среди полей, где на невообразимое пространство кругом

Великий князь Константин Константинович с женой и детьми.
Фото начала 1890-х гг.

расстилается пестрое море цветов, посевов, лугов.

Мне кажется, всюду можно вносить свою поэзию и везде находить хоть долю прекрасного; даже в такой сухой работе, как наши пехотные занятия, можно сыскать некоторую прелесть, стараясь представить себе в лучшем виде эти однообразные учения и упражнения. И это мне вполне удастся».

Постепенно армия становится для К. Р. вторым домом. Кроме служебного рвения, было в нем и человеколюбие. Его подчиненные платили ему признательностью. 9 августа 1884 года, размышляя о своих отношениях с нижними чинами, Константин Константинович писал в дневнике: «Не знаю, за что ко мне так тепло относятся в полку и чем я это заслужил. Я очень люблю полк и полковую среду и чувствую, что они оплачивают мне тем же». Полк все более становился для К. Р. не только местом службы, но чем-то, что затрагивает его духовную и душевную сущность. Покидая периодически Россию для необходимого лечения, он скучал по своим однопольчанам, зная каждого из них по имени и в лицо. Об этом говорит и его поэзия.

Однажды К. Р. писал из Севильи письмо с приветом полковому братству:

*Здесь, одинокий, на чужбине,
Я слышу ваши голоса,
И вижу я: дрова в камине,
Пылают; света полоса
От лампы зонтиком упала
На стол, где каждого журнала
Мы представителя найдем.
Здесь, на досуге, вечером
Ведем мы тихие беседы,
Здесь наши радости и беды
Мы разделяем меж собой...²*

Солдатское братство постепенно вытесняло дачные прелести семьи. Ему становится предпочтительнее атмосферы Мраморного дворца спокойствие и безмятежность полка в Красном Селе. Здесь все ему нравится. Например, в дневнике от 1 июня 1885 года читаем о вечере именно в Красном Селе: «Что за вечер стоял! Было более 15 градусов, ночь светлая, тихая, ни один листок не шевелился. За верхушками наших березок всходил бледный месяц, оспиривая свет неугасимого заката. Я при-

слушивался к знакомым, родным звукам, вглядывался в знакомые открытые лица моих солдат – и много мыслей поднималось одна за другой в голове. Тут мне было хорошо, но на ум приходило, что все это недолговременно, что постепенная разлука с этими людьми неизбежна, что придет время, когда мне недоступна будет эта привольная жизнь. Я старался наслаждаться настоящим, этой прекрасной действительностью, и казалось, что хорошо бы умереть молодым в разгаре этой живучей жизни и навсегда избегнуть всяких докучных мелочей, которые мне отравляют существование дома». И написано это всего лишь через год семейной жизни!

Здесь, в полку, в Красном Селе он чувствовал себя свободным. Не одно стихотворение из-за границы он адресовал своему полку. В октябре 1887 года он, например, писал из Альтенбурга:

*Не могу я дня дожидаться,
Когда вернусь отсюда к вам,
К занятиям, к службе и трудам.
Скитаясь по чужому краю,
Я от безделья скучаю.
Мне роты здесь недостает,
Недостает полка родного³.*

Объехавший весь мир, повидавший природу Европы и Америки, К. Р. был сердечно привязан к красоте русского севера. Перед ним всегда – Царское Село, Павловск, Красное Село, Стрельна. Теперь даче он предпочитает дежурную палатку.

Возвращаясь в Красное Село, он испытывал неподдельное, искреннее чувство к своему родному краю, к полку, к солдатам. Это очевидно из письма от 30 июля 1887 года к Я. П. Полонскому: «Видел я любезную свою роту и знакомые солдатские лица, расплывшиеся в широкую улыбку, и белые палатки, и переднюю линейку, оглашенную несколькими протяжными криками дежурных и дневальных. Опять атаковали мы те деревушки, овраги и рощицы, опять перед глазами поле зыбилося цветами, ноги путались в густой траве, а с голубой вышины лилась песня жаворонка. Снова на привале грелись мы на солнышке, слушая веселый солдатский говор и покуривая <...> Люблю я эту беззаботную жизнь и нахожу в ней много поэзии». Можно только удивляться

неукротимой энергии и таланту этого представителя дома Романовых, которых наша советская история несправедливо уничижительно характеризовала.

Как знал великий князь свой полк и все подробности полковой жизни! Об этом можно судить по его письму к И. А. Гончарову от 27 июня 1887 года. Вот он пишет: «Пишу вам из лагеря при Селе Красном, полк перебрался сюда в половине мая, а свою маленькую семью я в это время перевез в Павловск. Туда я ездил по воскресеньям и праздничным дням, а остальное время обучал роту строю, всяким тактическим хитростям и стрельбе. Эти занятия, как я не раз говорил вам, преисполнены поэзии, несмотря на их кажущуюся сухость. Но на беду нынешний год мне не везло: разболелась надкостница челюсти <...> Теперь я здесь и снова вернулся к лагерной жизни, к товарищам, к любезной своей роте. Опять пошли беседы с фельдфебелем о цене на сено для артельной лошади, о больных, о провинившихся, об отличившихся на стрельбе, о капусте и грибах. Опять сиюминутно являлся ко мне артельщик с вечным нерешительным требованием: “денег дозволейте”. Но эти мелкие подробности имеют большую прелесть: тут в лагере отдыхаешь душой, даже пройдя верст 20 на ученье; тут спится спокойно, и даже самая жесткая говядина грызется легко и со вкусом. Тут фельдфебель не задумывается о кознях князя Бисмарка, писарь не задумывается о судьбах вероломной Болгарии, и артельщик не разбирает, друг ли или враг нашему отечеству издатель “Московских ведомостей”. Тут я не слышу о заблуждениях правительства, и никто не надоедает рассуждениями о неправильности нашей финансовой системы. Здесь, в лагере, каждый делает свое дело и, может быть, незначачее, но все-таки дело и старается подтвердить идти в ногу заодно с другими. Может быть, мне на это скажут, что нельзя жить такой ничтожной жизнью и не парить в более возвышенные сферы, но я нахожу свое положение весьма приятным и ничего другого не желаю».

Эта «ничтожная жизнь» дает поэту К. Р. множество наблюдений,

более того – приобщение к походной жизни, любовь к пешим переходам, – и это при не совсем хорошем его здоровье.

15 июня 1893 года К. Р. сообщил Я. П. Полонскому: «Сам я нахожусь в лагере под Красным Селом. На днях наш полк выступает на подвижные сборы, и мы от 18 июня до 3 августа будем вести кочевую жизнь, имеющую для меня особую прелесть».

29 июня полк – на бивуаке у села Большие Вруды. Тому же Полонскому командир полка «дорисовывает» картину их похода: «Выехали мы из Красного Села в воскресенье 18 июня. С тех пор мы не разу более двух дней не останавливались на одном месте. Побывали и на бурной и студеной речке Пудости, и в Сиворицах, в саду Мызы, некогда принадлежавшей “великолепному князю Тавриды”, и в Сиверском, где на берегу р. Оредежа видели А. Н. Майкова, и в Стар[ом] Заречье у истока той речки, и в Волосове, а теперь стоим неподалеку от Вруды, полустанка Балтийской дороги».

Казалось бы, на лагерных сборах время очень уплотнено, но полковник великий князь находит время на переписку, подчас большую и серьезную (с П. И. Чайковским, А. Н. и Л. Н. Майковыми, А. А. Фетом, Я. П. Полонским, И. А. Гончаровым, Н. Н. Страховым) и немалое число стихотворений.

Одно из них, вызвавшее множество откликов в писательских кругах, написано 14 июля 1886 года и посвящено полку:

Гаснет день.

Я сижу под палаткой

И гляжу, как гряды облаков

Мчатся тенью прозрачной

и шаткой

Над зеленым простором лугов.

Приутихли беседы веселые;

Вечер... Все разбрелось на покой;

Только поступью ровной,

тяжелою

Великий князь Константин Константинович с сыном князем Олегом Константиновичем

Ходит взад и вперед часовой.

И легко и привольно

так дышится

После долгого, знойного дня;

Где-то песня солдатская

слышится...

И сижу я один без огня...

Тихо полог палатки колышется,

Сладкий сон обвеивает меня...

Летом 1899 года кончились для великого князя Константина Константиновича лагерные сборы. 28 июля Л. Н. Майкову он писал: «Завтра на неделю уходим на маневры (ночуем в Кипени, с 30 по 1 августа в Анташах, 2-го вечером в Дятлицах, 3-го в Глядине, 4-го или 5-го вернемся в Красное). 9 августа – конец лагерному сбору...».

В марте 1900 года великий князь получил новое назначение на пост главного начальника военно-

учебных заведений России. Все же летние месяцы с 19 июля 1884 года по 9 августа 1899 года Константин Константинович проводил в Красном Селе.

Красное Село заняло в жизни великого князя большое место и сыграло немаловажную роль. Он любил природу тех мест, предпочитая ее всем зарубежным красотам, он почти по родственному был привязан к своему полку в целом и к каждому солдату в отдельности и без сожаления тратил свое время, прививая им грамотность и культуру.

Я назвала бы великого князя Константина Константиновича настоящим русским патриотом и демократом, не будь эти слова совершенно испорчены в наше время.

¹ К. Р. Стихотворения (1879–1912). СПб., 1913. Т. 1. С. 97.

² Там же. С. 366.

³ Там же. С. 387.

⁴ Там же. С. 381.

П. М. Горбунов — создатель Фабричного поселка в Красном Селе

А. П. Керзум, Т. К. Иванова

Среди выдающихся красноселов достойное место по праву принадлежит инженеру-технологу Петру Михайловичу Горбунову. Во многих энциклопедических изданиях можно ознакомиться с биографией его сына Николая Петровича (09.05.1892–07.09.1938) – секретаря Совнаркома первого состава и личного секретаря В. И. Ленина¹. Краткие сведения о Петре Михайловиче содержатся лишь в юбилейном издании Технологического института². В справочнике «Архитекторы-строители Петербурга» приведена его фамилия без каких-либо уточнений³. В энциклопедии А. И. Мелуа «Инженеры Санкт-Петербурга» П. М. Горбунов даже не упомянут. Данная статья имеет целью заполнить образовавшийся информационный пробел. Во многом она основана на материалах, хранящихся в домашнем архиве Алдара Петровича Горбунова, внука П. М. Горбунова.

Будущий директор Красносельской писчебумажной фабрики родился в Ростове-на-Дону в 1860 или 1861 году (точная дата пока неизвестна). Его отец Михаил Васильевич служил приказчиком в греческой торговой фирме, ведал очисткой хлебного зерна и мойкой шерсти, предназначенной для экспорта. Мать – Елена Дмитриевна – была неграмотной, занималась домашним хозяйством и детьми, которых было десять человек, причем Петр был младший. Четверо детей умерли, не дожив до зрелого возраста. В живых остались два брата Петра Михайловича (Михаил и Леонид) и три сестры (Зинаида, Надежда и Мария). Михаил Михайлович позже сделал удачную карьеру на торговом поприще и к 1914 году был потомственным почетным гражданином, старшим маклером биржевого комитета в

Горбуновы (справа налево) Петр Михайлович, Мария Михайловна, Михаил Михайлович

Ростове, почетным блюстителем 1-го двухклассного Ростовского приходского училища, членом управы местного отделения Красного Креста, директором (необязательным) Ростовского-на-Дону общества попечительства о тюрьмах⁴. Сестра Мария Михайловна вышла замуж за грека Маврикия Гавриловича Психа, но имел ли этот коммерсант, происходивший из греческо-турецкого города Смирны, отношение к предприятию, где служил Горбунов-старший, – неизвестно.

Первоначальное образование Петр Михайлович получил в ростовской приходской школе, вероятно, той самой, где позже почетным блюстителем стал его брат. Родители решили, что приходского образования совершенно достаточно, но будущий инженер считал иначе и в 11-летнем возрасте бежал при помощи некоего студента в Таганрог, где поступил в гим-

назию. При этом он жил в семье местного извозчика, возможно, выполняя какие-то обязанности по дому. Через два года родители смирились с неизбежностью образования, и в 1873–1879 годах блудный сын обучался во вновь открывшемся реальном училище в Ростове-на-Дону. С 4-го класса он подрабатывал частными уроками⁵.

В 1880 году Петр Михайлович поступил в Санкт-Петербургский практический технологический институт на химическое отделение, которое окончил в 1885 году. Это было спокойное время в жизни института. Студенческие волнения, характерные для двух предыдущих десятилетий, прекратились с началом царствования Александра III. Учебный процесс осуществлялся без помех. Будущий инженер-технолог изучал аналитическую химию у А. А. Курбатова, химическую технологию у знаменитого тогда профессора Н. И. Та-

вилдарова, устройство паровых машин у П. В. Котурницкого, основы строительного проектирования и проектирования фабрик и заводов у инженера-технолога М. Н. Демьянова. Программа обучения предполагала и самостоятельное создание проектов на последнем 5-м курсе. В систему образования входила также работа в механических мастерских института, предполагавшая собственноручное изготовление полного механизма. На годы пребывания Петра Михайловича в институте пришлось возникновение своеобразной формы самоуправления – студенческой столовой – хорошо организованного, самоокупаемого, хозрасчетного предприятия. Институт дал Горбунову не только багаж теоретических и практических знаний в области технологии производства, но и опыт организации новых хозяйственных форм⁶.

Однокурсником П. М. Горбунова был Александр Вячеславович Печаткин – сын Вячеслава Петровича Печаткина, ропшинского, а впоследствии голодаевского бумажного фабриканта, в прошлом издателя и книготорговца. В. П. Печаткин, в свою очередь, являлся сыном Петра Алексеевича Печаткина (1792–1860) – владельца Красносельской бумажной фабрики в 1839–1860 годах и родным братом Константина Петровича Печаткина (1818–1895), владевшего фабрикой в 1860–1895 годах⁷. Александр Вячеславович рекомендовал институтского коллегу своему старшему родственнику. Таким образом судьба Петра Михайловича на долгие 32 года (с 1886 по 1918 год) оказалась связанной с Красным Селом, Красносельской фабрикой, родом Печатаных, их наследниками и потомками.

К середине 1880-х годов фабрика представляла собой динамично развивающееся предприятие. Ее владелец, сам выпускник Технологического института, непосредственно руководивший фабричным делом с 1840 года, внимательно следил за техническими новшествами, незамедлительно внедрял их в производство. Красносельская фабрика стала первой в России, где полностью прекратилось изготовление бумаги ручным черпальным способом. Выпуска-

Красносельская бумажная фабрика К. П. Печаткина. Конец XIX в. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов

лись в основном высококачественные сорта. К. П. Печаткин самостоятельно разработал технологию изготовления телеграфной ленты, которая до 1860 года поставлялась исключительно из-за границы. Красносельская фабрика первой в стране начала выпускать телеграфную ленту собственной разработки. В 1861 году она получила первый заказ на 90 000 катушек, а через непродолжительное время фактически монополизировала производство этой продукции для всей России. В 1884 году на фабрике была установлена самая широкая в России бумагоделательная машина. Еще через два года, уже при П. М. Горбунове, на предприятии строится один из первых в стране соломенно-целлюлозных

заводов. Общий рост производства составлял 8–10% в год⁸. После энергичной критики со стороны владельца завода по изготовлению искусственных минеральных вод в Дудергофе А. П. Верландера на фабрике устанавливаются обеззараживающие камеры для дезинфекции тряпичного сырья, являвшегося источником болезни, распространявшихся от предприятия вниз по Лиговскому каналу⁹.

Петр Михайлович Горбунов становится деятельным помощником К. П. Печаткина, работает под его непосредственным руководством мастером (то есть начальником) только что созданного соломенно-целлюлозного отделения, а в 1887 году женится на внучке владельца Софье Васильевне Зконоп-

В одном из цехов Красносельской бумажной фабрики К. П. Печаткина. Конец XIX в. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга

Софья Васильевна Горбунова
(урожденная Зконопниц-
Грабовская)

ниц-Грабовской (1870–1933). Следует отметить, что у К. П. Печаткина не было сыновей, но зато было пять дочерей. Их мужья не имели прямого отношения к бумажному производству. Мужем одной из этих дочерей – Клавдии Константиновны – урожденной Печаткиной был отставной поручик лейб-гвардии Егерского полка Василий Григорьевич Зконопниц-Грабовский, ветеран Крымской войны, живший после выхода в отставку при фабрике и выполнявший канцелярскую работу. Именно он становится тестем Петра Михайловича, а чуть позже, в 1898 году, племянница П. М. Горбунова Клеопатра Маврикиевна Психа выходит замуж за сына Василия Григорьевича – Александра Васильевича Зконопниц-Грабовского, также выпускника Технологического института, с 1901 года директора-распорядителя приобретенной товариществом Царскославянской писчебумажной фабрики (позже «Коммунар»). Так произошло соединение семей Печаткиных, Зконопниц-Грабовских и Горбуновых.

После смерти Константина Петровича, владевшего предприятием 35 лет, а управлявшего им и все 55, фабрика перешла в совместную собственность к его дочерям. Они организовали «Товарищество наследников Красносельской писчебумажной фабрики К. П. Печаткина»¹⁰. Вопрос о фактическом ру-

ководителе дела был решен единогласно: с 1896 года Петр Михайлович становится директором, а с 1898-го и директором-распорядителем фабрики. Он оставался в этой должности до национализации в 1918 году. О вкладе П. М. Горбунова в развитие производства лучше всего свидетельствует документ, выданный бывшему директору уже после Октябрьской революции. Цитируем с некоторыми сокращениями по копии, любезно предоставленной Алдаром Петровичем Горбуновым. К сожалению, на ней нет числа и подписей:

«Мы... бывшие сотрудники инженер-технолога Петра Михайловича Горбунова, рабочие и служащие Красногородской бумажной фабрики настоящим удостоверяем нижеследующее: <...>

П. М. Горбунов много способствовал развитию фабрики в области технического усовершенствования и ее расширению, и экономическому подъему. Им лично был разработан проект полного переустройства фабрики и расширения ее в 3 раза; часть этого проекта была осуществлена им самим до 1915 года, и только война помешала окон-

Фабричное училище. Переплетная мастерская

Фабричное училище. Урок рукоделия

Фабричное училище. Столярная мастерская

чанию всего плана. Все же ему удалось осуществить весьма существенную часть проекта, а именно – переустроить вновь всю паросиловую станцию, рольное отделение, установить 5-ю самочерпку (то есть бумагоделательную машину, 4-я тоже была установлена Горбуновым. – А. К., Т. И.). Весьма крупной и существенной работой П. М. Горбунова, имевшей большое техническое и экономическое значение, была выработка оригинального способа для изготовления телеграфной ленты для аппаратов Уистона (продолжение начинаний К. П. Печаткина. – А. К., Т. И.). По его проекту был устроен единственный в России цех для производства по его способу пропитанной ленты. Благодаря удачному применению этой ленты на всех телеграфных аппаратах Уистона и Сименса б[ывшему] Главному управлению почт и телеграфов удалось совершенно отказаться от импорта этой ленты из Англии и пользоваться ею в течение почти 20 лет...

Кроме работы техническо-производственной, П. М. Горбунов много поработал в области улучшения условий труда на фабрике, несмотря на самое реакционное время. Так, единственно благодаря его настояниям введен в 1907 году на Красногородской фабрике 8-часовой рабочий день для сменных рабочих вместо 12-часового; в это время еще ни на одной из бумажных фабрик северного района 8-часовой день введен не был. По его личной инициативе и энергич-

ным настояниям было построено на фабрике 2-классное училище для детей трудящихся с пятилетним (с 6-летним. – А. К., Т. И.) курсом с индустриальным уклоном, а также большой народный дом (на 800 человек. – А. К., Т. И.) столо-

вая для рабочих, библиотека-читальня (которую посещали более 5000 человек в год. – А. К., Т. И.), театр, ясли; им же был организован рабочий кооператив»¹¹.

История с открытием школы требует некоторого пояснения. Она связана с одним необычным визитом на Красносельскую фабрику. 4 августа 1893 года император Александр III с супругой Марией Федоровной и наследником-цесаревичем Николаем присутствовали при демонстрации наводки понтонного моста в Красном Селе через пролив, соединяющий озеро Безымянное с озером Долгим, и тогда же осмотрели фабрику. «В ожидании Высочайших Особ собрались три поколения семьи – К. П. Печаткин с супругой В. А. Печаткиной, генерал-майор В. В. Малков-Панин (муж Екатерины Константиновны, урожденной Печаткиной, член правления товарищества. – А. К., Т. И.) сенатор Л. В. Барсов с супругой (Евгенией Константиновной, еще одной дочерью К. П. Печаткина, так-

Петр Михайлович Горбунов (второй справа) в кругу родных. Слева от него Александр Васильевич Зконопниц-Грабовский, справа — Клавдия Константиновна Зконопниц-Грабовская (наследники Константина Петровича Печаткина, его дочь и внук). В первом ряду в центре стоит Николай Петрович Горбунов

Красносельская фабрика. Фабричное двухклассное училище и церковь

Фабричное училище. 2-е и 3-е отделения 1-го класса

же членом правления. – А. К., Т. И.) К. К. Зконопниц-Грабовская, О. К. Федорова (Ольга Константиновна, жена главного инженер-механика флота, мать известного арабиста Веры Александровны Крачковской. – А. К., Т. И.), инженер-технолог П. М. Горбунов с супругой и инженер-технолог А. В. Зконопниц-Грабовский... Государыня-Императрица подробно осматривала выставку писчебумажного производства, причем объяснения Ее Величеству имел счастье давать П. М. Горбунов...»¹².

Надо отметить, что его сыну, Николаю Петровичу, который впоследствии «имел счастье» в качестве секретаря Совнаркома быть замешанным в казни своего венценосного тезки и гостя своего отца, был от роду один год и он, естественно, проживал на фабрике, хотя как участник вышеуказанных

торжеств упомянут по молодости лет не был.

В ознаменование этого визита в 1897 году при фабрике было открыто 1-классное Мариинское фабрич-

но-заводское училище для детей рабочих с 3-летним курсом обучения, содержавшееся за счет товарищества, а затем развернута сеть социальных учреждений при фабрике, о которой говорилось выше. В 1906 году школа стала 2-классной. В ней обучалось 120 учеников, на которых приходилось три учителя-предметника. В ремесленных классах преподавали старшие мастера фабрики. К 1910 году из окончивших курс 31 человек работало на фабрике, остальные продолжали образование в других учебных заведениях. Управлял школой училищный совет, председателем которого был П. М. Горбунов¹³.

Не были забыты и религиозные потребности. В 1906 году П. М. Горбуновым были разработаны планы надстройки здания училища вторым этажом. В течение трех месяцев проект был реализован. В южной половине его второго этажа была устроена церковь во имя св. князя Константина Ярославского и св. Варвары (имелись в виду К. П. и В. А. Печаткины), на 500 человек. Внутреннее убранство церкви не отличалось богатством отделки и было типичным для домовых храмов того времени. Законоучителем школы и священником состоял кандидат богословия и действительный член Императорского археологического общества священник Николай Розов¹⁴.

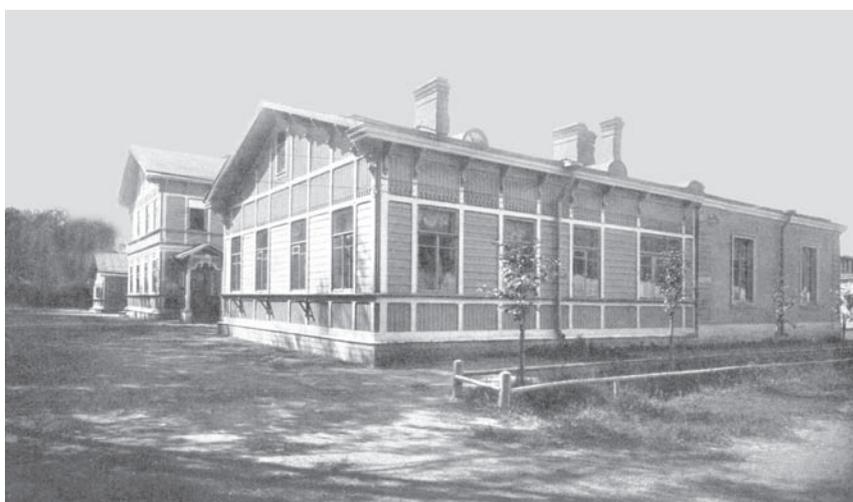
Но этим социальная политика Петра Михайловича не ограничивалась. В 1904–1905 годах по его инициативе и его самостоятельному проекту был создан комплекс жилых зданий для рабочих и слу-

Жилой дом для семейных рабочих

Ясли для детей рабочих

Здание яслей, библиотеки-читальни и столовой для рабочих

жащих вверенного ему предприятия. Работников к этому времени насчитывалось около 500 человек. Значительная часть их проживала при фабрике. К сожалению, точное число рабочих, пользовавшихся фабричным жильем неизвестно. Для холостых было построено общежитие, по принятому тогда выражению – «казарма». Для семейных же были возведены коттеджи или, как их называет Н. А. Резцов, «павильоны». Они представляли собой отдельно стоящие, по преимуществу 2-этажные дома на восемь квартир каждый. Квартиры были 2-комнатные, с кухней. В них был водопровод, проведенный из дудергофских ключей, устроены ватерклозеты, электрическое освещение. Дворы были канализованы, и везде, где позволяло расположение, посажены деревья и кустар-

ники, разбиты клумбы цветов, организованы детские площадки, установлены спортивные снаряды, поставлены садовые скамейки. При

Помещение столовой, приготовленное для чтения с туманными картинами

школе был разбит плодовый сад и «огород педагогического характера», на озере устроены купальни. Была также возведена для рабочих и служащих «прекрасно устроенная кирпичная баня». Больница при фабрике существовала еще при К. П. Печаткине. П. М. Горбунов ее расширил. Был увеличен штат, который при нем состоял из доктора, фельдшера, акушерки. Бесплатной была не только медицинская помощь, но и медикаменты. К этому следует добавить выплату пенсий рабочим, 3-месячное пособие во время болезни, денежные пособия роженицам, ссуду под жалованье, вознаграждение за долговременную службу. В результате среди рабочих фабрики к 1910 году более 100 человек проработали на ней свыше 10 лет, а более 60 – свыше 15 лет¹⁵.

Разумеется, Петр Михайлович согласовывал свои действия с пайщиками товарищества. Они, как это видно из описанных фактов, не возражали против социальных инициатив директора-распорядителя, тем более что все его управленческие действия приносили ощутимую пользу не только рабочим, но и владельцам. За время директорства П. М. Горбунова общий объем производства на фабрике удвоился, а дивиденд, то есть чистая прибыль пайщиков, ни разу не опускался ниже 4%, чаще составляя 8–10%. Когда в 1911 году отмечался 25-летний юбилей работы Горбунова на фабрике, он услышал много теплых слов и от владельцев, и от рабочих¹⁶. Не оставлял желать лучшего и его карьерный рост. К 1904 году П. М. Горбу-

Библиотека-читальня и музей

нов – член правления товарищества, а к 1917-му – и председатель правления, оставаясь одновременно директором-распорядителем фабрики¹⁷. Близкий знакомый Петра Михайловича, его соратник по журналу «Писчебумажное дело» и Союзу писчебумажных фабрикантов в России, С.-Петербургский городской голова Н. А. Резцов так определял формулу успеха Красносельской фабрики вообще и деятельности ее директора в частности. По его словам, российская писчебумажная промышленность в целом страдала тремя недостатками: отсутствием специализации; низкой квалификацией рабочих и техников; неупорядоченностью отношений с финскими конкурентами, производившими более дешевую продукцию средних сортов. Именно эти проблемы удачно решали и К. П. Печаткин и П. М. Горбунов. Фабрика выпускала по преимуществу дорогую высококачественную продукцию, поэтому, в частности, не отказывались от тряпичного сырья. Финские производители не работали в этой ценовой нише. Но качественная продукция требовала и квалифицированных специалистов. Отсюда возникала необходимость подготовки и удержания кадров¹⁸.

Кроме того, в бурные 1900-е годы Красносельская фабрика не потеряла ни одного рабочего часа из-за забастовок, так как их просто не было. При этом, когда рабочие-бумажники попытались в 1907 году выпускать свое периодичес-

кое печатное издание «Писчебумажник» (вышло всего три номера), П. М. Горбунов распорядился безвозмездно предоставить им бумагу, не предавая этого дела огласке. Первая и единственная стачка на фабрике со времен «красносельской вольницы», то есть с конца XVIII – начала XIX века, состоя-

лась в сентябре 1917 года под нажимом на рабочих ЦК профсоюза и носила чисто формальный характер. П. М. Горбунову удалось установить фактически партнерские отношения между трудом и капиталом, что для большинства рабочих и работодателей оставалось недостижимой мечтой.

Пристальный интерес П. М. Горбунова к новым достижениям в теории и практике бумагоделательного производства логично привел его в 1913 году к должности редактора издававшегося с 1904 года журнала «Писчебумажное дело», который он возглавлял до его ликвидации в 1918 году¹⁹. Журнальная работа была частично связана и с обширной общественной деятельностью Петра Михайловича. К 1901 году он – член совета С.-Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности наряду с Д. Г. Лесснером, К. Я. Палем и другими. В 1902 году возник Союз писчебумажных фабрик в России²⁰. Его возглавил инженер-технолог, директор-распорядитель

Петр Михайлович и Софья Васильевна Горбуновы (в центре) с детьми. Стоит (крайний слева) Николай Петрович Горбунов

Добрушской фабрики князя Паскевича (нынешняя Белоруссия) И. С. Стульгинский, начинавший свою деятельность также на Красносельской фабрике и во многом служивший примером для Горбунова. Он, в частности, ввел на Добрушской фабрике 8-часовой рабочий день для непрерывного цикла и 9-часовой для остальных в 1894 году. Это был первый в мире случай в бумажной отрасли²¹. К 1914 году Петр Михайлович становится товарищем председателя союза, а к началу 1917 года – и председателем его. Журнал «Писчебумажное дело» был официальным органом союза.

Помимо Красносельской фабрики Горбунову приходилось заниматься и другими предприятиями. Так, с 1908 по 1914 год он – член администрации (внешнее управление) издательства «Голике и Вильборг», в 1916-м – член администрации по делам П. П. Сойкина, одного из крупнейших издателей того времени. Помимо этого к 1917 году мануфактур-советник П. М. Горбунов был почетным мировым судьей, гласным Петроградского губернского земского собрания и Царкосельского земства, членом совета Съезда представителей промышленности и

торговли, членом совета Петроградского общества фабрикантов и заводчиков, председателем Попечительского совета гимназии и реального училища К. И. Мая²². У Мая несколько ранее учился его сын Николай Петрович.

Жена П. М. Горбунова Софья Васильевна окончила Мариинский институт, собиралась стать медиком, но семейные обстоятельства этого не позволили. Выйдя замуж семнадцати лет, она стала матерью 11 детей, из которых двое умерли в раннем возрасте. Выжило пять дочерей и четыре сына. Столь большая семья не помешала ей увлекаться овощеводством, цветоводством, садоводством и пчеловодством. Она выращивала экзотические для Петербурга помидоры, спаржу, артишоки, была лично знакома с Мичуриным, выписывала посадочный материал из Голландии и Франции. Надо полагать, что озеленение Фабричного поселка – во многом ее заслуга. Кроме того, она увлекалась спортом, участвовала в лыжных гонках, поставила на лыжи своих дочек, чем привела в смятение обывателей²³.

Из детей Горбуновых (все они уроженцы Красного Села) самым известным стал, естественно, Николай Петрович. Значительный

вклад в изучение Центральной Азии внесла его сестра Елена Петровна, участница экспедиций П. Козлова. Сын ее, доктор географических наук Алдар Петрович Горбунов, любезно предоставивший материалы из своего домашнего архива для данной публикации, сейчас живет в Алма-Ате (Казахстан)²⁴. Все младшие Горбуновы так или иначе пострадали от репрессий после казни Н. П. Горбунова, но это уже другая история.

П. М. Горбунов после национализации фабрики в 1918 году, спасаясь от голода и прочих радостей военного коммунизма, отправился на юг, в Геленджик. В 1918–1921 годах он заведовал внешкольным образованием Черноморского отдела народного образования. С 1922 года Петр Михайлович уже в Москве в качестве заведующего бумажной секцией Центрального промышленного управления ВСНХ. С 1926 года – персональный пенсионер. Умер в Москве между 1930 и 1937 годами. Репрессиям не подвергался. Остается добавить, что свой опыт по решению социальных вопросов рабочего класса П. М. Горбунов обобщил в коллективной монографии «Охрана жизни и здоровья рабочих», изданной в 1917 году.

¹ Горбунов Н. П. // Государственная власть в СССР: Высш. органы власти и их руководители: Ист.-биограф. справочник. М., 1999. С. 269–270; Репрессированная наука. М., 1991. С. 408–423; Краснопольский А. В. Отечественные географы. СПб., 1993. Т. 1. С. 227–228 и др.

² Технологический институт им. Ленсовета. Л., 1928. Т. 2. С. 193, 343–344.

³ Архитекторы-строители Петербурга середины XIX – начала XX в. / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 105.

⁴ Весь Ростов и Нахичевань на 1914 г. Ростов н/Д., 1914. Стб. 110.

⁵ Справка // Домашний архив А. П. Горбунова.

⁶ Технологический институт им. Ленсовета. Т. 1. С. 94–98.

⁷ Керзум А. П. Печаткины: взаимосвязь бумажного производства и издательско-книготорговой деятельности // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. СПб., 2003. Вып. 11. С. 8–20.

⁸ Резцов Н. А. Исторический очерк Красносельской писчебумажной фабрики Товарищества наследников К. П. Печаткина: 1831–1910. СПб., 1912. С. 32.

⁹ Там же. С. 40–41; Богомолов Т. И. Вода Дудергофа // Верландер А. П. По Балтийской дороге. Ч. 1. С. 227–232.

¹⁰ Печаткины // Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга. СПб., 2000. С. 353–354.

¹¹ Удостоверение // Домашний архив А. П. Горбунова.

¹² Розов Н. В., Адрианов В. Д., Преображенский Г. В. Исторический очерк Красносельского фабричного двухклассного М. Н. П. имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны училища. СПб., 1911. С. 6.

¹³ Там же. С. 5–11; Резцов Н. А. Указ. соч. С. 52.

¹⁴ Мещанинов М. Ю. Храмы Красного Села и его окрестностей // С.-Петерб. епарх. ведомости. СПб., 2002. № 26/27.

¹⁵ Резцов Н. А. Указ. соч. С. 50–51.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ Весь Петроград на 1917 г. СПб., 1917.

¹⁸ Резцов Н. А. Указ. соч. С. 53.

¹⁹ Керзум А. П. Указ. соч. С. 15–16.

²⁰ Союз писчебумажных фабрикантов в России. СПб., 1902. 16 с.

²¹ Технологический институт. Т. 2. С. 91, 545.

²² Весь Петроград на 1917 г.

²³ Справка // Домашний архив А. П. Горбунова.

²⁴ Подробная биография Елены Петровны и Алдара Петровича Горбуновых содержится в книге: Бондарев Л. Г., Горбунова И. А., Северский Э. В. Горбунов А. П. Якутск, 2000. 50 с.

Из Красного Села — на войну

Из истории Российской Императорской Конницы*

А. В. Лужбин

«Село Красное», подарок императора Петра Великого императрице Екатерине I, лишь с 1824 года было обращено в постоянный лагерь строевых частей гвардейского корпуса. Первоначально он имел холодный и неуютный вид – множество деревянных строений и палаток было раскидано на голой местности, нигде – ни куста, ни дерева, ни цветника. Все было пусто и мертво. И лишь с пятидесятих годов этот суровый военный стан с болотистым лугом позади задней линейки начал превращаться в красивый, полный удобств, зелени и прохлады лагерьный уголок, каким знали Красное Село в начале XX века. В Красном Селе разрешено было разводить растительность, устраивать сады, строить офицерские бараки в русском стиле. В 1851 году даже появился первый театр. «Выстроенный руками войска, попечениями военных лиц, в черте военного лагеря – театр этот принес офицерству много эстетического удовольствия и много разумного развлечения»¹.

Традиция лагерных сборов частей русской армии зародилась еще в середине XVIII века. Лагер-

ный период начала XX века в отношении ведения занятий в большинстве военных округов распределялся следующим образом: от начала лагеря и почти до конца июня – период взводных и ротных учений; затем до половины июля – батальонные учения и остальная половина этого месяца – полковые учения. Август – период маневров и подвижных сборов, когда все три рода войск действуют совместно и когда только имеется возможность и необходимость соединения больших отрядов.

«Венцом всего войскового обучения, целью всей боевой подготовки войск в мирное время, как это вполне понятно, – писал о лагерных сборах один из офицеров, – должно быть не одиночное обучение, не подготовка мелких единиц: взводов и рот, а выучка крупных масс умению маневрировать ими быстро и искусно во всевозможных случаях боевой обстановки, ибо в боевых столкновениях побеждают не отдельные бойцы, не звенья и взводы, даже не полки и бригады, а корпуса и армии»².

Другой офицер – барон де-Пеленберг также имел свой взгляд на

этот период службы воинских частей. «Основой подготовки войск к полевой службе является лагерный период. В этот 3-месячный лагерный период свыше двух недель занимает стрельба, около трех недель отрядные маневры, и на тактическую подготовку войск приходится не более 1½ месяца. Возможно ли в 1½ месячный срок пройти “по приемам” все виды полевой службы, атаки и оборону деревни, леса, высоты, оврага, моста? Возможно ли в два учения, приходящихся на лагерь, обучить солдат сторожевой или дозорной службам? Конечно, нет. Подготовка войск к полевой службе должна вестись в течение всего учебного периода... лагерный же период... должен быть использован исключительно для тактического изучения полевой службы, решения боевых задач, боевых стрельб частями и, главным образом, давать практику и развивать командный состав»³.

Маневрами заканчивался лагерный сбор, и войска возвращались на зимние квартиры. О заключительном периоде летних лагерных сборов рассуждал М. Бонч-

* Автор выражает благодарность Сергею Федоровичу Леготину и Алексею Владимировичу Арановичу за фотоматериалы, предоставленные из их коллекций.

Бруевич в статье «К наступающему периоду “маневров”». «Ежегодно, – писал он, – в июле-августе в войсках заканчивается “маневрами” годовой учебный период; занятия “маневрами” являются общей сводкой подготовки войск по разным отделам; они служат, так сказать, синтезом, объединением всего того, что пройдено “по разделениям”, “по приемам”... С такой точки зрения двухсторонние “маневры” являются венцом боевой (тактической) подготовки армии в мирное время, потому что никакое другое занятие мирного времени не способно еще более приблизить работу войск в мирное время к боевой действительности»⁴.

Впервые Красносельский лагерь упоминается в 1765 году, когда Екатерина II повелела вывести войска на лагерные сборы. В начале XX века лагерь располагался на двух возвышенностях, образовывавших противоположные берега Дудергофского озера. На них находились главный и Авангардный лагеря для пехотных частей с артиллерией. Кроме того, здесь располагались чины Пажеского корпуса, военных училищ и Офицерской кавалерийской школы. Кавалерия размещалась по квартирам в самом Красном Селе и окрестных селениях⁵.

Капитан лейб-гвардии Семеновского полка Юрий Владимирович Макаров, в своих мемуарах, рассказывая о начале Красносельского лагерного сбора, отмечал значительную разницу в выступлении кавалерии и пехоты в летние лагеря.

«Кажется, еще со времен императора Николая I, – писал он, – вся русская армия меняла зимние квартиры на летние... 1 мая. В центральной России и на юге в этот день всегда тепло. В городе же Санкт-Петербурге и его окрестностях этот день нередко ознаменовывался холодным дождем, пронзительным ветром и такой погодкой, когда, как говорится, хороший хозяин собаку на двор не выгонит. И, несмотря на это, что бы там не происходило, хотя бы снег валил, – что иногда и случалось, – войска Петербургского гарнизона в этот день 1 мая неукоснительно шлепали по грязи 25 верст через Лигово в Красное Село, одетые во все белое. Граждане одеваются по погоде. Войска по уставу»⁶.

«В конце мая, – вспоминал он далее, – лейб-гусарский полк походным порядком переходил из Царского Села на свою лагерную стоянку в Красном. По шоссе мимо нашего сада гусары проходили всегда в одно и то же время, около часу дня, и, приближаясь к нему, трубачи начинали играть наш полковой марш. Перед трубачами на сером кровном коне ехал самый великолепный молодой офицер из всего гвардейского корпуса, гусарский полковой адъютант и царский флигель-адъютант граф Воронцов-Дашков... В день прохода гусар обед у нас задерживался и в нашу садовую беседку ставился махальный. Как только вдалеке показывался красавец Воронцов и раздавались звуки Семеновского марша, все наши офицеры выходили гусарам навстречу, а собранские вестовые выносили подносы, уставленные серебряными стопками с налитым холодным шампанским. Не останавливаясь, на ходу гусарские офицеры брали стопки и весело их опрокидывали. Некоторые умудрялись и повторить. После длинного перехода, да в жаркую погоду, это должно быть было приятно. По поводу этих встреч, помню, на одном из общих собраний был поднят вопрос, что раз мы приветствуем офицеров, можно было бы угостить и солдат хотя бы холодным пивом. Спросили гусар. Те поблагодарили и ответили, что тогда пришлось бы уже слезать с коней и делать привал, а это, пожалуй, и не стоит, в особенности перед самым приходом»⁷.

После размещения воинских частей наступали суровые будни боевой подготовки. Первый месяц был наполнен занятиями по боевой стрельбе, по верховой езде и курсом строевой подготовки и, как венец всего, эскадронными учениями. Далее – маневры более крупных частей.

Маневры 1913 года представляли особый интерес ввиду присутствия французской военной миссии во главе с начальником Генерального штаба генералом Жоффром и командиром 6-го армейского корпуса генералом д'Амадом. Миссия прибыла в Красное Село 21 июля. Начиная с 24 июля французские гости ежедневно присутствовали на маневрах, боевых

стрельбах и других занятиях войск.

Бригадные маневры войск Петербургского военного округа, происходившие во второй половине июля, завершились дивизионным и корпусным маневрами. На корпусном маневре, которым руководил августейший главнокомандующий, войска были разведены на четыре перехода. Маневр продолжался с 7 по 11 августа, и в нем принимали участие гвардейский, 22-й армейский (квартирующий в Финляндии) корпуса, и по одной дивизии 1-го и 18-го армейских корпусов (24-я и 50-я пехотные дивизии), а также войска других округов, отбывавшие лагерный сбор в Красном Селе.

Дивизионный и корпусный маневры были особенно поучительны тем, что происходили на обоих берегах Невы с переправой войск по понтонному мосту.

После окончания маневров 11 августа французская миссия дала обед начальствующим лицам высших центральных управлений и Петербургского военного округа, до командиров отдельных частей включительно. Во время обеда генерал Жоффр произнес речь, в которой заявил, «что все виды оружия, с которыми ему пришлось ознакомиться во время пребывания на маневрах в Красном Селе, поразили его своим блестящим видом, и что Франция при настоящем совершенно исключительном положении русского войска может твердо рассчитывать на свою союзницу»⁸.

Одним из самых красочных мероприятий Красносельского лагерного сбора являлся парад в высочайшем присутствии. Полковник Гейно фон Базедов, командир одного из германских пехотных полков, присутствовал на одном из таких парадов и записал позже свои впечатления.

«Парад прошел, – писал он, – как и у нас: объезд войск, выстроенных большим четырехугольником, причем они отдают честь и кричат ура, после чего все войска проходят церемониальным маршем, многочисленные же начальники проезжают верхом. Музыка исполняла знакомые мотивы: Хохенфридебергский марш был сыгран перед полком Кирасир Ее Величества, а Лейб-гвардии Казачий

полк проходил под звуки свадебного марша из «Сна в летнюю ночь». Пехота проходила колоннами, по полкам, все четыре батальона друг за другом, и, несмотря на то, что она не изучала нашего учебного в три темпа шага, производила выгодное, молодежавшее впечатление... При прохождении кавалерийских полков, перемена шага достигалась тем, что Государь отдавал приказание о желаемом аллюре стоящим за ним трубачам Собственного Его Величества конвоя. Сигнал повторялся по очереди трубачами полка, после чего полковой командир уже подавал команду полку.

Так, один казачий полк из галопа должен был непосредственно перейти в шаг. Можно себе представить, что это было сделано не особенно мягко, потому что казаки не имеют шпор и ездят на одной уздечке.

Относительно артиллерии у меня остались в памяти отвесно поднятые банники и запряженные лошадьми мортиры... Достойным замечанием оказалось обучение различных петербургских училищ; они разделяются по роду войск, но имеют одну общую форму, образуют строевые батальоны, эскадроны, сотни или батареи (при последних даже ездовые были из юнкеров) и производят чрезвычайно выгодное впечатление».⁹

Окончилась весна 1914 года, переломного для России и для всего мира. Войска Гвардейского корпуса как обычно из года в год выступили в Красное Село в лагерь. К ним также присоединились прибывшие из Киевского военного округа 9-й драгунский Казанский ее императорского высочества великой княжны Марии Николаевны полк, квартировавший в г. Житомире Волынской губернии, и 12-й гусарский Ахтырский генерала Дениса Давыдова (тогда ее императорского высочества великой княгини Ольги Александровны) полк, квартировавший в м. Межибужье Подольской губернии. Интересен почти каждый день Красносельского лагерного сбора 1914 года в свете событий, наступивших в середине лета.

1 июля 1914 года в Красное Село приехал его императорское высочество главнокомандующий войсками гвардии и Петербургс-

кого военного округа великий князь Николай Николаевич вместе с его королевским высочеством королевичем Петром Черногорским. В тот же день августейший главнокомандующий вступил в командование войсками Красносельского лагерного сбора. Вечером в Красносельском театре был представлен первый в летнем сезоне концерт. Спектакль состоял из комедии «Сорванец» Александрова и балетного дивертисмента с участием заслуженной артистки Императорских театров О. О. Преображенской.

4 июля в 6 часов вечера на Красносельском ипподроме состоялись офицерские скачки с присутствием почетных гостей. Состязание на кубок в память великого князя Владимира Александровича состояло из 15-верстного пробега, препятствий и гладкой 2-верстной скачки. Кубок выиграли офицеры Кавалергардского полка.

В скачке на первенство строевой лошади в Петербургском военном округе на скаковом кругу близ полустанка Скачки приняли участие 14 офицеров. Условия стипль-чеза: дистанция – 3 версты, норма времени – 5 мин. 30 сек., препятствий – 9. Первыми тремя пришли: лейб-гвардии Конной артиллерии штабс-капитан Трепов, лейб-гвардии Конного полка штабс-ротмистр Суровцев и 12-го гусарского Ахтырского полка штабс-ротмистр Панаев П¹⁰.

9 июля в Красносельский лагерь прибыли их императорские величества государь император и государыня императрица, президент Французской Республики Р. Пуанкаре и августейшие дочери их величеств великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна. Для встречи на украшенном французскими и русскими флагами Императорском павильоне Красносельского вокзала был построен эскадрон в пешем строю лейб-гвардии Уланского ее величества полка со штандартом и хором трубачей.

В 4 часа дня состоялся высочайший объезд Красносельского лагеря, начиная с частей кавалерии, расположенных по обеим сторонам Петербургского шоссе. Здесь стояли кавалергарды, конная гвардия, кирасиры его величества, кирасиры ее величества, конно-гренадеры, уланы ее величества, лейб-драгуны, гусары его величества, 9-й драгунский Казанский и 12-й гусарский Ахтырский полки и лейб-гвардии конная артиллерия. Среди офицеров конной гвардии находились великий князь Дмитрий Павлович и князь Иоанн Константинович, а среди лейб-гусар князь Гавриил Константинович.

Далее располагались инженерные и стрелковые части.

На дороге от Авангардного к главному лагерю были построены

Открытие Красносельских скачек. 1906 г.
Центральный государственный архив кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга

чины военных училищ и Офицерской кавалерийской школы, лейб-гвардии Атаманский наследника цесаревича, лейб-гвардии Сводно-Казачий и лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской фамилии полки. На правом фланге атаманцев стоял августейший командир полка великий князь Борис Владимирович.

В главном лагере на передней линейке располагались гвардейские пехотные части. Среди офицеров лейб-гвардии Измайловского полка находился князь Константин Константинович.

При приближении их величеств и президента к частям войск песни смолкали, музыка играла Марсельезу, а затем гимн «Боже, Царя храни». Государь император здоровался с каждой частью, восторженное громогласное «ура» не смолкало по всему пути царского следования.

Вечером состоялись в честь президента Французской Республики обед у главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа и парадный спектакль в Красносельском театре.

10 июля полки построились на высочайший парад войскам Красносельского и Ижорского лагерей (общая численность участвовавших в параде войск приближалась к 35 тыс. человек). Этот Красносельский парад оказался последним в истории императорской кавалерии и в истории императорской России.

Перед Царским валиком, тылом к Кавелахтским высотам, тянулись линии пехоты, на правом фланге которой находился Собственный его величества конвой, вторую сторону составляла пешая артиллерия, третью – кавалерия и четвертую, не полную линию квадрата – лейб-гвардии конная артиллерия и военная автомобильная рота. Его величество был в форме лейб-гвардии Уланского полка и ленте французского ордена Почетного Легиона, а президент надел ленту ордена св. апостола Андрея Первозванного.

Начался высочайший обезд; войска взяли на караул, забили барабаны, заиграла музыка, и знамена и штандарты склонились перед державным вождем Русской армии. После церемониального

марша государь император поблагодарил августейшего главнокомандующего, высших начальствующих лиц Красносельского лагеря и командиров полков за парад.

12 июля государь император произвел смотр некоторым полкам Красносельского лагеря. В дополнении к высочайшему приказу, отданному в тот же день, значилось: «Государь Император изволил произвести сегодня в Красном Селе смотр полкам: 12-му гренадерскому Астраханскому Императора Александра III, 9-му драгунскому Высочества Великой Княжны Марии Николаевны и 12-му гусарскому Ахтырскому Генерала Дениса Давыдова, ныне Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Александровны. Его Императорское Величество, оставшись вполне доволен блестящим состоянием названных частей, объявляет Монаршее благоволение начальствующим лицам; нижним чином, находившимся в строю, объявляет Свое Царское спасибо и жалует по 1 руб. на каждого, а нестроевым в половинном размере»¹¹.

«12 июля прошли Красносельские маневры, – вспоминал в эмиграции один из офицеров 12-го гусарского Ахтырского полка Алексей Гернгросс, – прошел и Царский смотр, удостоился полк и царского “Спасибо”, и наступил самый страшный момент для полка. Великая Княгиня Ольга Александровна попросила Главнокомандующего Войсками Гвардии и Петербургского Военного округа Великого Князя Николая Николаевича, несравненного знатока и строжайшего ценителя полковых, полевых учений и перестроений, проэкзаменовать гусар. И вот, полк остался один на Красносельском поле. Полк начал показывать свое строевое искусство. Показывались атаки и на сомкнутую пехоту, и на пехотные цепи, и на конницу, и применялся полк к местности, и неожиданно размыкался и складывался как гармоника, чтобы опять мгновенно развернуться. Долго смотрел Великий Князь полк и, в конце концов, пришел в полное восхищение. Все перестроения производились все время на самых широких аллюрах, и ни разу не

произошло, ни ломок фронта, ни малейшего замешательства. Неоднократно благодарил полк Великий Князь, а отдельно обращаясь к офицерам полка, Великий Князь изволил сказать, что давно он не испытывал такой радости, как это ему пришлось испытать сегодня, видя выучку полка. Его высочество прибавил, что полк действительно показал себя. В заключение же сказал, что Он уверен, что такой полк... покроет новой славой старый штандарт»¹².

После высочайшего смотра государь император на Красносельском ипподроме раздал призы за стрельбу из винтовок и револьверов, фехтование и за строевую езду на императорские призы. Затем начались знаменитые Красносельские скачки: 3-верстная с препятствиями и 2-верстная гладкая, две 4-верстные с препятствиями – на призы, жалующие их императорскими величествами и членами императорской фамилии, а также скачки чинов гвардейских казачьих частей и 4-верстный стипль-чез Императорского скакового царско-сельского общества в честь его императорского высочества государя наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича.

Вследствие озабоченности правительства из-за посылки Австро-Венгрией ультиматума Сербии производство в офицеры, по традиции происходившее 6 августа, в 1914 году состоялось согласно высочайшему приказу по Военному ведомству о чинах военных 12 июля¹³. Выпускные пажи и юнкера Николаевского кавалерийского, Павловского и Владимирского военных, Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ были построены у большой Красносельской палатки тремя фасадами. По прибытии к месту построения его величество обошел их, достаивая многих милостивыми вопросами. Затем, выйдя на середину, государь император обратился к пажам и юнкерам со следующими словами:

«Я пожелал вас видеть и приказал вас собрать, чтобы сказать вам несколько слов перед предстоящей для вас службой.

Помните Мой завет: веруйте в Бога, а также в величие и славу нашей Родины.

Старайтесь служить ей и Мне изо всех сил и исполнять, в каком бы положении вы ни были и какое бы место ни занимали, свой долг.

Относитесь с уважением к вашим начальникам и дружески друг к другу к какой бы части вы ни принадлежали, памятуя, что каждый из вас, составляя частицу нашей великой армии, служит одной Родине и своему Государю.

Относитесь строго, но справедливо, к подчиненным вам нижним чинам и старайтесь во всем служить им примером, как на службе, так и вне ее.

Желаю вам от души во всем успеха, и уверен, что при всякой обстановке каждый из вас окажется достойным потомком наших предков и честно послужит Мне и России.

Поздравляю вас с производством в офицеры¹⁴.

«Державному Вождю России, – писал о своих впечатлениях от увиденного Н. Богаевский, – благоудно было призвать ранее обыкновенного в офицерские ряды Своей армии очередной выпуск военной молодежи. Мощное «ура» из тысячи молодых грудей, раздавшееся у Царской Ставки в Красном Селе в момент нежданного производства, уже подхвачено по всей России в местах расположения многочисленных военных училищ. Нет слов для выражения ответного восторга на Царское слово привета и призыва. Чувства эти понятны, а горячее стремление стать грудью за славу и честь Престола и Родины свойственно нашей молодежи с первых часов военной служ-

Красное Село. Николаевское кавалерийское училище. Начало XX в.
Центральный государственный архив кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга

бы. В ряды нашей армии, по слову обожаемого Монарха, вливается новый запас молодой энергии и горячего порыва к труду и успеху. Да будет же этот час добрым предзнаменованием!..»¹⁵

Вечером состоялся парадный спектакль по случаю пятидесятилетия существования Красносельского театра. Один из зрителей позже писал: «Царившее в театре среди публики приподнятое настроение, ввиду текущих политических событий, разразилось при входе в зрительный зал Государя Императора восторженными овациями. Публикой был испрошен народный гимн «Боже, Царя храни», исполненный оркестром, публикой и вышедши-

ми затем на сцену артистами. Гимн, покрывавшийся громовым долго не смолкавшим «ура» всего зала в честь обожаемого Верховного вождя Русской армии и флота, был повторен трижды. Его Величество, занимавший место в первом ряду кресел, повернувшись к стороне публики, изволил милостиво отвечать на восторженные овации наклоном головы»¹⁶.

«После ученья, – следовало из документов штаба 12-го гусарского Ахтырского полка, – был обед в Высочайшем Присутствии, после которого Государь милостиво беседовал с каждым из нас. Затем, сразу после обеда, человек 17 офицеров поехали в театр: было как раз 50-летие Красносельского театра. В конце 3-го действия в 10 ч. 35 м. вечера вызван был из ложи Адьютант пор. Псиол, и была показана телеграмма – «немедленно выступить на зимнем стоянке Ахтырскому и Казанскому полкам. Посадка первого эшелона – в Гатчино в 2 ч. 40 м. ночи сего числа». Все немедленно уехали в расположение и стали быстро укладываться к выступлению... Раньше всех собрались трубачи и канцелярия, которые и выступили в 12 ч. 50 м. ночи на ст. Гатчино (22 версты). Вел. княгиня вышла проводить нас, офицеров, благословила иконой и поцеловала в лоб. Час спустя, вышли эск. Ее Высочества и 2-й эск. Погрузившись в Гатчино, первый эшелон

Парад по случаю производства в офицеры. Красное Село. 1904 г.
Центральный государственный архив кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга

тронулся со станции в 7 ч. 25 м. утра... Остальные эскадроны погрузились 13-го июля»¹⁷.

16 июля ночью пришло известие о мобилизации, а 20 июля в 6 час. 35 мин. утра начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант А. М. Каледин получил от военного министра телеграмму о начале войны: «Войтовцы. Нач. 12 кав. дивизии. Германия объявила нам войну. Генерал-адъютант Сухомлинов. Трифонов»¹⁸. Одновременно были получены телеграммы от прямых начальников. А также разосланы директивы подчиненным частям¹⁹.

24 июля была получена телеграмма об объявлении войны Австро-Венгрии. «Эта весть, – вспоминал адъютант штаба 12-й кавалерийской дивизии, – сейчас же облетела весь полк. Все радовались, что, наконец, давножданная война, цель, к которой все мы так стремились, осуществилась. Много г. офицеров ночью приходили к К-ру полка и друг к другу и поздравляли с объявлением войны».

Началась Первая мировая война. Девять десятилетий отделяют нас от начала невиданной до

Кавалерийские офицеры на летних лагерных сборах начала XX в.

того времени по своим масштабам и жертвам войны. Она вошла в историю под названием «Великой». На двух основных фронтах войны были показаны образцы стойкости и бесстрашия, примеры патриотизма и сознания чувства долга. Но для России эта война имела роковое значение. «Великая война, – писал Антон Иванович

Деникин, – это наивысшее напряжение духовных и физических сил нации, тягчайшая жертва, во имя Родины приносимая; Великая война – это экономическое разорение, моральное одичание, с миллионами загубленных человеческих жизней. Великая война, которая привела человечество на край пропасти...»²⁰

¹ Пятидесятилетие Красносельского театра (1864–1914) // Рус. инвалид. 1914. № 152. С. 5.

² Морозов Н. Боевая подготовка нашей армии // Разведчик. 1911. № 1076. С. 374.

³ Пеленберг де. Боевая подготовка войск // Воен. сб. 1911. № 10. С. 1.

⁴ Бонч-Бруевич М. К наступающему периоду «маневров» // Разведчик. 1911. № 1085. С. 510.

⁵ Аранович А.В. Из истории военного Петербурга. СПб., 2003. С. 49–50.

⁶ Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии 1905–1917. Мирное время и война. СПб., 2001. С. 50–51.

⁷ Там же. С. 227.

⁸ Разведчик. 1913. № 1193. С. 552.

⁹ фон Базедов Г. Путевые впечатления о военной России: (Пер. с нем.) // Воен. сб. 1911. №10. С. 189–190.

¹⁰ Рус. инвалид. 1914. №146. С. 2.

¹¹ Дополнение к Высочайшему приказу по Военному ведомству от 12 июля 1914 года // Рус. инвалид. 1914. № 154. С. 5.

¹² Тернграсс А. Воспоминания // Материалы из зарубежного архива 12-го гусарского Ахтырского полка. С.1–2.

¹³ Высочайший приказ по Военному ведомству от 12 июля 1914 года // Рус. инвалид. 1914. № 154. С. 5.

¹⁴ Русское военное обозрение. Война: (Офиц. документы войны) // Воен. сб. 1914. № 9. С. 209–210.

¹⁵ Рус. инвалид. 1914. № 152. С. 4.

¹⁶ Спектакль в Высочайшем присутствии // Рус. инвалид. 1914. № 153. С. 1.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 3522 (12-й кавалерийской дивизии). Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 2–30.

²⁰ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 243.

Красное Село, год 1944-й. И 30 лет спустя

С. Н. Полторац

Помню ощущения ленинградцев начала 1970-х годов: тогда красносельские и питерские новостройки еще не столь решительно тянулись навстречу друг другу, и казалось, что Красное Село – это не самый близкий пригород Ленинграда. Его история мне, школьнику, представлялась как обособленное, не зависимое от северной столицы явление. В 1972 году я поступил в военное училище радиоэлектроники ПВО в Пушкине. Спустя год мы, первокурсники, готовились к марш-броску в лагерь, которые находились у Красного Села. Нас подняли по тревоге ночью, и мы тремя колоннами, по сто человек в каждой, двинулись в путь. Часто марш-бросок превращался в кросс в противогазах. Карабины и саперные лопатки безжалостно хлестали по спине, шинель, свернутая в скатку, химкомплект и вещмешок делали нас похожими на странный гибрид слонов и верблюдов. К концу марш-броска, пройдя и пробежав без остановки километров пятнадцать, многие из нас еле волокли ноги.

– А вы думаете, вашим сверстникам в 41-м и в 44-м легче было? – громко не то спросил, не то крикнул замполит подполковник Мухленов.

Мы ничего не отвечали, потому что знали, что он фронтовик и что наш марш-бросок по сравнению с тем, что происходило здесь 30 лет назад, – легкая прогулка по Красносельскому шоссе.

Лагерь находился метрах в двухстах от того дота, где 18 января 1944 года 19-летний мальчик из-под Рязани Саша Типанов повторил подвиг А. Матросова. Мы часто приходили туда на митинги, которые проводили наши комсомольские вожаки. Но и самих нас тянуло туда какой-то непонятной силой. Мы, курсанты, смотрели с горы, пытаясь представить себе, что видел из дота фашистский пулеметчик; как петлял по снегу молодой красноармеец, решившийся закрыть собой амбразуру. На этом месте нам читали командиры приказа И. В. Сталина, подписанный по случаю взятия Красного Села:

ПРИКАЗ

Верховного главнокомандующего генералу армии Говорову*

Войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление из районов Пулковско и южнее Ораниенбаума, прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную, долговременную оборону немцев и за пять дней напряженных боев продвинулись вперед на каждом направлении от 12 до 20 километров и расширили прорыв на каждом участке наступления до 35–40 километров по фронту.

В результате произведенного прорыва войска фронта 19 января штурмом овладели городом Красное Село, превращенным немцами в крепость, и таким же мощным опорным пунктом обороны противника и важным узлом дорог – Ропша.

В ходе наступления нашими войсками нанесено тяжелое поражение семи пехотным дивизиям немцев и захвачена большая группа вражеской тяжелой артиллерии, систематически обстреливавшей город Ленинград.

При прорыве обороны немцев и в боях за Красное Село и Ропша отличились войска генерал-полковника Масленникова, генерал-лейтенанта Федюнинского, генерал-майора Симоняка, генерал-майора Андреева, генерал-майора Фадеева, полковника Романенко, артиллеристы генерал-майора артиллерии Михалкина, генерал-майора артиллерии Чарнявского, танкисты полковника Жукова и летчики маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Рыбальченко и генерал-лейтенанта авиации Самохина.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся в боях соединениям и частям присвоить наименования «Красносельских» и «Ропшинских» и представить их к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим оборону немцев и овладевшим городом Красное Село и Роп-

шей, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, осуществившим прорыв и участвовавшим в боях за город Красное Село и Ропша.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин

19 января 1944 года!

Офицеры рассказывали курсантам, что Герой Советского Союза Александр Типанов похоронен в Красном Селе, что в этом городе жила его мама, которой была выделена квартира в доме по улице, носившей имя ее сына. Мы знали, что именем героя также названа и одна из улиц в Московском районе Ленинграда.

Помню, как до нас доходили слухи о том, что однажды один из офицеров армии ГДР, слушатель советского военно-учебного заведения, уже в конце 60-х годов, находясь на каком-то официальном мероприятии возле дота Александра Типанова, неожиданно выстрелил из пистолета в мемориальную табличку, прикрепленную к этому доту. Мы с приятелями видели, что мемориальная табличка, на которой золотыми буквами было написано о подвиге А. Ф. Типанова, действительно была повреждена, но в результате чего это случилось доподлинно известно не было. В слухи о выстреле немецкого офицера нам верить не хотелось.

В 1977 году мне, лейтенанту, довелось уже самому приводить к этому доту молодых защитников Родины. И уже я называл им имена командиров частей и соединений, освобождавших Красное Село.

* Автор выражает признательность В. М. Лурье в поиске документов, относящихся к освобождению Красного Села в январе 1944 г.

Митинг офицеров и курсантов под Красным Селом у дота А. Типанова. В центре с мегафоном автор статьи. Июль 1977 г. Из архива автора

К сожалению, лишь спустя несколько лет после этого из печати вышел справочник, в котором были опубликованы более полные данные о командирах и воинских частях, освобождавших город:

КРАСНОЕ СЕЛО. Оккупирован 12 сентября 1941 г. Освобожден 19 января 1944 г. войсками ЛенФ и силами КБФ в ходе Красносельско-Ропшинской операции.

ЛенФ: 42 А – 123 ск (генерал-майор Анисимов Георгий Иванович) в составе: 291 сд (генерал-майор Зайончковский Василий Казимирович), 224 сд (полковник Бурмистров Федор Антонович); 30 гв. ск (генерал-майор Симоняк Николай Павлович) в составе: 63 гв. сд (полковник Щеглов Афанасий Федорович), 64 гв. сд (генерал-майор Романцов Павел Данилович), 205 отд. тп (майор Лобанов Нил Иванович), 260 отд. тп (подполковник Красноштан Леонид Прокофьевич), 261 отд. тп (майор Кононцев Василий Ильич); 18 адп (генерал-майор арт. Кознов Борис Ильич) в составе: 58 габр (полковник Скоробогатов Дмитрий Иванович), 80 тгабр (полковник Петров Иван Тимофеевич), 120 габр. БМ (подполковник Шишкалов Михаил Евгеньевич), 42 минбр (полковник Викентьев Казимир Францевич); 23 адп (полковник Рогозин Николаи Карпович) в составе: 96 тгабр (полковник Горобец Алек-

сандр Фомич), 28 минбр (полковник Спичарный Иван Николаевич); 51 пабр (полковник Аксенов Григорий Павлович); 2 гв. минбр (полковник Дегтяренко Николай Антонович) 1 гв. минд (генерал-майор арт. Соловьев Виктор Григорьевич).

13 ВА – часть сил 2 гв. иак ПВО (генерал-майор авц. Антонов Николай Дмитриевич), 277 шад (полковник Хатминский Федор Семенович), 275 иад (полковник Матвеев Александр Андреевич), 276 бад (генерал-майор авц. Андреев Александр Петрович).

АДД – 5 ак дд (генерал-лейтенант авц. Георгиев Иван Васильевич) в составе: 53 ад дд (полковник Лабудев Василий Иванович), 54 ад дд (полковник Щелкин Василий Антонович); 9 гв. ад дд (генерал-майор авц. Счетчиков Георгий Семенович) 6 ак дд (генерал-майор авц. Тупиков Георгий Николаевич).

КБФ: 101 мор. ждабр (генерал-майор б/с Смирнов Дмитрий Сергеевич); артиллерия кораблей – крейсера «Максим Горький» (капитан 1 ранга Ванифатьев Александр Герасимович), крейсера «Петропавловск» (капитан 2 ранга Глуховцев Сергей Дмитриевич), линкора «Октябрьская революция» (капитан 1 ранга Петрищев Николай Андреевич).

Приказом ВГК и приказом НКО СССР присвоено наименование Красносельских: 45 гв. сд (генерал-майор

Путилов Савелий Михайлович), 63 гв. сд, 64 гв. сд, 125 сд (генерал-майор Фадеев Иван Иванович), 31 отд. гв. тп, 49 отд. гв. тп (подполковник Оглоблин Михаил Алексеевич), 261 отд. тп, 23 адп, 51 отд. пабр, 1 гв. (бывшей 101-й) мор. ждабр, 12 гв. пап (полковник Потифоров Иван Алексеевич), 14 гв. пап (подполковник Гордеев Василий Поликарпович), 705 иптап (подполковник Олимпиев Павел Семенович), 1 гв. минд, 38 гв. минп (подполковник Алымов Георгий Иванович), 174 арм. минп (подполковник Киргетов Исаак Ананьевич), 320 гв. минп (подполковник Силин Николай Дмитриевич), 169 зенап (майор Юдин Леонид Петрович), 3 отд. гв. радн (майор Уманец Павел Васильевич), 7 гв. б-ну минеров (майор Евстифеев Петр Кузьмич), 54 отд. инжб (капитан Шестаков Николай Иосифович), 277 шад.

101 ап дд (полковник Гризодубова Валентина Степановна), 325 ап дд (подполковник Афонин Николай Григорьевич).

Войскам, участвовавшим в прорыве обороны противника и освобождении Красного Села и Ропши, приказом ВГК от 19 января 1944 г. объявлена благодарность и в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий².

...Мне запомнилось, что накануне митинга, запечатленного на фотографии, я ездил домой к матери Александра Типанова и просил ее встретиться с моими сослуживцами. К сожалению, она отказалась, сославшись на плохое самочувствие. Теперь, спустя многие годы, я хорошо понимаю, что для меня то было хотя и важное, но все-таки «мероприятие», а для нее поездка на место гибели сына была человеческой бедой, материнским горем. Наверное, правильно сделала, что не поехала.

60 лет прошло со дня окончания войны, 30 лет с той поры, когда я со своими товарищами бывал на ставшем легендарным месте. Но о Красном Селе, о подвиге героя и о подвигах многих тех, имен которых я не знаю, думаю часто. Возможно, еще и потому, что в Петербурге живу на улице Типанова.

¹ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М., 1975. С. 103–104.

² Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 / Под общ. ред. С. П. Иванова. М., 1985. С. 132–134.

Лето в Красном Селе

В. М. Шадрова

Красное Село. Это название возвращает меня к самому раннему детству, я впервые осознанно запомнила его, когда мне было четыре года. Мой отец, Михаил Алексеевич Шадров, военный топограф и преподаватель, в июне 1944 года был направлен служить в Ленинград, в Военно-политическое училище имени Ф. Энгельса. Училище размещалось в корпусах и на территории бывшего 1-го Кадетского (Шляхетского) корпуса на Съездовской (до революции – Кадетской) линии Васильевского острова. Мама с двумя детьми – моим старшим братом Евгением, которому было тогда одиннадцать лет, и мной, годовалой, – находилась в то время в эвакуации в г. Шуе Ивановской области.

В сохранившихся письмах отца уже с лета-осени 1944 года встречается упоминание о Красном Селе.

8 июля 1944 г.: «Получили разрешение на въезд рабочих подсобного хозяйства до Красного Села, а в город въезд Ленинград не разрешает».

2 августа 1944 г.: «Погода у нас пока жаркая. Правда, для меня это гроб. Как только чуть-чуть перегреюсь, проклятая малярия берет свое. Чертова болезнь, как она мне мешает. С 20-го июля по 2-е августа у меня было много работы, приходилось с температурой 40 работать, сама знаешь, момент самый кульминационный, а я вдруг ушел в лечебницу. Работаете до потемнения в глазах, выйдешь на пять минут отдышаться, и снова за работу, два раза просто падал. На днях выезжаю в район Красного Села, там буду дня три работать. Ребята говорят, что там “фрицы воняют до сих пор”. Подделом...»

3 августа 1944 г.: «...В период с 20 июля по 2 августа работы было столько – одним словом, отчет за год. Ты пойми, что я в эти дни работал так, что выходил отдышаться два раза, лишь бы не упасть в обморок, проклятая малярия как раз душила в эти же дни. Вот поче-

Красносельский экипаж в две лошадиные силы

му я все забыл, даже день рождения Гени, узнал из твоего письма, что он прошел. Но значит ли это, что я как автомат только думаю о работе? – нет...»

6 августа 1944 г.: «...Сейчас езжу в Дудергоф. Помнишь, Зина, в книжке ленинградского писателя мы с тобой зимой читали, как он, будучи еще мальчишкой, мечтал попасть на гуляние в Дудергоф? И как у них это гуляние “смазалось”, чем-то, уже не помню. Так вот, этот Дудергоф со знаменитой “Вороньей горой” был не очень давно местом сражений. И сейчас еще я видел фрицевскую падаль в его окрестностях, здорово им вспали.

Вчера ехал, и в вагоне ко мне подошел танкист. Оказалось, служил со мной на Дальнем Востоке и все восторгался мной как барышней, говорит, часто вспоминал совместную службу. Он сейчас ст. лейтенант и ехал за назначением из госпиталя, был ранен в грудь навyleт. Все спрашивал, а не выпить ли нам в знак старой дружбы, т.к. он вез бутылку водки, но около нас было много народа и я отказался от добрейшего приглашения.

Вот видишь, где и как приходится встречаться со старыми то-

варищами. И очень, конечно, интересно выслушивать всяческие “признания”, думаешь – все же не зря небо коптим, помнят нас и хорошо, что вспоминают добрым словом.

Завтра опять еду в Дудергоф так числа до 15, пока не окончится работа. На работу и поездки уходит весь день с 6 утра до 11.30 вечера».

23 августа 1944 г.: «Вчера настроение было плохое, как я тебе уже сообщал, поднесли мне ребята “пилюлю”, особенного, конечно, ничего нет, но для меня неприятно. Столько я работал, и надо же так подвести, что сразу вся работа идет насмарку. Одним словом, был контроль из Москвы, и вот мне в этот период немножко испортили настроение наши чудачки. Прибыли на работу, а что нужно было взять – забыли, а я за них переживай. Период с 20 июля по 20 августа был периодом какой-то свистопляски. Короче говоря, мне, как доброму коню, основательно пришлось поработать, даже с температурой не считался. Сейчас мало-мальски разгрузился.

В Дудергофе в общей сложности отработал неделю. Обошлось благополучно: ни на мину, ни на

гранату не наскочил. Фрицы там основательно всю местность изгадили. Некоторые еще и по сей день валяются. Получили арийцы “жизненное пространство”... Читали ли вы, что фрицы устроили в Люблине? Какую они там фабрику смерти устроили...»

30 августа 1944 г.: «Ты, Зинуша, пишешь, чтобы я берег свое здоровье. Спасибо, конечно, за совет, но был период напряженного труда, когда надо было закончить годовую работу и получить какой-то, хотя бы внутренний, удовлетворяющий результат. Главного я достиг, и что было поставлено целью работы – выполнено, у меня есть много друзей, хорошо и по-настоящему оценивающих мои дела. Это главное. На внешний эффект я бить не умею, хотя это чертовски плохо. Приходится все делать прочно и надежно. Всяких там П-х я перекрыл, и пусть они что хотят делают, пусть отличаются эффектами, а я доволен и очень удовлетворен своими результатами. Вот в борьбе за свою совесть я и работал, не считаясь ни с какими там маляриями. Надо было довести начатое дело до победного конца, тем более в данный период времени».

13 сентября 1944 г.: «Добрый день, мои милые огородники!

<...> День вчерашний был у меня хороший. Люди мои получили самостоятельность, ужасно хвалили меня, как отца родного, и даже

На занятиях.
Красное Село. 16 августа 1947 г.

заверяли, что в своих сердцах уносят мой “образ” – до гробовой доски, одним словом, мне было наговорено много комплиментов, если бы не мой зверский характер – во всем сомневаться, то можно было бы два-три дня гордиться собой, ходить и мозолить всем глаза, но к великому счастью я родился застенчивым, как девица, и вот мои друзья меня подкарауливают и все же выражают свои симпатии и словами, и даже физически, т.е. качали, вроде министра какого-нибудь. Да, Зинуша, как бы там ни

Отец с сослуживцем на скамейке. Красное Село. Август 1950 г.

было, а все же прошлая дребедень, не мной затеянная, омрачила меня на многие месяцы. Конечно, и “высшие” сферы не могли торжественно не отметить скромные заслуги мои перед нашим народом, но, однако, все это не то, хорошо, что ребята не постеснялись кое-кому объяснить, что у них в мыслях и сердцах останутся только двое на долгую память, а именно я и главный наш: пусть учтут эти комплименты и знают, кто работает за страх, а кто без особой оглядки».

Мы переехали к отцу в Ленинград в феврале 1945 года. Салют в честь 23 февраля – Дня Красной армии я, конечно не помню, но по рассказам брата и своим более поздним впечатлениям от салютов – это было грандиозное зрелище, пронизанное ощущением близкой и долгожданной победы. Мы жили в двух шагах от Невы, и в первые послевоенные годы толпы горожан с детьми выходили прямо на лед Невы смотреть салют, лед был толстый и крепкий.

Но вернемся к Красному Селу. Каждое лето, начиная с мая месяца, отец с курсантами выезжал «в лагерь». Там они пребывали все лето, отрабатывая на практике теоретические знания, полученные на занятиях в классе. Возвращались в город где-то в конце сентября. В первое же лето после Победы командование училища выделило семьям военнослужащих нечто вроде огородов для того, чтобы можно было посадить и вырастить мешка 3–4 картошки для подкрепления скудного питания, отовариваемого по всем известным «карточкам».

Наши отцы жили в небольших дощатых домиках, рассчитанных на двух-трех человек, каждому полагалось по комнате. Когда после затяжной и прохладной весны наступало северное лето, наша мама, как и многие другие, начинала ездить в Красное Село – когда всего на день, когда – на целую неделю. Тут совмещалось много разных «польз» – надо было присматривать, как картошка растет, подкормить домашней едой мужей, мотающихся днями напролет на полевых занятиях, ночующих в палатках, хлестаемых ветрами и дождями, да и детей «на воздух и природу» полезно подышать вывезти.

О результатах сельскохозяйственных трудов в Красном Селе в первое послевоенное лето можно узнать из маминого письма сестре.

7 октября 1945 г. «Милая Настенька! Получила твои письма, второе раньше первого, сейчас решила бросить все нескончаемые дела и написать тебе. Дети спят, Миша уже почти месяц в командировке в Германии, пользуясь тишиной и пищу. Все это время была занята разными хозяйками по подготовке к зиме. Во-первых, совершенно одной пришлось ездить в Красное убирать картошку, и хоть результаты неудовлетворительные, а возни было много. Накопала 4 мешка, из них 40 кг надо отдать, давали на посев, вот остается три. И картошка хоть крупная, но заражена фитофторой какой-то и гниет прямо на глазах. Ну ладно, до нового года дотянем, а там видно будет. Около дома собрала немного свеклы и моркови, да в пайке Мише дают 24 кг овощей в м-ц – выкрутимся».

Лето 1948 года ознаменовалось путешествием мамы и нас с братом в Калужскую область, где жили мамыны братья и сестра, с которыми она не виделась с довоенной поры. Отец как всегда руководил летней практикой курсантов в Красном Селе, временами наезжая в Ленинград.

14 июля 1948 г.: «Хорошо вам там, бродяжки, а вот мне скучновато без вас, одно спасение, что загружен пока – до конца месяца – работой. Безумно жду писем ваших, фотографий с лона природы. Наверное, уже собираетесь кушать огурцы, а я только их созерцаю в витринах. Надоела дубовая каша и сушеная картошка. Свою картошку я окупил вторично на прошлой неделе. Вчера любовался одним пока единственным цветущим кустом, но на днях расцветет почти вся. Уже бутоны завязались. Картошка у нас хорошая, стебли в палец толщиной и вся изумрудно-зеленая. Каждый день хожу любоваться ею. В августе буду есть свои труды».

24 июля 1948 г.: «Очень мы задолжали в этот раз много: 700 удержали (не отходя от кассы, 200 и 100 отдал долги, а остаток извел на оплату взносов, матери и за охрану огорода... У меня большая часть

Лето 1949 г.

времени проходит в Красном. Здесь без вас такая скучища, что я даже во вторую комнату не захожу, так и отсиживаюсь в передней. В столовой нашей тоже скучно. Едим капусту засола 1888 г. и сухую картошку, оставшуюся, очевидно, от похода Петра в Швецию!

Хотел вот сегодня – свежей картошки отведать, да забыл подкопать. А она у нас хорошая, я смотрел, лучше базарной».

6 августа 1948 г.: «Откровенно говоря, не знаю, как вам кажется идет время, а вот я и не заметил, как оно уже второй месяц бежит. Все кажется, что вчера проводил, или это оттого, что мало бываю дома и усиленно работаю, или просто летние дни летят как пушин-

ки? <...> Прямо беда, как летит летнее времечко, хотя наша “картошина” стоит в цвету, как невеста под венцом! Но ночи стали холодные и темные...»

Пожалуй, первое отчетливое личное воспоминание о Красном Селе ассоциируется у меня с особым вкусом и запахом. Еще до первой поездки туда на лето, внезапный, как всегда, приезд отца по служебным делам в город значил для меня одну интересную вещь. Отец, стройный, подтянутый, с португеей на боку, появлялся на пороге нашей комнаты – обветренный и загоревший. Садись, смотря по времени, обедать или ужинать, и из своей полевой сумки отец дос-

тавал лично для меня привезенный «лисичкин хлеб». Это были два ломтика черного хлеба, аккуратно завернутые в белую бумагу, которые мне неизменно, по словам отца, посылала знакомая ему лисичка. Естественно, вкус у этого хлеба был необыкновенный, совершенно не такой, как у обычного, отоваренного по карточке в булочной на Второй линии. Он был чуть обкрошенный по краям, необычайно вкусный, предназначался только мне и съедался мгновенно, к большой радости мамы, знавшей, что черному хлебу я всегда предпочитала, если был, белый сухарик. Много, много позже, уже взрослой, я поняла, что таинство хлеба, его вкус заключались в счастливо придуманной легенде. А хлеб был из обычного столовского пайка, откуда же еще ему было взяться в те годы. Еще позже я прочитала рассказ И. Соколова-Микитова, который так и назывался – «Лисичкин хлеб». Наверное, отец знал этот рассказ, и он пригодился ему в его придумке порадовать дочку.

А запах, тоже связанный с приездами отца из Красного Села, был тоже легкий, необычный, не запах даже, а аромат его табака – а курил он трубку. Этот аромат был как данность. Я даже не спрашивала, что это. Так пахло кожей португели и табаком – только от отца, от моего отца. Потеряв отца в восемь лет, я не успела узнать, что это был за аромат. Никогда запах табака у куривших при мне не напоминал ничего подобного. Много лет спустя, открыв полевую сумку отца, в которой так и лежали его карты, план занятий, идеально отточенные карандаши – и трубка, я почувствовала слабый полузабытый запах. И вот тогда мне было уже легче узнать его, я его запомнила и однажды летом узнала в цветке донника. Значит, отец подсушивал цветы донника и добавлял их в табак, который тогда был не очень высокого качества.

Поездки в Красное Село и летняя жизнь там были наполовину походные, наполовину дачные. Быт был более чем скромный, готовили на керосинках или приносили обеды в судках из военной столовой. Зато на улице было раздолье, хотя улицы как таковой не было, была территория между домиками, на которой росли деревья – ели, сосны, березы. Почти во всех семьях военнотружущих были дети, и мы много играли в мяч, в прятки, а для совсем маленьких была песочница. Дачный колорит местности придавали несколько гамаков, привезенных из города и повешенных в тени под деревьями. У меня и у моей подружки Туси Журавлевой был даже гамак для кукол, и мы по очереди качали их в маленьком гамачке, привязанном к двум березкам.

Одно из сильных воспоминаний детства связано с Вороньей Горой. Однажды родители и я оказались около этой горы, может быть, гуляли там, может, мы с мамой встречали отца. Помню только, что я забралась достаточно высоко на эту гору, а родители были внизу. И вместо того, чтобы просто спуститься с нее, я побежала вниз. Я разбежалась так, что уже не могла остановиться, ноги несли меня все быстрее и быстрее, и мне стало очень страшно – я неслась по достаточно крутому склону и не знала, что делать. Родители, увидев меня, несущуюся «без тормозов», встали на моем пути, крепко сцепившись руками. И добрав до них, я упала, зависнув на их руках.

В выходные дни на территории военного городка играл духовой оркестр – вальсы, танцевальную музыку, иногда марши. Звуки музыки пронизывали теплый и немного влажный от озера вечерний воздух, звучали маняще и томительно.

Где-то не очень далеко от городка, в зарослях, находилась старинная круглая каменная беседка,

или павильон. Вокруг нее не было никаких других строений – она стояла одна, скрытая зеленью, гордая, красивая, невидимая со стороны, чуждая всему окружающему своей отдельностью, тайной, прошлой историей. Это была страница из какой-то совсем другой книги. Интересно, цела ли она сейчас?

Последнее письмо отца из Красного Села, вернее, записка, посланная нам в город с кем-то из сослуживцев, написано в середине мая 1951 года:

«Лагерь

Здравствуй, мои дорогие!

Как вы там живете? Что с Лилей? Как она себя чувствует? Мне Жолудев говорил, что у нее ангина. Проходит ли эта самая ангина?

Зина, куда ты решила ее отправить – в санаторий или в наш детсад? Топчевский (*военврач*) советует отправить ее на все лето в детсадовский дом, т.к. «осиново-левашовский» санаторий стоит, как и Артек, целых 800 р., а в детсаду за эту плату можно жить все лето. Короче говоря, надо еще подумать, куда лучше.

У нас здесь холодновато, каждый день дожди, а вчера шел снег с дождем, я застудил шею.

Кормить нас с субботы кончают. Придется перебиваться с хлеба на квас.

Да, еще Зина, пришли с Дм. Андр. 96 руб., надо уплатить членские взносы. Мои дензнаки уже на исходе.

Будьте здоровы, если в воскресенье будет тепло и сухо – жду вас сюда, а если будет мокро, то сам вырвусь.

Целую всех,
ваш папка».

Это письмо оказалось последним в жизни отца, из лагеря он вырваться не смог – 19 мая 1951 года погиб при исполнении служебных обязанностей...

Возвращение

Н. В. Гужиева

Впервые я ступила на красносельскую, отныне родную землю ребенком в день своего рождения, ставший и днем рождения души. С него – жаркого, августовского, когда я с мамой взобралась на показавшуюся невыносимо крутой гору, Красное Село вошло в меня своей красотой. И тайнами, сначала – от следов Отечественной войны, уже заросших. Воронки от бомб, окопы, пепелища источали сквозь яростный запах разросшегося бурьяна горечь тлена. Пока мама оформлялась, я сидела на вещах у сломанного фонтана, от которого повеяло жутью. Потом говорили, будто в нем схоронили немецкого генерала, застрелившегося от страха перед Гитлером за провал. Чудесные маргаритки грядками росли в парке, – оказалось, тоже на немецких могилах. А какой чудовищный фейерверк получился из бытового пожара от того, что мальчик натаскал к дому – недалеко от нашего – неразорвавшиеся гранаты.

Подрастая, я почувяла за ближней дальнюю тайну. В классе 5-м затеяли с подругами составить историю Красного и по своему почину отправились опрашивать старожилы. Но в первый же раз две беззубые старушки, угощавшиеся манной кашкой, свирепо выпроводили нас: ничего не ведаем. И учителя сказали надвое – то ли мы молодцы, то ли вовсе наоборот. Взрослым доводилось в 1950-е годы надвое отвечать детям.

И моей маме – учительнице – Громовой Екатерине Петровне тоже, когда я лет восьми с восторгом поведала ей о своем религиозном порыве. С ватагой озорников, желая забавы, забежала я в единственную тогда церковь Александра Невского. Но красота службы, хоть и не понятной, торжественность обстановки (а церковь здесь необычная – без потолка, с открытыми конструкциями, делающими ее выше, загадочней), истовость

молящихся захватили меня. Никогда больше я не переживала такого озарения, молясь своими словами, плача неизвестно о чем, ничего не понимая из произносимого священником. Посещения церкви продолжались бы, если бы не тревога в глазах матери о неминуемых последствиях.

Хотя была она – не робкого десятка и однажды прилюдно вкатила пощечину высокопоставленному лицу за нестерпимую пошлость о женщинах. Быть бы мне сиротой, да ученики не подвели при последовавших проверках ее уроков. Сестры-близнецы Дмитриевы отвечали блестяще. А один даже своей матери пригрозил уходом, если она не прекратит проработок. Жестокие были времена.

И Красному Селу – в XIX веке блистательной кузнице гвардейцев, царскому месту – воспоминания об этом были заказаны. Но они прорастали в меня после знакомства с роскошествами других пригородов Петербурга непонятной обидой за Красное. Казалось бы, не всем же блистать, но обида была неспроста – от несоответствия жалкого прозябания громкому прошлому.

Оно отложилось даже в прекрасном рукотворном уборе земли. Как много в нем чувствовалось труда, вкуса, таланта: дивные липовые аллеи вдоль главного проспекта, огромные деревья с вечными гнездами галящих птиц в нижнем парке, нарядное многообразие пород – в верхнем. Каждое дерево красуется, не заслоняя прелести целого; каждое – кстати: на кладбище – аллея из траурных пихт, над прудами – плети ив, на взгорке перед озером душистая уютная акация. И сейчас что-то сохранилось, а в мои времена – в наибольшем приближении к волшебству первоклассных мастеров, подчеркнутых красотой природного ландшафта, притом особенную.

Не однообразие приневской равнины на юге Питера, не суровость скал, напоминающих Скандинавию, – на севере; в высотах и перепадах Красного что-то от мягкости Европы, ну а горбы Дудергофа – один к одному наша Швейцария. Благодарный, хоть непростой материал для чудодеев, тактично вмешавшихся в дела Божьи.

И строители были высшего класса. Дома вроде бы скромные, деревянные – даже у царей. А

Здание пожарной команды. Нач. XX в.

сколько неброской, но от этого еще более труднодостижимой красоты: соразмерность частей, стильность, добротный материал, изящество без претензий отделок – все приличествовало царскому месту, облагораживало вкус. Внешне неприятная простота таила в себе аристократичность, напоминая о себе изысками деталей: то какие-то необыкновенные колонки на крыльце, то потрясающий камин, везде – прекрасные паркетные. А в моем двухэтажном домике какая была лестница – ажурная, литая, цельнометаллическая, так и манила скатиться по ней вихрем.

Все ласкало взор и тревожило – и никакой мистики в том, что долго впоследствии мне снился один и тот же сон, оказавшийся вещим: будто вернулась в давно известный город, но неузнаваемый из-за обилия шпилей и башен. Их и увидела на старых фотографиях Красного в поисках материала для восстановления часовни на кладбище – на здании клуба, оказавшемся церковью, на разбитом в войну вокзале Н. Бенуа, на соседней Пожарке, на одном из царских дворцов. Оттуда, по легенде, Николай II высмотрел в бинокль караульных в лагерях, дувшихся в карты, не ведая – под каким грозным оком.

Сохранившиеся здания просили назад свои шпили. Каждое утро, вылетая на крыльцо, я «пеленговала» отчаянный вопль стоявшей напротив ополовиненной Троицкой церкви. Винтовая лестница снаружи Пожарки грустила о смотровой башне. Увидев ее впервые на фотографии, я испытала шок: будто время вернулось вспять, я снова девочка, азартно гонящая мяч во дворе Пожарки, в самом разгаре вдруг задумавшись, почему лестница такая странная. Как будто наткнулась на собственный испытующий взор из ушедшей юности, – момент истины, победа над временем.

Как утешили меня эти фотографии в черную пору после похорон матушки. Да и она помогла мне – завещанием похоронить в Красном, красивым уходом. Навсегда памятен мне ее последний вечер на Земле. До него она все читала стихи. А тут уж замолчала. Мы с тетужкой предложили – да-

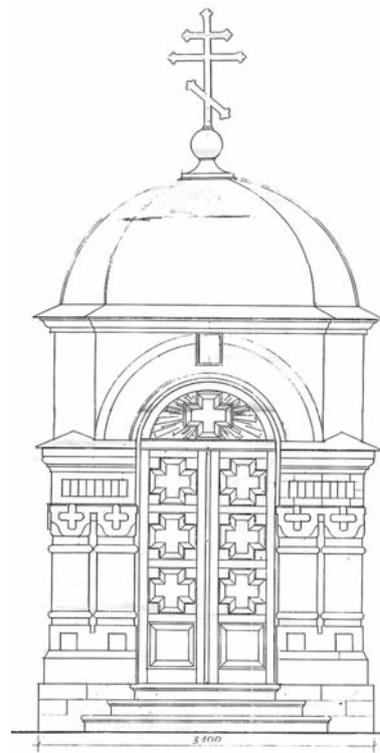

Троицкий собор. 1950-е гг.

вай напоем тебе любимую, есенинскую «Ты жива еще, моя старушка?...»¹. В больничной палате, разгоняя смрад, словно повеяло свежестью черемухи, такой памятной по красносельской юности, и вся больная братия замерла, когда мы тихонечко запели. Один куплет, другой... Матушка молчит, закрыв глаза. Мы приостановились – слышит ли? И вдруг она отчетливо и требовательно произнесла: «Я вернусь». Я не поняла, а тетужка догадалась – это же начало следующей строфы: «Я вернусь, когда раскинет ветви по-весеннему наш белый сад. Только ты меня уж на рассвете не буди, как восемь лет назад»². Только на два слова и хватило сил у моей ненаглядной матушки, она забылась и к утру отошла в мир иной, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание». Слова Есенина – ее последние слова я написала на ее могильном памятнике, бросившись заглушать нестерпимую боль хлопотами о часовне.

Трезвые доброжелатели отговаривали – трудно будет. И в самом деле – сколько неожиданных преград. Непостроенная часовня стала мне такой же болью, какой была радостью. Но я не теряю надежды и не раскаиваюсь. А боль – она так же целительна, как страх, с каким я из библиотечного затворничества вышла к людям в Троицу у ворот кладбища с урной для сбо-

ра средств. Многоликая людская толпа текла, испытывая меня таинственным, страшноватым – как с древних икон – взглядом. Я крепилась изо всех сил – мол, что особенного. Впрочем, обошлось; разве ехидный атеист посоветовал лучше мусор подмести. Бывало и

Эскиз часовни на нижнем Красносельском кладбище. Выполнен Архитектурным бюро «Литейная часть-91»

утешительное. Бросила старушка мелкую монетку, ругнулась: «Вот до чего коммунисты довели – нечего на часовню дать». Тут же вторая точно такая же, но с присловьем: «Вот демократы до чего довели – на часовню дать нечего». Политическая равнодействующая современности выравнивалась на глазах и незамедлительно.

В следующую Троицу уже с подъемом подписывали кирпичи именами умерших, рассказывали о них, радовались, что будет подобие могилы у тех, кто канул без вести. Меня порадовал ученик мамы – Г. Шатков, помянув ее, и тут же признал в незнакомой девушке дочь своего умершего товарища. В память о дорогих умерших такие встречи. Последовало и огорчение, так как кирпичи, отданные на хранение в церковь, использовали на что-то другое, не испросив у народа разрешения. Долг, правда, подтвердили, да и как иначе? Часовня красивая – кирпичной архитектуры конца XIX века, прекрасный подарок обнищавшему Красному. А задумали мы ее как памятную. Сотни людей, целые учреждения вносили в список для памятной доски имена – и выдающихся посетителей этих мест: царей, полководцев, артистов... – и обычных, горячо любимых. Не простит народ, если слово не сдержат.

Многим всерьез захотелось вернуть славу этих мест, глубоко родственных самому Питеру. Все больше обнаруживается между ними общего. Троицкий собор с восстановлением явственно напоминает Петропавловский. Благовещенский храм, что стоял на площади Труда, у нас имел точную копию. Ну а пушка, которая стреляла с горы ровно в 12, как эхо с Петропавловки? А забор из артиллерийских стволов – как вокруг Преображенского собора? Это не случайные совпадения. Красное летом становилось «военной столицей», и к нему приложимы слова Пушкина: «Люблю, военная столица, твоей твердыни дым и гром»³. В роскошных изданиях истории российских полков, во множестве хранящихся в Российской национальной библиотеке⁴, попеременно рассказывается о жизни в Петербурге, и в Красном. При колоссальной разнице оно оказалось ближе

Троицкий собор. Фото конца XIX в.

душе Петербурга, чем прославленные дворцами другие знаменитые предместья.

Человек сугубо штатский, от природы не склонный ни к чему армейскому, я пережила открытие прошлого Красного во многом через возвращение к себе как филологу. Кем еще могла стать дочь той, которая и умирала со словами любимого поэта на устах. А еще ее брат – мой дядя Павел Петрович Громов, известный литературный и театральный критик, умнейший и образованнейший из всех, кого я знала. Его приезды к нам в Красное превращались в пиры поэзии и музыки.

Академия эта вылилась неожиданно в мои тайные сидения над лирическими сборниками начала XX века, которые дядя попросил маму спрятать в 1948 году, грозивом для Ахматовой и журнала «Звезда», где он заведовал отделом критики. Мама не нашла ничего надежнее нутра нашего дивана, где я их и обнаружила. Запретный плод сладок. И для меня строки Ахматовой: «А я росла в узорной тишине, в прохладной детской молодого века...»⁵, – напоминание о тихой красносельской комнатке, где я, несмышляныш, сижу на прохладном полу перед распахнутым чревом голубого дивана, замороженная музыкой удивительных слов. Удача – рано прикоснуться к таким источникам, обостряющим впечатлительность. Тайны и прелесть Красного я после этих чтений почувствовала живой.

А завеса над ним стала раздвигаться передо мной – через Блока. Уже переехав в Питер, студенткой университета в записных книжках поэта⁶ с удивлением обнаружила упоминания о красносельском театре: жена поэта Л. Д. Блок не раз играла в драматических спектаклях на этой сцене. В свою очередь, открытие прошлого Красного откликнулось мне и новым видением Блока. Уверена, что не прошло для поэта бесследно долгое в годы юности пребывание среди гвардейцев – в казармах Гренадерского полка на Петроградской стороне, где служил отчим Блока. Уже тогда начал кристалли-

Красное Село. Нач. XX в.

зоваться в его воображении образ русского воина, во весь рост вставший в цикле «На поле Куликовом». А какой сочной, красочной иллюстрацией к «Скифам», трактующим события революции как извержение первобытных, нетронутых цивилизацией стихий в русской нации, показался факт, рассказанный мне директором Суворовского музея – ныне покойным В. Грибановым, – будто после освобождения Красного от белых наиболее отличившемуся бойцу подарили золотую саблю Александра II. Источник Грибанов не упомянул, так что приходится просить верить на слово. А утаить не могу, ведь это сигнал о том, что в скромных дворцах Красного могли храниться раритеты.

Но самое сильное потрясение связано у меня со скачками: как о них рассказано в знаменитом романе Л. Толстого «Анна Каренина» в сцене гибели лошади Вронского Фру-Фру – и как это интерпретировано в книге Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Книга блестящая, парадоксальная, вызывающая споры – и подчиняющая себе, и отталкивающая, – как все в наследии этого писателя, критика, религиозного мыслителя, столпа русского символизма, без которого многое в нем не достигло бы высочайшего интеллектуального уровня. Толстой для Мережковского – ищущий Бога «тайновидец плоти», гениальный художник, равного которому нет не только в умении живописать тело человека и всякой другой твари, но и способности прозревать в «живот-

ном» – «духовное». Через тело, его движения, его страдания Толстой, по Мережковскому, как никто умеет проникать в глубины духа, осознывая все телесное божественным – созданием Творца, несущим в себе его искру. И это делает Толстого-«язычника» провозвестником нового религиозного сознания, к которому и призывает Мережковский.

В порядке подтверждения своей концепции Мережковский указывает на действительно существующую параллель между изображениями Анны и Фру-Фру: «...у них обеих – и у лошади, и у женщины – одинаково определенное выражение телесного облика, в котором соединяются сила и нежность, тонкость и крепость...»; едва уловимое, потом все более и более углубляющееся полное таинственных предзнаменований сходство «вечно-женственного» в прелести Фру-Фру и Анны Карениной⁷. Эти предзнаменования выходят наружу, резко и драматично заявляют о себе на сюжетном уровне – в сцене на ипподроме. Рассказывая об удивительной радости полного слияния с лошастью в ходе скачек, Мережковский позволяет себе необыкновенно смелое замечание: «...в это мгновение он, может быть, любит Фру-Фру больше, чем Анну, более чудесной и таинственной любовью». А затем начинает увязывать в драматический узел гибель лошади и женщины. Сначала чисто риторически: «Не послала ли ему судьба предостережение в гибели Фру-Фру? Не погубит ли он точно так

же и Анну?», – а затем уж и категорично: «Немой взгляд» мертвых глаз Анны Карениной и «говорящий взгляд» убитой Вронским лошади взывают к единому божественному правосудию, божескому лику, помраченному в лике человеческого. Ни у кого не вызывает сомнений, что сцена на ипподроме – ключевая; без нее просто тормозится действие. Но никто еще не понял провиденциальный трагический ее смысл, сблизивший с античной трагедией, так глубоко, как Мережковский.

По той ли причине, что поле в Скачках, на котором развернулась трагедия Анны Карениной, довольно далеко от места, где я жила, – ближе к Питеру, но я всего лишь один раз побывала там – незадолго до отъезда из Красного. Одноклассница, жившая в одиноком домике посреди поля, позвала в гости – ярким летним днем. Все звенело, благоухало, радовалось жизни: душистая трава, жаворонки, кузнечики. Новые, неожиданные ракурсы открывали как-то иначе просторы и изгибы давно изученного ландшафта – все врезалось в память раз и навсегда. И так же отчетливо всплыло над чтением Мережковского – как продолжение и подтверждение его идеи о языческой сущности гениальных образов Толстого.

После этого часто думаю – вечная природа, вечное искусство; допустимо ли, что до сих пор не восстановлен такой ипподром? Наверное, очень мы богаты, что пренебрегаем таким кладом.

¹ Есенин С. Письмо к матери // Есенин С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1956. С. 188. (Б-ка поэта. Большая серия. 2 изд.).

² Там же. С. 189.

³ Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 382.

⁴ История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906 / Сост. С. Гулевич. СПб., 1907. Ч. 4: 1881–1904. С. 165–168, 171, 180–181 и др.; Панчулидзева С. А. История кавалергардов СПб., 1903. Т. 4. С. 66, 94, 199, 201, 203 и др.; Бобровский П. История лейб-гвардии Уланского... полка. СПб., 1903. Т. 1. С. 68, 71, 142 и др.

⁵ Ахматова А. Ива // Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 194. (Б-ка поэта. Большая серия. 2 изд.).

⁶ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Записные книжки. М., 1965. С. 303, 304, 307, 311.

⁷ Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. С. 121–123, 133–134.

Мои воспоминания*

Н. А. Лейкин

1862 г. застал меня по-прежнему служащим в кладовой Ф. Боненблуста, но я уже был повышен, и получал жалованья 25 руб. в месяц. По-прежнему – отпуск товара гостинодворам, хозяевам Апраксина и Щукина дворов, их приказчикам и лавочным мальчишкам, а в антрактах – чтение романов на кипах ситцев. Приказчики, осведомясь, что я пописываю в газетах (в популярной тогда «Северной Пчеле» была помещена моя заметка о тяжелом положении торгового мальчика-ученика), рассказывали мне о своем безотрадном житье-бытье у хозяев. Я выслушивал их и вносил все это в черновик своих очерков «Апраксинцы», которые тогда все еще продолжал писать. Хозяева-апраксинцы, зная, что я пописываю, косились на меня и говорили дяде:

– Не для торговли у вас этот молодец. Когда в голове всякое воображение, пути не будет. Да и зачем он у вас здесь? Он ученый. Ему бы поискать другого места.

Дядя отмалчивался.

Разумеется, замечания эти доходили и до моего хозяина Боненблуста.

По вечерам, дома, в свободное время я продолжал писать. Было это подчас трудно при тесноте нашего жития, но жилец-чиновник К., с которым я жил в одной комнате, иногда уходил со двора, и комната оставалась для меня свободной. В начале 1862 г. я написал рассказ из чиновничьего быта «Неожиданная карьера». Явился он опять под влиянием повестей Гребенки, которые мне очень нравились. Захотелось тогда рассказ напечатать. Я вспомнил о еженедельном «Русском Мире». Он тогда, после долгого непоявления в свет, перешел от Лермонтовых в другие руки и издавался нотным торговцем Стелловским под редакцией А. С. Гиероглифова. Я передал рукопись рассказа в нотный

Апраксин двор на Садовой улице
Фотография К. К. Буллы. 1900-е гг.
Из коллекции Государственного Эрмитажа

магазин Стелловского. Мне сказали, что за ответом надо прийти недели через две к Гиероглифову, и дали его адрес. Помню, что раз пять-шесть ходил к Гиероглифову в его приемные часы и не заставал его дома. Гиероглифов жил тогда на Вознесенском проспекте, конок тогда не было, и мне приходилось довольно долго пешеходствовать с Владимирской улицы. Наконец, Гиероглифова я застал. Встретил он меня в совершенно пустой квартире. Как я узнал впоследствии, всю мебель его продали за долги. В большой комнате стоял только простой, некрашенный кухонный стол и два еловые табурета. На подоконниках лежали рукописи, книги, газеты. На столе стояли бутылки пива и два стакана. На табуретах у стола сидели Гиероглифов и довольно полный студент в сюртуке с синим воротником и со стеклышком на глазу на черном шнурке. Студент читал Гиероглифову нараспев, покачиваясь на табурете, стихи. Это был Всеволод Владимирович Крестовский, впоследствии автор знаменитого романа «Петербургские трущобы», извест-

ное стихотворение которого «Гитана» тогда было уже напечатано, очень понравилось публике, и его заучивали даже наизусть. Я сказал свою фамилию и название моего рассказа. Гиероглифов, тощий и высокий средних лет человек с белокурого цвета волосами и такой же маленькой бородкой, встал с табурета, направился к подоконнику и заговорил:

– Есть такой рассказ, есть и будет напечатан. Рассказ не блещет перлами, но не дурен.

Отыскав на подоконнике мою рукопись, он перенес ее на стол и познакомил меня с Крестовским, сказав мягким, тихим, вялым голосом:

– Фамилию нашего поэта, я думаю, уже слышали. Нельзя не слышать, если пишете. А вот совсем еще начинающий писатель, – указал он Крестовскому на меня. – Пива не хотите ли? – спросил он меня. – Вот только сесть-то вам где?.. Садитесь на мой табурет, а я на подоконник сяду.

Я был на вершине блаженства, узнав, что рассказ мой будет напечатан, и что я знакомлюсь с извест-

* Продолжение. Начало в № 1 (11) – 6 (16) за 2003 г.; № 1 (17) за 2004 г.

тным поэтом В. В. Крестовским. Помню, что Крестовский стал просить у Гиероглифова денег, сообщив ему, что собирается в Новую Деревню на «Минерашки», т. е. в увеселительный сад.

– Нищя, – отвечал ему Гиероглифов, разводя руками. – Вы знаете, что гонорара сотрудникам не выдаю. Это дело не моего департамента. А если хотите, к Стелловскому могу дать записку рублей на пятнадцать.

И он написал для Крестовского записку к Стелловскому.

Недели через две рассказ мой был напечатан в «Русском Мире», и я получил из нотного магазина Стелловского гонорар по три копейки за строку. Нарочно упоминаю об этом, чтобы показать, как ничтожно мало тогда платили за литературные произведения начинающим авторам, да и не одним начинающим.

Здесь кстати упомяну об Александре Степановиче Гиероглифове. Он печатался в разных журналах, подписывал своей полной фамилией, но многие думали, что Гиероглифов – это псевдоним писателя, в том числе и я помню, что при последующей встрече с ним даже спросил его, как его настоящая фамилия, и очень удивился, когда он мне объявил, что Гиероглифов его настоящая фамилия и есть.

Помещение моего рассказа в «Русском Мире» после долгой паузы по напечатании моего рассказа в «Петербургском Вестнике» дало сильный толчок моему писательству. Я оставил писание «Апраксинцев» и принялся готовить мелкие рассказы, ожидая их сбыта в «Русском Мире», но «Русский Мир» вскоре прекратился выходом и при новом издателе. Маленькие журналы тогда возникали быстро, приостанавливались, переходили из рук в руки и также быстро погибали в новых руках. Издатели почему-то думали, что издавать журнал можно без затраты, что подписчики на него тотчас так и посыплются, и журнал сейчас же будет окупать себя, но на деле это было не так. Стелловский, наживший на нотах, сунулся в журналистику и книгоиздательство и, тотчас же потерпев убытки в «Русском Мире», прекратил его.

Пришлось искать новый журнал для помещения моих расска-

зов, и вот А. О. Иванов, всегда бывший бессребреником при помещении своих стихов, указал мне на В. Р. Зотова, издававшего и редактировавшего тогда еженедельный журнал «Иллюстрированный Листок», где он время от времени помещал свои стихи. Толстых журналов я боялся. Попасть в них тогда сотрудником казалось мне недостижимым для меня. Да, кажется, что и Иванов, по присущей ему скромности, точно так же полагал относительно своих произведений.

И вот мы оба отправились к В. Р. Зотову, жившему на Литейной, на углу Бассейной в доме Краевского. Дом этот в то время был литературным гнездом. Здесь жили, кроме домовладельца, издателя «Отечественных записок» и журнала «Голос», А. А. Краевского, издатель «Современника» А. Н. Некрасов, его сотрудники критики: А. Ф. Головачев и Г. З. Елисеев, и наконец В. Р. Зотов. Зотов жил в надворном строении.

Зотов, как сейчас помню, принял нас в меховом на белках сером халате, хотя мы пришли к нему в приемные часы. У него была какая-то дама с рукописью в руках. Она сидела в маленьком, довольно темном кабинете, окна которого выходили в стену.

Подслеповатый, близорукий Зотов, разговаривая, то и дело откидывал свои редкие черные волосы за уши, говорил с какими-то ужимками и пощипывал несколько волосков на бороде, которая у него совсем не росла. Лицо было худое серо-желтоватое, сам он тщедушен. С первого раза он мне казался больным или изнуренным после тяжелой болезни. Костюм его тоже говорил за это. Но при последних посещениях его я убедился, что у него был только такой вид, да и меховой халат не сходил с него, когда я заставал его дома. Зотов всегда пользовался здоровьем и умер в глубокой старости.

Когда дама ушла, Зотов заговорил с нами. Иванов представил меня. Зотов взял от меня рукопись. Узнав, что я из купеческого быта, Зотов заговорил:

– Да-с... Теперь такие рассказы желательны-с... Повяло народным духом. Прочитаю, и если подходящ будет ваш рассказец, напечатать, непременно напечатать. Но на-

перед вам скажу, что в данное время журнал очень стеснен-с, и гонорара я вам заплатить не могу. Потом-с, когда журнал встанет на ноги, с удовольствием, но теперь не могу. Никто не получает. Вот Алексей Федорыч уж знает, – указал он на Иванова. – Знает и помещает свои стихи ради будущих благ.

Я согласился на его условия.

Впоследствии я узнал, что Зотов действительно никому не платил. Да и сотрудников посторонних у него не было. Для «Иллюстрированного Листка» он писал сам, писали его жена и сын. Журнал, впрочем, и просуществовал не долго и погиб. Это был маленький, серенький журнальчик, очень скудный иллюстрациями, которые готовились тогда только на дереве и стоили очень дорого.

Рассказ мой появился в следующем же номере. Очевидно, что Зотов очень нуждался в материале. Помню, что невзирая на отказ в гонораре, я поместил в журнальчике Зотова еще небольшой рассказец и даже написал два-три обозрения петербургской жизни, в роде фельетонов. Гонорара от Зотова я так и не получил.

В 1862 г. семья наша за скудостью средств не выезжала на дачу. Отец мой, потеряв все, что имел, ничего не зарабатывал, и мы жили на средства дяди. Отец искал места, но его никто не брал приказчиком, как бывшего хозяина, привыкшего к самостоятельной жизни, к тому же неудачника, пожилого человека и обремененного семьей. О тогдашнем взгляде на приказчиков вообще я уже упоминал. Естественно, что меня, молодого человека, тянуло на воздух, на лоно природы, и накануне праздников я ездил гостить в семейство моего двоюродного брата, Анонова, с которым я вместе служил в кладовой Боненблюста. Аноновы тогда жили на даче в Полустрове, около Безбородкинского парка. Место это было тогда очень любимо петербуржцами. До десятка дворов с полусотней деревянных небольших дач в Александровской улице примыкали к парку и имели даже выход в парк. Парк был большой с прекрасными липовыми тенистыми аллеями, и в нем дачники проводили время. Граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко, хотя и жил в тот год в

Портрет Г. А. Кушелева-Безбородко. Фотография. Раскрашена акварелью. 1850-е гг. Из коллекции Государственного Эрмитажа

своем дедовском дворце, выходящем и на Неву, и в парк, не стеснял дачников, часто приглашал военный оркестр, который играл по вечерам в парке перед дачниками, и любил бродить среди них. Любезность его по отношению к дачникам простиралась до того, что он иногда даже высылал в толпу лакеев с подносами блюдец мороженого и чашек шоколада, которые и предлагались дачникам. Граф жил широко, проживал кучу денег, имел множество прислуги, совершенно не знал цены деньгам, и тогда рассказывали, что управляющий его ставил ему в счет по содержанию дома и парка только за одни метлы около 5.000 рублей. Выносилось прохладительное питье в виде лимонада, оршада и клюквенного морса. Граф, как сейчас помню, в светлом фланелевом костюме и в мягкой фуражке английского образца, надвинутой на лоб, всегда показывался в сопровождении своих сотрудников. Он тогда издавал ежемесячный журнал «Русское Слово». Граф был высокий, стройный, холеный человек средних лет, с небольшой русой бородкой и добрыми голубыми глазами. Двигался он всегда усталой походкой. Среди сотрудников, окружавших его, выделялся всегда Л. А. Мей в красной рубахе, высоких русских сапогах и в накинутой на плечи однорядке, высокий, красивый, с черной бородкой. Затем неизменным его спутником бывал секретарь редакции, Г. А. Благовест-

лов, невзрачный, сутуловатый, с желтым, безбородым, тщательно выбритым лицом, в золотых очках и в калабрийской шляпе с широкими полями, а также и Всеволод Крестовский и Н. И. Кроль, который ему приходился родственником по жене. Кроль и Благовестлов даже жили в одном доме графа, отчего впоследствии, при возникшей журнальной полемике и нападках на Благовестлого, его упрекали печатно, что он спал в графской прихожей на шинелях. Выходил граф со своими гостями-сотрудниками в публику всегда под вечер, после лукулловских обедов, которыми кормил их. Иногда на террасе еще продолжались возлияния, и я помню, как однажды Л. А. Мей, разгоряченный вином, читал с террасы перед дачниками какое-то свое стихотворение со стаканом вина в руке, и Мею восторженно аплодировали.

В парке графа Г. А. Кушелева-Безбородка был небольшой деревянный театр, и в этом-то театре в одно из воскресений был любительский спектакль, в котором игралась поэма А. Н. Майкова «Три Смерти», причем все роли исполнялись писателями, и Сенеку, помню, играл сам автор, а раба – Всеволод Крестовский. Спектакль был поставлен с редкой роскошью.

На писателей в то время мы, читающая молодежь, да и вообще многие интеллигентные люди, смотрели с благоговением, как на людей, выдвинувшихся из толпы, отмеченных перстом свыше, как на полубогов. Перед писателем преклонялись, писатель был желанным гостем в каждой интеллигентной семье, не исключая и аристократических, хотя бы он был угловат, со странностями. Даже эти-то его угловатости и странности

Групповой портрет русских писателей (А. Н. Островский, И. Ф. Горбунов, А. Н. Майков). Фотография С. Л. Левицкого. Середина 1850-х гг. Из коллекции Государственного Эрмитажа

Групповой портрет русских писателей
(сидят слева направо: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин,
А. Н. Островский. Стоят: Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович).
Фотография С. А. Левицкого. 1856 г.
Из коллекции Государственного Эрмитажа

иногда и не нравились в нем. Я говорю о начале шестидесятых годов, когда все перерождалось, и явился у всех подъем духа. Естественно, что пример был заразителен, спектакль с писателями дал толчек и дачной молодежи, и вот я, мои двоюродные братья и проживающие вместе с моими двоюродными братьями на даче студенты-технологи задумали также устроить спектакль в этом театре. Разрешение графом на театр было дано, мы подали на высочайшее имя прошение об устройстве спектакля (это тогда было неременное условие, потому что существовала монополия императорских театров), и спектакль был разрешен. Устроили мы его с благотворительной целью. Были поставлены: «Не сошлись характерами» Островского и водевиль «Что имеем, не храним», и я играл в пьесе Островского роль купца Толстого-Раздова, а роль купчихи, моей жены, художник-фотограф Е. И. Берестов, человек маленького роста, имевший чуть ли не первую по открытию фотографию вместе с художником И. Н. Щети-

ниным, знаменитым мозаистом, сделавшим несколько икон для Исаакиевского собора. Это был мой первый выход на сцену. Берестов сыграл роль забитой купчихи прекрасно. Впоследствии он вообще играл только такие роли.

В описываемый мной год публичные спектакли любителей только зарождались. Писатели участвовали в них зачастую, и зимой в театре Пассажа был поставлен «Ревизор» Гоголя, где все роли играли писатели, и даже в толпе купцов, подносящих Хлестакову хлеб-соль, исполняли бессловесные роли Тургенев и Краевский. Спектакль был устроен с благотворительной целью. Билеты на спектакль брались с боя.

Вообще в этот (1862) год рождались в Петербурге все частные зрелища, публичные лекции и диспуты, которых раньше не было. Да и где было их устраивать. А к этому времени откупщик Рудзев выстроил великолепный дом с громадным залом на Мойке, архитектор Реймерс построил первый частный театр в Измайловском полку.

В этом театре я и мои двоюродные братья зимой также устроили спектакль, в котором играл я.

Наряду с просветительными развлечениями открываются и многочисленные танцклассы в городе и за городом, с бешеным канканом, с наемными специалистами по части канкана (Фокин, Катья Ригольбош), возникают первые кафе-шантаны. Танцклассы даже покровительствуются полицией в видах сыска. Рассказывали, что даже сами сыщики открывали танцклассы. Сыщики были даже среди дам легкого поведения, наполнявших танцклассы. Молодежь все это знала и все-таки наполняла танцклассы. Некоторые дамы эти, или камелии, как их тогда принято было называть печатно, иногда поражали своими разговорами о Некрасове, Щедрине, Добролюбо-ве, Чернышевском, Аполлоне Майкове и называли их произведения. Иногда цитировали стихи известных поэтов и в особенности из «Гитаны» Всеволода Крестовского:

*Не кори меня в разврате,
Но целуй звончей, звончей!
Поздно думать об утрате
Прежних отроческих дней.*

Знали они наизусть и куплеты Беранже в переводе В. С. Курочкина, произносили строки из стихотворений М. Н. Розенгейма, говорили о женской эмансипации. Молодежь это нравилось, и она увлекалась ими.

1862-й г. был обилён громадными пожарами. Петербург горел каждый день. Приписывали их поджогам. Простой народ говорил, что это – поляки. На поляков тогда валились все невзгоды. В мае месяце, в Духов день, был ужасающий пожар двух рынков. Сгорели Апраксин и Щукин дворы с тысячами лавок. Горело несколько дней подряд. Пожарная команда и войска бессильны были остановить пожар. Кроме рынков сгорели торговые заведения в доме Пажеского корпуса, в Чернышевском переулке от Садовой до площади, сгорело здание министерства внутренних дел у Чернышева моста. Огонь перекинуло через Фонтанку, горели барки на Фонтанке с вынесенными из рынка в начале пожара товарами, пылали костры с привезенными из рынка товарами даже на углу Щербакова переулка, на

Воронцовский дворец (Пажеcкий корпус) на Садовой улице.
Фотография. 1860-е гг. Из коллекции Государственного Эрмитажа

дворе государственного банка на Садовой горел вынесенный из рынков товар, и угрожала опасность загореться даже самому банку. Горели лавки в Мучном переулке. В народе была неопиcуемая паника. Были и народные зверские расправы с будто словленными поджигателями. Пожар на всех произвел потрясающее впечатление. Он разорил тысячи торговцев.

Я помню этот пожар. Начался он в Духов день, под вечер. Когда загорелось, то добрая половина хозяев-рыночников была на гулянье в Летнем саду, где в те времена ежегодно устраивалось гулянье в Духов день с несколькими оркестрами военной музыки. Гулянье это тогда в просторечии звалось смотром купеческих невест. И в самом деле низшее и среднее купечество вывозило и выводило на гулянье в Летний сад невест-дочерей, племянниц, в летних модных обновках. Расфранченные женихи из купечества стояли шпалерами по бокам главной аллеи сада и смотрели на целый поток двигавшийся по аллее купеческих невест. Да, двигались в этом потоке невесты и не из одних купеческих семей, а и из чиновничьих. Стояли в шеренгах и женихи-чиновники. Свахи, которых тогда в Петербурге было множество, шныряли от женихов к невестам и обратно, и сообщали о приданом невест, о положении женихов. Островский с фотографической точностью изобразил

быт и сватовство и этого купечества и того чиновничества, хотя и писал из московских и провинциальных нравов, а Петербург того времени очень мало в этой жизни разнился от Москвы и провинции.

Гулянье в это день в Летнем саду было особенно многолюдно. Я был на нем. Погода была прекрасная, солнечная, жаркая. На аллеях было тесно. Двигались буквально плечо в плечо. Вдруг в самый разгар гулянья пришло известье, что Апраксин двор горит, лавки горят. Трудно описать, какая свалка произошла в это время в Летнем саду. Пожары тогда были повальные и не ограничивались малыми жертвами. Перед этим пожаром только что выгорела треть

улиц в Семеновском полку, которые тогда также звались ротами, как ныне в Измайловском полку, был громадный пожар на Песках, уничтожена половина построек на Черной речке. «Рынок горит! Апраксин горит!» – повторялось повсюду, и одни бросились к выходам из сада, другие к Лебяжьему каналу, как к открытому месту, чтобы посмотреть на дым, который валил тремя столбами, ибо загорелось сразу в нескольких местах. Бежавшие сбивали друг друга с ног, давили друг друга. Те, которые старались подняться, ухватывались за чужую одежду, рвали ее. Раздавались стоны, крики, вопли. Многие женщины лежали в обмороке. Я находился во время известия о пожаре с моим двоюродным братом на берегу Лебяжьего канала. В неогражденный ничем канал с крутыми берегами напиравшая толпа стала сталкивать публику. Люди скатывались по крутому берегу. Мой двоюродный брат полетел в воду одним из первых. К счастью, что вода была не глубока. Упавшие поднимались и ходили в воде по пояс, перебираясь на противоположный берег к Царицыну лугу. Я каким-то чудом удержался на берегу и, уж спустя добрых полчаса, вышел в ворота к Инженерному замку. Помню, что на аллеях сада продолжали еще лежать женщины. Около них суетились мужчины, приводя их в чувство. Рассказывали, что во время паники и свалки появились злоумышленники, которые срывали часы, бриллиантовые украшения с купе-

Чернышев мост на Фонтанке.
Фотография. Из коллекции Государственного Эрмитажа

На аллее Летнего сада
Фотография. 1900-е гг.

ческих дам, браслеты, рвали даже серьги из ушей. Помню, полиция, которой тогда было вообще мало, совсем отсутствовала. Очень может быть, что она вся бросилась на пожар. Извозчиков у выхода сада не было никаких, да и на Фонтанке, по которой я шел, направляясь к себе домой на Владимирскую, их всех расхватали. Помню бегущих, раскрасневшихся дам и девиц в помятых и разорванных нарядах. Некоторые женщин вели мужчины в исковерканных шляпах, цилиндрах. И на Невском не было извозчиков. Оказалось, что они все бросились к горевшему рынку, чтобы вывозить из огня товар. Потом говорили, что извозчики брали по три и по пяти рублей за конец. На Фонтанке, близ Аничкина моста, уже увидел перевозчицкие ялики и ялботы, везущие грузы вытащенного из горевших лавок товара. Столбы дыма, носившегося над рынком, уже слились. Летал пепел крупными хлопьями

от горевшего товара и черными пятнами покрывал тротуар и улицу. На углу Графского переулка, сворачивая к себе на Владимирскую, я увидел барки с дровами, а сверху дров были набросаны куски товаров, готовое платье, шубы. Барки волокли канатами по направлению к Аничкину мосту. Тут же я услышал страшный взрыв, и густой столп черного дыма высоко взвился в воздух, выделяясь от общего дыма. Это взорвало порох: на Апраксином рынке, вместе с оружием торговали и порохом. Когда я явился домой, на дворе разгружались две четырехместные кареты, привезшие с пожара ситец, шелковую и шерстяную материи, куски полотна. В нашем доме жил рыночный торговец Петров, и это был его товар. Даже на крышах карет были привязаны куски товара.

Когда я явился домой, ибо мне страшно беспокоилось, мать плакала. Хоть и довольно далеко мы

жили от горевшего рынка, но на открытом окне, обращенном к пожару, мать выставила образ Неопалимой купины. Хлопья пепла горевшей материи, впрочем, летели и к нам на двор, наносимые ветром. Домой к нам кто-то принес известие, что на улицах около горевших рынков, кроме того, бунт, что уж даже стреляют из пушек. Прислуга на всякий случай связывала в узлы свои пожитки, приготавливаясь с ними бежать. Дядя Василий отправился в Гостиный двор охранять кладовую. Велено было и мне идти туда же, как служащему, но мать не пускала. Я ушел, невзирая на все ее просьбы. Путь я избрал ближайший по Графскому, Троицкому и Чернышеву переулкам, но по Чернышеву можно было пройти только до моста, и то лавируя мимо груд всевозможных товаров. Навстречу мне бежали ларьковые торговцы и торговки, с головы до ног нагруженные товарами из своих ларьков. Женщины при этом плакали и вопили: «Беда! Погибаем!» У моста стоял взвод солдат, и через мост никого не пускали. В домах у моста на окнах везде виднелись иконы. Мне хотелось пробраться на угол Садовой и Чернышева к лавке А. О. Иванова, дабы узнать, в каком положении находится он, но пришлось повернуть по Фонтанке к Невскому. На месте рынка за мостом среди дыма виднелись сотни огненных языков, но огонь еще не перекинуло через Фонтанку, не горело еще и здание министерства внутренних дел. На набережной Фонтанки вплоть до Графского переулка лежал в горах и валялся утерянный товар. Я хотел переехать от Графского переулка к существовавшему тогда Толмазову переулку, на том месте, где теперь находятся хозяйственные постройки Аничкова дворца, но перевоза уже не было. Каменные спуски и деревянные плоты с обеих сторон были завалены товаром, привезенным на лодках. Я направился к Невскому проспекту. По Невскому дилижансы Щапина, ходившие от Гостиного двора в Лесной и в Новую деревню, также везли товар, направляясь к Литейной.

Вот и Гостиный двор. По случаю Духова дня половина торговцев не отворяли лавок, а кто отворял их, те, как только начался по-

жар в Апраксином дворе, сейчас же заперли свои лавки. Но все торговцы были в сборе, стояли на галереях около запертых лавок вместе со своими приказчиками и гостинодворскими сторожами и охраняли, боясь, что может загореться и Гостиный двор. Рассказывали ужасы. Все в один голос говорили, что это — поджог, так как загорелось сразу в нескольких местах, что подожгли поляки, говорили, что поймали кого-то с бутылкой жидкости, которой он брызгал на деревянный забор лесного склада на Фонтанке, говорили, что в Апраксином переулке разбиты кабаки, что и подтверждалось тем, что вечером на Садовой было много пьяных. Да пьяных и вообще по случаю праздника было много.

Спустилась майская сырая ночь, а пожар не только не прекращался, но свирепствовал еще с большей силой. Потухая в одном месте, огонь шел дальше и захватывал новую пищу. Громадное зарево висело над всем городом. Горело уж то, что было вытащено и вывезено на улицы. Пожарные выбились из сил и отступали, уступая на жертву огню захваченные и не захваченные еще им постройки. Да и не везде можно было приступить. Два горевшие рынка представляли собой лабиринт лавок, лавченков и ларьков. Проезды были так узки, что бочки и пожарные насосы не могли въехать в лабиринт, да было это и опасно. Огонь быстро окружал со всех сторон не горевшие еще площадки. Были случаи, когда приходилось бросать на жертву ввезенные пожарные инструменты и только самим спасаться и спасать лошадей. Гостинодворы остались ночевать у своих лавок. Некоторые вошли в свои торговые заведения и разлеглись на прилавках. Дядя и я ушли ночевать домой, оставив артельщиков у запертых кладовых на карауле.

На другой день пожар продолжался, продолжался он и на третий день и догорал целую неделю. На улицах, прилегающих к пожарнице, стояла цепь солдат, ездили конные патрульные казаки. Торговцы отыскивали и разбирали на улицах свой товар, который не успел сгореть. Все, что было вынесено из каменных корпусов на Садовую улицу в пределах от Апраксина до Чернышева переулков, сгорело. Огонь был настолько

силен, что железная решетка государственного банка на Садовой согнулась, а каменный цоколь дал трещины и обсыпался. Испорчена была вся набережная на Фонтанке против рынков, а булыжная мостовая, накалившаяся и поливаемая водой, превратилась в дресву. На площади у Чернышева моста лежали груды дел, выброшенных из окон обгоревшего дома министерства внутренних дел. На той стороне Фонтанки выгорел лесной двор и прилегавшее к нему большое каменное здание. Много товара было во дворах полицейских зданий. Квартальные, производя допросы, возвращали торговцам товар. Они же были посредниками при дележе товара с улиц. Доказать, что действительно свое, что чужое, было трудно. Еще труднее это было решить постороннему человеку, хотя бы и полицейскому. Две трети торговцев потеряли все, что имели, но были и такие ловкие, которые захватили после пожара то, чего у них и наполювину не было. Разумеется, таких было не много. Ничего не успели спасти посудники, мебельщики, бакалейщики, книжники, торговцы металлическими изделиями. Впрочем, торговцы медной посудой, когда пожар окончательно потух, отрывали кое-что из своего товара в угольях и пепле, но металл был в слитках. Огонь до того был силен, что расплавил металлические изделия. Расплавилась даже медные золоченые кресты часовен, находившихся внутри рынков. Некоторые большие иконы от въездов в рынки были спасены и еще на третий и четвертый день после пожара стояли на тротуаре на Чернышевой площади, прислоненные к стене дома, рядом с строениями театральной дирекции.

А сколько драгоценных старинных редких книг погибло у рыночных букинистов! Были в рынке торговцы старинными редкими книгами, как, например, Федоров, которые некоторыми экземплярами в своих книгохранилищах могли похвастаться перед казенными библиотеками. Какая масса была там редких старопечатных книг, столь ценимых нашими староо-рядцами, и погибла прахом, сделавшись жертвою огня! Погибла и добрая половина книг склада Терского в Чернышевом переулке. Так как Чернышев переулок стал гореть во второй день пожара, и его

все еще надеялись отстоять, то некоторые книги были перенесены во двор Пажеского корпуса, но и там при переносе они были растеряны, многотомные сочинения были разрознены. Терского приказчик В. И. Рыкушин был ушиблен пожарными и лежал больной. Сгорела суконная лавка поэта А. О. Иванова (Классика) в Чернышевом переулке; кое-как суконный товар успели спасти, вынеся его тоже на двор Пажеского корпуса, но спасенного было немного, да и это немного подверглось расхищению во время переноски. Поэт-бессребренник, однако, не упал духом в конец и написал несколько стихотворений по поводу этого небывалого в летописях Петербурга пожара.

Товара сгорело на многие миллионы. Образовавшийся после пожара комитет собирал сведения, старался подвести настоящую цифру потерь, но, кажется, так и не смог. Официально ничего опубликовано не было. Застраховано не было и сотой доли. Страховые общества не принимали на страх товар в лабиринтах деревянных лавок внутри Апраксина и Щукина дворов. Почти все погоревшие торговцы были разорены. Был крупный торговец, В. К. Вантурин, имевший несколько лавок, у которого одних ситцев погибло более чем на полмиллиона. Говорили, что более чем на такую же сумму сгорело у крупного торговца галантерейными товарами, Аверьянова. На огромную сумму сгорело шелкового товара у Коровина, фирма которого существует и поныне. Я знал их, потому что контора Боненблуста вела с ними дела.

Весь рынок перестал платить по торговым обязательствам. Векселя протестовались, но ни у одного из кредиторов, делавших с погоревшими торговцами дела, не хватало на первое время духа подавать векселя ко взысканию. Напротив, торговцы, оптовики, в особенности иностранцы, измышляли средства как-нибудь поскорее прийти на помощь к погоревшим своим клиентам, соглашались взять по столько копеек за рубль долга, по сколько те предлагали, и сулили им дальнейший кредит товаром, только бы те скорее открывали где-нибудь торговлю. Ведь в Петербурге в этот пожар погибло более половины петербургских тор-

говцев. Кому же было продавать кладовщикам-оптовикам, если бы они поступили иначе? Первое время после пожара почти не было несостоятельности торговцев-погорельцев, объявленных через коммерческий суд. И вот погоревшие торговцы, ободренные своими кредиторами, стали открывать лавки в домах, строить временные торговые балаганы на Семеновском плацу.

На не расчищенных еще от мелкого угля пепелищах рынков также начали строить шалаши для торговли. Первыми заторговали торговки старым платьем, торговки-еврейки в шелковых париках, затем лоскутники, и мало-помалу образовался так называемый «развал». К развалу примкнули мелкие бакалейщики и торговцы фруктами, башмачники и сапожники, уж

после них стали возникать шалаши с суровскими и галантерейными товарами. Помню, что экономные люди сейчас же пошли к ним покупать за бесценок обгорелые и залитые водой коленкор, ситцы и другие материи. А вокруг шли раскопки в пепле. Вынимали слившийся металл, монеты.

Собирались пожертвования для погорельцев, устраивались в пользу их гулянья, зимой музыкальные и литературные вечера, спектакли, но все это дало впоследствии пустяки. Погорельцев в их временных шалашах посетил государь Александр II, принял от них хлеб-соль, говорил речь со словами утешения и повелел образовать комитет для постройки каменного рынка на месте Щукина двора, где каждый погоревший торговец мог

под постройку лавки занять то место, на котором он торговал до пожара. Впоследствии это определение мест, где кто торговал, повело к великим спорам и раздорам среди торговцев. Да и комитет по постройке упрекали в халатности расходований сумм по постройке. А. О. Иванов и я обличали в 1863 г. комитет этот в «Искре» в написанных нами сообща заметках в форме фельетона, где проза принадлежала мне, а стихи Иванову. Не помню - почему, но мы набрасывались и на купола, существующие и поныне над зданием рынка, и Иванов восклицал в стихах про комитет:

*Сломив гордыню вероломства,
Сокрыв отчетом бездну зла,
На память вечную потомству
Воздвигли эти купола.*

Продолжение следует

Юрий Сергеевич Васильев

10 апреля 2004 года исполнилось 75 лет удивительному, духовно богатому человеку, академику РАН Юрию Сергеевичу Васильеву.

Юрий Сергеевич Васильев родился в Иркутске, но вся его жизнь связана с Ленинградским политехническим институтом, ныне Санкт-Петербургским государственным политехническим университетом. В 1951 году он окончил Ленинградский политех, здесь же защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Прошел путь от ассистента до президента Санкт-Петербургского политехнического университета. Ю. С. Васильев руководил университетом свыше 20 лет. Сейчас он по-прежнему президент СПбГПУ, а также работает профессором кафедры «Возобновляющиеся источники энергии и гидроэнергетика».

Академик РАН Ю. С. Васильев широко известен в России и за рубежом как крупный ученый и инженер, внесший большой вклад в развитие энергетики и охраны окружающей среды. Он руководил проектированием, строительством, а затем и научными исследованиями в гидроэнергетической лаборатории вуза, положив начало крупномасштабному физическому моделированию водопроводящих трактов ГЭС, ГАЭС и насосных станций. При проектировании и строительстве Красноярской, Саяно-Шушенской, Шекснинской, Киевской, Зейской, Желудинской, Ирганайской, Чиркейской, Бурейской и других ГЭС, Приволжской и Кулундийской оросительных систем, Южно-Украинского энергокомплекса были использованы решения, предложенные Ю. С. Васильевым.

Юрий Сергеевич – создатель научной школы по исследованию и разработке возобновляющихся источников энергии и гидроэнергетики. Он один из основоположников организации комплексных экологических исследований, связанных с энергетическим и водохозяйственным строительством. На протяжении ряда лет он руководил научно-техническими программами «Человек и окружающая среда. Проблемы охраны природы» и «Энергетика Минвуза РСФСР». Подготовил 60 кандидатов наук, был научным консультантом у 30 соискателей докторских степеней, председатель двух диссертационных советов. Им опубликовано свыше 300 научных работ, более 50 книг, включая учебники, монографии. Он автор 20 изобретений в области гидроэнергетики и гидромашиностроения. Ю. С. Васильев ведет большую общественную и просветительскую работу, являясь членом президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, членом бюро отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН. Он состоит действительным членом ряда российских и международных академий, в том числе Академии гуманитарных наук, с 1997 года, со дня основания исторического журнала для ученых «Клио», является членом его редколлегии.

Редколлегия и читатели журнала «История Петербурга» поздравляют Вас, дорогой Юрий Сергеевич, с юбилеем. Желаем Вам доброго здоровья, долголетия, творческих успехов, благополучия!

Р. В. Дегтярева, С. Н. Полторац

Особняк Кельха*

И. В. Калинина

3 За рамками повествования остаются вопросы личных отношений хозяев особняка, судьбы их родных и пр. – то есть все то, о чем можно было бы почерпнуть сведения из переписки, мемуаров, воспоминаний родственников и знакомых, однако такого рода материалы пока обнаружить не удастся. Не сохранилось и фотографий самих владельцев. Можно только строить предположения, исходя из известных фактов, что и делается в немногочисленных работах, посвященных в основном истории фирмы Фаберже¹⁹.

Коридор первого этажа

Можно попробовать взглянуть с другой стороны на хозяев особняка и проанализировать их вкусы и пристрастия, основываясь на единственном сохранившемся документе – самом особняке с его и жилыми, и парадными помещениями, многие из которых сохранили отделку.

Планы помещений сохранялись (с небольшими изменениями)

* Окончание. Начало в № 1 (17) за 2004 г.

В статье использованы фотографии Т. Н. Козулиной и К. В. Никитина.

от особняка Кондоянаки, но оформление интерьеров подверглось полной перделке в 1896–1897 годах и было завершено в 1903 году. При их создании архитекторы обращались к модному на рубеже веков «историзму», выдерживая оформление каждого помещения в определенном стиле и стараясь сохранить его во всех элементах.

Проходя по залам и комнатам особняка, мы, как на машине времени, следуем через разные исторические периоды, оказываясь в интерьерах готических, ренессансных, оформленных в стиле барокко, рококо, модерна. Хозяева не считались с затратами, поощряли использование самых разнообразных отделочных материалов, как отечественных, так и привозных. Здесь мы не встретим искусственного мрамора и отделку «под дерево» – только естественный камень и разные породы дерева. Приглашались лучшие и самые модные архитекторы, каменных дел мастера, живописцы, скульпторы, резчики. Делались заказы лучшим фирмам по изготовлению люстр и светильников, витражей и мебели.

Эффектны и богаты были не только парадные интерьеры, но и

личные апартаменты владельцев – спальни, кабинеты, детские, будуары, комнаты служащих²⁰.

Откроем старые тяжелые дубовые двери и войдем в вестибюль. Нас поражает, прежде всего, отделка итальянским мрамором разных цветов – белого, розового, серого, коричневого. Затем взгляд привлекает прихотливый, характерный для модерна изгиб беломраморной лестницы.

Стены вестибюля оформляют четыре живописных полотна конца XIX века с романтическими пейзажами. Между ними – лепной декор.

Потолок оформлен живописными арабесками. В средней его части – лепнина; ее главный элемент – лавровый венок, обрамляющий живописное полотно с изображением двух женщин. Одна из них держит ленту с приветственной надписью «SALVE», у другой – юной девушки в голубом платье – в руке символическая ветка цветущего шиповника.

Вестибюль завершается аркой плоской формы с лепными украшениями, опирающейся на пилястры боковых стен. В верхней части каждой пилястры помещено скульп-

Плафон вестибюля

птурное изображение мужской головы. Одна из многочисленных устных легенд, связанных с этим зданием, повествует о том, что здесь изображены братья Кельхи – Александр и Николай (рано умерший Николай изображен с покрывалом на голове с правой стороны площадки).

Парадная лестница оформлена резьбой и имеет несколько пьедесталов, на которых были установлены скульптуры и вазы. Сочетание белого мрамора лестницы и розовых с коричневым обрамлением панелей на стенах создает изысканную цветовую гамму. На нижнем пьедестале можно увидеть «подпись» изготовителя – владельца московской камнерезной мастерской – «Георгий Лист, Москва».

Парадная лестница

Поднимаясь по лестнице, обратим внимание на потолок со световым фонарем в центре, где помещен витраж с полихромной арабесковой композицией. На потолке роспись тоже в виде арабескового орнамента. Желание поразить богатством и роскошью уже при входе в особняк проявляется в «перенасыщении» этого интерьера предметами декора.

В тимпанах полуциркульных пространств под потолком помещены 10 живописных полотен с изображением молодых женщин в костюмах разных исторических периодов и разных времен года.

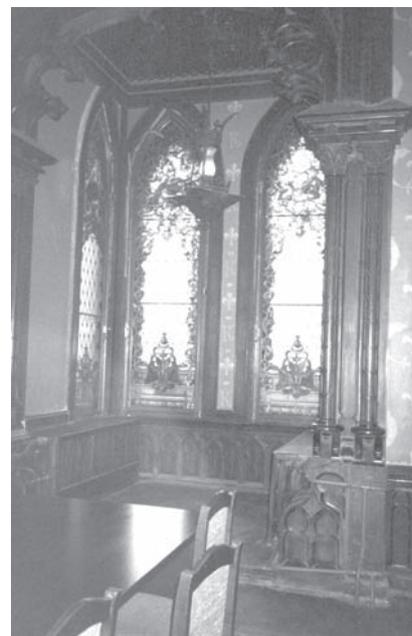
Верхняя площадка лестницы

На стене напротив главного входа находится живописное панно, состоящее из двух частей, с изображением морского пейзажа. На переднем плане – беломраморная балюстрада с вазами и цветами, вниз отходит лестница, парапет которой обвит вьющимися растениями. Слева видны южные деревья – пинии, кипарисы и расположенный вдали город. В центре второй части – залив с парусниками. На заднем плане – горы и курящийся вулкан. Вероятно, это Неаполитанский залив и Везувий.

В нишах западной стены – мраморная скульптура конца XIX века – «Пробуждение» и «Венера Ита-

лийская» (копия с одноименного произведения скульптора Кановы). Еще одна ниша в богатом лепном обрамлении также предназначалась для скульптуры, но позднее была заслонена зеркалом (на площадке второго этажа). По сторонам зеркала находятся два постаменты, на которых помещены канделябры золоченой бронзы с фигурой крылатой богини победы Ники, стоящей на шаре.

С восточной стороны лестничный объем ограничен аркадой. Опорами арок служат сдвоенные колонны ионического ордера, и пилястры на стенах. Нижняя часть

Эркер готической столовой

Фрагмент парадной лестницы

колоннады оформлена изящной решеткой.

Огромная люстра золоченой бронзы довершает необычайно пышное оформление парадной лестницы.

Пространство между колоннадой и восточной стеной служит переходом к парадным помещениям второго этажа. В нишах стены также была установлена скульптура.

Самое романтическое и запоминающееся помещение особняка – Готическая столовая. Огромный прямоугольный зал занимает большую часть второго этажа дворового флигеля.

Выдержанный архитекторами Чагиным и Шене в формах готики интерьер отличается изощренностью фантазии и совершенством исполнения. Стенные панели, потолок, мебель, обрамление дверных проемов и выхода на эркер выполнены из орехового дерева.

В огромные окна, разделенные переплетами на узкие вытянутые в высоту части, помещены витражи. Богатство цветовых оттенков, сложная композиция оконных переплетов, темный цвет ореха с множеством резных элементов, скульптур, горельефов – все это создает атмосферу таинственности, загадочности.

Потолок представляет собой композицию из пяти килевидных арок. Распор свода сдерживается своеобразными горизонтальными аркбутанами, опирающимися на консоли восточной и западной стен. Консоли декорированы гирьками и фигурами химер, трубящих в рог. В основании консолей – изображения пляшущих человечков. Венчает оформление стен фриз, где помещены щиты с гербами.

Огромный камин напоминает о средневековых рыцарских замках, где можно было топить каминные целыми древесными стволами. Топка его облицована отделочным кирпичом желтого цвета. Обрамление – трехъярусное, резное. Первый ярус оформлен колоннами; средний представляет сложный антаблемент с геральдической композицией в виде щита с монограммой хозяев под рыцарской маской. Щит поддерживают олень и конь. По сторонам средней части – две консоли, оформленные резными гирьками, на которых установлены фи-

Камин готической столовой (фрагмент)

гуры мужчины и женщины в средневековых одеждах под резными балдахинами. Верхний шатровый ярус оформлен резьбой в виде стилизованного орла.

По сторонам каминных находились два огромных шелковых гобелена с изображениями рыцарских сцен, помещенных в сложные резные рамы.

Необычайно интересен рисунок наборного паркетного пола. Он представляет собой квадраты, в центре каждого из которых – стилизованное изображение орла или льва.

Панно над дверью готической столовой

По продольной оси помещения расположены две композиции в форме креста, в центре которого щит и меч под рыцарской маской с короной наверху. Эти композиции отмечали место, где располагался стол, вокруг которого стояли 32 резных стула, выполненные в готическом стиле. Сложная декорация зала незаметно включает в себя предметы мебели. В промежутках между окнами помещены изящные полки с шатровыми резными навершиями (в виде готических капелл).

Композиция оформления северной стены (расположенной напротив входной двери) включает буфет, арки выхода в соседнее помещение и на винтовую лестницу, ведущую на антресоли, четыре открытые полки, два двустворчатых закрытых шкафчика (размещенных под полками).

Верхняя часть резной декорации служит ограждением антресолей, где был установлен концертный орган.

Зал освещают две огромные люстры в виде ажурных ободов, выполненные из сплава шпиаатра, и небольшой светильник из этого же сплава, помещенный в эркере.

Ценнейшим и ярким дополнением интерьера являются восемь прекрасно сохранившихся витражей, выполненных в одной из самых престижных мастерских живописи по стеклу конца XIX – начала XX века – в мастерской Эрнста Тоде (в Риге) в 1898 году²¹.

Яркий колорит, экспрессия, бурная динамика отличают витраж южной стены помещения, сюжет которого – «Вакханалия».

В трех больших окнах западной стены витражи однотипны по рисунку и цвету. Колористическая гамма их построена на противопоставлении красных, желтых и синих тонов. В верхней и нижней частях – стилизованные изображения кубка, вензеля, цветов, а в средней – прозрачный фон из косой сетки свинцовых прожилок.

Интересны витражи четырех окон эркера – так, в верхней части помещены изображения мужских и женских фигур в средневековых одеждах. В двух средних окнах – рыцарь в плаще и шлеме, с мечом в руке, и прекрасная дама с прялкой. В этих фигурах каждый рассматривающий их хочет увидеть изоб-

ражение хозяина и хозяйки дома. К сожалению, никаких документальных сведений о моделях живописи и скульптуры особняка не найдено.

Трудно поверить, что этот загадочный зал предназначался для обычной столовой. Гораздо легче вообразить происходящие здесь таинственные мистические действия со сложным рыцарским церемониалом.

Рядом с готической столовой находится Верхний кабинет, где, как и там, использовано ореховое дерево.

Интерьер выполнен в стиле барокко, для которого характерно использование нарядного и разнообразного декора. Здесь вы уже не увидите готических элементов. В оформлении дверей и центрального окна использованы колонны коринфского ордера. Над дверью, ведущей из готической столовой, помещено резное изображение здания с полуциркулярными, а не стрельчатыми завершениями.

Наиболее интересная деталь интерьера – монументальный камин из лабрадорита. Образцом для него послужил камин в одном из залов Ратуши в городе Брюгге (в Бельгии), выполненный известным мастером XVI века Ланселотом Блонделем.

В резном трехъярусном обрамлении камин использованы колонны (в первом ярусе), на которых покоится антаблемент (второй ярус) и сложная многофигурная композиция – в третьем. В центре ее ниша, в глубине которой – изображение ворот, перед которыми стоит рыцарь, держащий в поднятой руке меч. По сторонам ниши – пилоны с изображением гениев с венками. С двух сторон от центральной части – консоли, оформленные гириками, на которых размещены женские фигуры в средневековой одежде.

В центре наверху – геральдическая композиция – щит с буквами «КА». Такая же композиция помещена над центральным окном кабинета. Отсутствие буквы «В» говорит о принадлежности этого кабинета хозяину особняка – Александру Кельху. Оформление кабинета завершают две люстры из шпиадра, подоконники из лабрадорита. Стены помещения украшали гобелены.

Камин в бильярдной

Представляет интерес декор потолка. Наряду с резными композициями из дерева в виде цветов, листьев, гирлянд, розеток, здесь в крестообразных филанках потолка помещены изображения совсем необычных предметов декора – грабель, молота, косы, лопаты, мастерка, композиции со щитом, перегороденным крестом, перевязью на две части, в одной из которых (в правой) помещена шестиконечная звезда. Изображение этих предметов можно найти в описаниях масонской символики²². Почему такого типа символика появилась здесь? Какое отношение имел А. Ф. Кельх к масонским организациям? Это остается пока одной из тайн особняка.

Рядом с Верхним кабинетом располагалась бильярдная, решенная, как и фасад особняка, в формах ренессанса. Для оформления стен, потолка, мебели, дверных и оконных проемов, обрамления камин использован дуб.

Камин выполнен в виде арки из белого мрамора. По сторонам каминного проема расположены два угловых дивана, приподнятых на ступень и разделенных на три секции. Обивка диванов выполнена из тисненой кожи. Из предметов мебели этого помещения сохранился шкаф – подставка для киев. В середине комнаты помещался бильярдный стол, вдоль стен стояли диваны. В филанках потолка помещены живописные панно с арабесковой росписью. Сохранилась люстра темного металла.

Самые эффектные помещения второго этажа основного корпуса – Белый (или Концертный) зал, Большая гостиная и Малая гостиная – выходят окнами на улицу.

Белый зал занимает среднюю часть основного корпуса с окнами на юг (на ул. Чайковского). Центральный эркер фасада особняка, оформленный нарядной решеткой, в интерьере зала отмечен «углублением» центрального окна. Название связано с использованием белого мрамора для облицовки нижней части стен, обрамлений дверей, выполнения стеновых пилястр.

Оформление этого интерьера решено в стиле «второго рококо» и поражает необыкновенным разнообразием используемых форм и насыщенной пластикой. Стены оформлены мраморными пилястрами ионического ордера, обогащенными позолоченными стеблями с цветами в каннелюрах и скульптурными изображениями мужских и женских голов в капителях. Стены украшают лепные композиции в виде букетов цветов, листьев аканта, букетов с включением музыкальных инструментов, лука со стрелами и пр. В полуциркулярных углублениях под потолком помещены скульптурные композиции с играющими путти. Богата и пластически насыщена отделка коробового перекрытия с распалубками и лепным декором. Между окнами помещены огромные зеркала, отражающие и умножающие блеск и роскошь зала. Белые мраморные обрамления дверных про-

емов дополнены вставками из розового мрамора. Над дверьми – скульптурные композиции с крылатыми грифонами и живописные десюдепорты с цветами.

Паркет из разных пород дерева выполнен в виде ковра с центральной розеткой, пышными угловыми композициями с цветами и листьями, объединенными каймой бордюра и сетчатым декором по остальному полю.

Освещается зал люстрой золоченой бронзы, изготовленной на Санкт-Петербургской фабрике Штанге Лука в 1848 году (что было выяснено во время полной реставрации помещения в 1984 году).

Придает неповторимость интерьеру и «создает его настроение» великолепный камин светло-серого итальянского мрамора, имеющий авторскую подпись «M. Dillon, 1899», Мария Львовна Диллон (1858–1932) – первая женщина в России, окончившая Академию художеств по классу скульптуры. Наибольшую известность и славу ей принес памятник В. Ф. Комиссаржевской (находящийся в Некрополе мастеров искусств Александровской лавры), созданный в 1915 году и признанный одним из самых заметных явлений в художественной жизни России того периода.

Камин Белого зала – более раннее и менее известное произведение М. Л. Диллон – представляет

Камин Белого зала.
Скульптор Мария Диллон

собой композицию из трех частей: камина, надкаминной полки со скульптурной группой и надкаминного панно с многофигурным барельефом²³.

Топка камина выполнена в виде мраморной раковины, внутри которой на держателе в виде скрученных листьев аканта закреплена раковина из полированной латуни. Нижний ярус камина оформлен волютами. На каминной полке – скульптура «Пробуждение весны». Прекрасная спящая девушка, которой любуется обнаженный юноша, поднимающий покрывало. Конец покрывала, спускающийся к топке камина, поддерживает амур. Второй амур (слева от девушки) – подносит ей гирлянду из роз. Справа от юноши – картуш, обрамленный листьями аканта с вензелем хозяев дворца «КАВ», а над ним – два голубка. Рельеф надкаминного панно состоит из взлетающей вверх женской фигуры в развевающемся одеянии, играющей на лютне, увитой розами; вниз летит амур с луком и стрелой в руках. В верхнем левом углу – изображение группы амуров в облаках, осыпающих розами группу на камине. Эта скульптура – талантливейшее воплощение свадебного пожелания счастливой жизни, полной любви и блаженства.

В жизни семейства Кельхов это пожелание не исполнилось. Но оставшееся прекрасное произведение искусства звучит оптимистическим и лиричным гимном любви.

Восточная стена Белого зала отделяет его от Большой гостиной, отделка которой отличалась пышностью и изяществом (там был великолепный лепной плафон с живописными вставками в духе Ватто), но была разрушена во время Великой Отечественной войны при попадании бомбы.

С западной стороны к Белому залу примыкает Малая гостиная. Здесь сохранились скульптура, живопись, карнизы красного дерева с золочеными деталями, паркет, подоконники белого мрамора.

Выход на уцелевший эркер оформлен скульптурой (по сторонам дверного проема – лепные факелы, под ними – кариатиды египетского облика).

Над дверьми помещены скульптурные десюдепорты. Над про-

Фрагмент парадной лестницы

емом, ведущим в эркер, – десюдепорт с изображением жертвенника с головой ягненка на нем, опрокинутой корзиной с розами, голубей. Над дверью в Белый зал – изображение Амфитриты (жены бога морей Посейдона) в окружении морских обитателей. Перед ней – тритон, услаждающий ее слух игрой на раковине, за ней – дельфины. Над дверью, ведущей на лестницу – скульптурный десюдепорт, сюжет которого не прочитан – изображение полуобнаженной женщины с павлином и ягненком. Слева от нее – бюст мужчины, взгляд которого устремлен в ее сторону. Стены помещения оформлены продольными лепными барельефами; свободные пространства между ними были закрыты штофными панно с рисунком в виде крупных букетов цветов. Весь потолок занимает огромный живописный плафон, рамой для которого служит позолоченный карниз гостиной. Тема живописного полотна – «Истина, Слава, Миротворение и Правосудие, изгоняющие зависть». В восточной части (ближе к дверям, ведущим в Белый зал) среди облаков изображена полуобнаженная фигура Миротворения в голубом плаще с пальмовой ветвью в руках. В средней части плафона – две сидящие женские фигуры – Правосудие (с весами) и Истина (с зеркалом и оливковой ветвью).

Справа от них на ступени античного храма – коленопреклоненный Марс, слагающий свое оружие. Над ним взлетает вверх на фоне колонн храма трубящая в золотой рог Слава. В углу западной части полотна – поверженная мужская фигура с клубками змей в руках – Зависть.

Сюжет этого полотна может приоткрыть нам завесу над взглядами, жизненными установками хозяев дома. Тема зависти с многочисленными змеями в руках актуальна для обладателей огромного богатства. А изгнание этого порока не с помощью оружия бога войны Марса, а благодаря Мироволюбию и Правосудию, приводящими к Истине и Славе, – весьма благородно.

Если второй этаж особняка был парадным, то на первом и третьем этажах находились жилые помещения. Однако и их оформление отличалось большой пышностью и изысканностью. Эти интерьеры отличает свойственное модерну разнообразие используемых материалов, тщательность их обработки, внимание к специфическим деталям и элементам, единство и продуманность оформления каждого помещения.

В жилых комнатах широко использовалось дерево – панели на стенах, потолок, двери. В спальне и комнате с альковом (ванной) для отделки выбран ясень. Панели стен и потолка оформлены филенками разной формы и размеров, обогащающими отделку. Филенки дверей отделаны фанерой карельской березы с наборным рисунком в виде ваз с цветами, гирлянд, геометрических композиций. В прямоугольные углубления верхней части стен помещены гобеленовые вставки с изображением орхидей. Часть помещения отделана аркой, опирающейся на пучки изящных коринфских колонн из ясеня. В отгороженной части (алькове) пол покрыт плиткой, там стояла ванна (дверей из коридора, скорее всего, не было предусмотрено). Там же дверь, ведущая в туалет, стены которого оформлены керамическими панно тонкого изящного рисунка.

Верхнюю часть стен алькова также украшали три панно из керамических плиток. Одно из них сохранилось. Это пейзаж с озером,

на котором виднеется лодка и парусник. На дальнем плане холмы. По берегу озера по дороге, идущей между тенистыми деревьями, идут две лошади. Картина имеет авторскую подпись – «Loch Katrin».

Потолок всего помещения оформлен керамическими вставками и вставками из дерева с наборным рисунком (в круглых филенках). В центральной части – живописный плафон второй половины XIX века «Игры амуров».

Соседняя спальня была оформлена так же, как комната с альковом. Они соединялись арочным проемом, так что представляли единое целое.

К сожалению, та часть здания, где находилась спальня, пострадала от попадания бомбы, и от бывшей отделки сохранились лишь форма стеновых панелей, дверь, ведущая в витраж (точно такая же, как дверь предшествующего помещения), живописный плафон в дубовой раме – «Концерт амуров» и люстры патинованной бронзы с поддонами молочного стекла начала XX века.

Расположенный напротив спальни большой рабочий кабинет хозяина особняка – одно из прекрасно сохранившихся помещений. Он полностью оформлен красным деревом, из которого выполнены стеновые панели, потолок, двери, обрамление камина, мебель (два книжных шкафа). Камин и подоконники выполнены из красной яшмы, по цвету точно совпадающей с цветом дерева. Топка выложена зеленым отделочным кирпичом. Первый ярус камина оформлен колоннами с золочеными капителями и базами. Во втором ярусе – фасетное зеркало в обрамлении из красного дерева с золочеными деревянными накладками. Мебель для особняка была выполнена на фабрике Р. Ф. Мельцера в период 1903–1905 годов. Двери и шкафы оформлены колоннами, антаблементами с золочеными деталями и накладками. Кабинет – это единственное помещение, где сохранились панно из шелкового штофа темно-зеленого цвета на стенах.

Сохранилась оригинальная бронзовая люстра начала XX века, освещающая кабинет. Большая раковина с подвешенными к краям чашечками цветов, в которых помещены электрические лампы. К

Фрагмент камина Орехового кабинета второго этажа

центру раковины подвешен хрустальный шар, по которому сползает дракон.

Впечатление элегантности и роскоши усиливается пышностью оформления дверных проемов (используются элементы ордера – колонны, антаблемент, а также резные волюты, лавровый венок, факел и пр.) и потолка (филенки геометрических очертаний) с применением золоченых бронзовых накладок, золоченых карнизов.

Еще одно сравнительно хорошо сохранившееся помещение – будуар – находится рядом с кабинетом и соединено с ним арочным переходом. Здесь для оформления выбрана карельская береза, из которой выполнены панели стен и потолка, двери, мебель, обрамление камина.

Для подчеркивания контуров фигурных деревянных панелей последние заключаются в узкие рамочки из золоченой бронзы, что позволяет создавать рисунок.

Эффектна бронзовая люстра в виде корзины с цветами, подвешенной за ручку (начало XX века).

Над дверьми – живописные десюдепорты. Остался один из двух существовавших сельских пейзажей (над дверью в коридор). Сохранился паркет в виде кубов и встроенная мебель – открытые полочки, застекленные шкафчики (использовавшиеся для икон),

горка, книжный шкаф, два небольших дивана. Камин и подоконники выполнены из коричневого мрамора с крупными вкраплениями белого цвета.

Обрамление камина оформлено пилястрами, открытой полочкой, а во втором ярусе над каминной полкой – фасетное зеркало, по сторонам которого полочки и консоли для статуэток и ваз.

Это здание изобилует тайниками, внутренними винтовыми лестницами. Здесь было много сейфов, и до сих пор сохранились две комнаты-сейфа. В кабинете первого этажа находятся книжные шкафы, имеющие потайную кнопку, позволяющую раздвигать половинки шкафа вместе с полками. И тогда открывается пространство за шкафом. В одном случае там был установлен сейф (в стене между кабинетом и будуаром), а в другом – видна кирпичная кладка и устроены полки. Но легенда утверждает, что там находилась винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Книжный шкаф в будуаре тоже с секретом – и его половинки можно раздвинуть. Там тоже скрывался сейф, а по другой версии там был выход на лестницу, ведущую вниз. Видимо, большое количество ценностей, находившихся в доме, заставляло хозяев заботиться об их сохранности.

Если говорить о неразгаданных секретах хозяев, то один из них – это взаимосвязь с семейством Фаберже.

Особняк изобилует предметами, изготовленными фирмой Фаберже. Среди них было брил-

лиантовое кольцо стоимостью 35 000 руб., серебряный сервиз для Готической столовой. Но такие вещи могли позволить себе многие богатые люди. А вот копия царских сувениров – пасхальных яиц, создаваемых исключительно для членов императорской фамилии, Фаберже не повторял ни для кого.

Единственным исключением из этого правила явилось семейство Кельхов, для которых в период с 1898 по 1904 год было изготовлено семь уникальных и очень ценных пасхальных яиц с сувениром. Это сделало их обладателями второй по значимости коллекции изделий фирмы (на первом месте императорская семья).

Анализируя этот факт, автор статьи «Варвара Базанова и Александр Кельх – клиенты фирмы Фаберже» Н. Павлова-Кауфман высказывает ряд предположений о его предпосылках: знакомство с фирмой Фаберже через К. Шмидта, двоюродного брата племянника Фаберже, деловые связи по поставке золота, влияние членов царской семьи – шегов благотворительных обществ, почетными членами которых были Кельхи. Но все эти предположения остаются лишь версиями.

После революции особняк был национализирован. В нем с 1919 года размещались поочередно Школа экранного искусства, Кинотехникум, Институт экранного искусства, дом престарелых²⁴. С 1930 года до начала 1990-х годов здесь находился райком партии Дзержинского района, а затем отделение ЮНЕСКО.

1 июня 1998 года по инициативе юридической общественности, решением администрации Петербурга, поддержанным министром юстиции России А. Степашиним, особняк был передан Санкт-Петербургскому государственному университету для организации юридическим факультетом и Ассоциацией юристов Санкт-Петербурга и Ленинградской области Дома юриста и осуществления в нем университетом учебной и просветительной деятельности в области права²⁵.

11 декабря 1999 года Дом юриста был торжественно открыт.

В нем проводятся семинары, симпозиумы, «круглые столы» по актуальным проблемам права и законодательства. Здесь торжественно отмечаются знаменательные даты и юбилеи выдающихся представителей юридической общественности.

Здесь разместились Уставный суд, будет создан юридический клуб.

Старое здание обретает новую жизнь. Прошло больше века с тех пор, как особняк передельвался для Кельхов. Промчались над его головой революции и войны, холод и разруха, перестройки и преобразования. Менялись хозяева. Но до сих пор каждый попадающий в особняк удивляется оригинальности, совершенству и богатству его оформления и старается проникнуть в тайны, которые он так тщательно хранит в себе. И не перестает волновать воображение судьба его первых хозяев.

¹⁹ Судьба и слава Фаберже // Нева. 1990. № 1; Павлова-Кауфман Н. П. Указ. соч.

²⁰ Архив ГИОП. 20 Ф. 517-1, год 1991, инв. № Н-3646/2. Лапис И. А. Опись произведений ДПИ и художественного оборудования особняка Кельха-Александрова.

²¹ Шульгина Т. М. Витражи Э. Тоде // Краеведческие записки: Исслед. и материалы. СПб., 1997. Вып. 5.

²² Папюс. Генезис и развитие масонских символов. СПб., 1911. С. 6; 17–19.

²³ Рытикова В. В. Телепередача из серии «Парадоксы истории». «Венок из темно-красных роз» (история создания камина для Белого зала Марией Львовной Диллон).

²⁴ Путеводитель по Ленинграду за 1930 г.

²⁵ Петрова А. Первый в России Дом юриста // Санкт-Петерб. ведомости. 1999. 16 дек.

Воспоминания кирасира ее величества*

А. А. Литвинов

По моему желанию я был причислен к Министерству внутренних дел. Все лето 1910 года я пробыл в отпуске и начал службу в сентябре. Находился я в Главном управлении по делам местного хозяйства и был назначен в отдел земского хозяйства. Это Главное управление было крупным учреждением, во главе которого стоял начальник его, имевший права товарища министра внутренних дел. Это был некий Сергей Николаевич Гербель, бывший до того губернатором. Его, впрочем, я знал мало. Год спустя он нас покинул, получив какой-то другой пост. Помещение наше было в большом здании на набережной реки Фонтанки, построенное при Екатерине II. Занятий было не слишком много, пять часов в день, с 1 часа до 6 часов вечера. Во главе отдела земского хозяйства стоял камер-юнкер Якимов, а в отделе было три делопроизводства, в каждом из коих был делопроизводитель, старшие и младшие помощники, еще кроме того были причисленные, как и я сам, делавшие бесплатный стаж, обычно в течение года, после чего получали назначение или уходили.

Если делопроизводители, как и их старшие помощники, были серьезными и опытными работниками, то младшие их помощники, как и большинство причисленных, были, увы, слишком часто не на высоте. На практике пришлось увидеть результаты протекции. Должен сказать, за некоторым исключением младшие помощники были мало годным элементом. Это были часто сыновья отцов, с которыми начальству надо было считаться и которые на дальнейшее продвижение по службе рассчитывали мало. Являлись они на службу с опозданием, подчас большим, и в канцелярии делали очень мало. Зато были, конечно, и другие, работавшие не покладая рук. Те служебные часы, которые мы отсиживали в канцелярии, были наполнены рассказами,

анекдотами и чем угодно, кроме службы. Интересуясь работой и с укрепившейся в моей голове мыслью об ее пользе, я работал много, часто оставаясь во внеслужебных часах и работая и дома. Не без труда я стал учиться тонкостям писания писем и решения дел. Мое желание было сделать опытный стаж в министерстве, чтобы перейти затем на административную должность в провинции. Несколько моих товарищей по лицу начали свою карьеру чиновниками для особых поручений при губернаторах, но мне хотелось подготовить себя сначала хорошей и серьезной работой в министерстве. Только изучив его механизм, я считал возможным идти в провинцию, которая манила меня неуклонно.

Прошел год моей службы, год, во время которого произошли крупные события. Первое было – введение земских учреждений в западных губерниях, сделанное Столыпиным вопреки желанию Государственной думы, которая была распущена на несколько дней специально для проведения этой реформы, в необходимости которой сомневаться было трудно. Второе – была неожиданная смерть самого Столыпина, убитого в Киевском театре, в присутствии самого государя и всех властей. Но самое замечательное было то, что убийцей был жид, служивший в сыском отделении полиции.

Увы, тот год, что я провел на службе в министерстве, говорил шепотом, что увольнение Столыпина от дел неминуемо. В его энергичных руках было, по мнению некоторых кругов, и в частности дворцовых, слишком много власти, слишком много влияния на безвольного государя. Будучи еще слишком молодым, я мог, с некоторыми друзьями и сослуживцами, только догадываться о сути этого страшного дела. Заинтересованными были, несомненно, одновременно и крайне правые и край-

не левые круги. Правые видели в Столыпине уменьшение их влияния на государя, левые боялись, что реформы сделают революцию невозможной...

Для меня Столыпин был и остался исключительно талантливым и обаятельным государственным деятелем, создававшим будущее России, не какой-нибудь, а России Великой. Всем памятна его слова, сказанные в Государственной думе и обращенные к ее левой части: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Через год после моего окончания лица, в 1911 году, мне исполнился 21 год. Я должен был предстать для отбывания воинской повинности, но был освобожден от нее по состоянию здоровья навсегда. Мои легкие оказались слишком слабыми. В октябре 1911 года я был назначен младшим помощником делопроизводителя и тут узнал, что старания мои и работа не прошли даром. Несколько управляющих отделами Главного управления ходатайствовали о моем назначении в их отделы! В конечном итоге я был назначен в отдел народного здравия и общественного призрения. Он был менее интересен для моей психологии, но я склонился перед решением начальства, считая, что служебный опыт никогда не будет лишним. Знакомясь с новыми сослуживцами, я вскоре встретил среди них именно таких, какие нужны были для дела. В отделе земского хозяйства, самом «шикарном» из всех четырех отделов Главного управления, молодые и младшие по чину составляли элиту в смысле протекций, но часто абсолютно не способную к серьезной работе. В отделе народного здравия молодые являлись, наоборот, отличным элементом, полным сил и желания работать. Я сразу же объединился с

* Продолжение. Начало в № 1 (17) за 2004 г.

моими новыми сослуживцами Павловым, Малиновским и Кайзером, в которых встретил живой отклик моих собственных мыслей. При этих условиях работа делалась вдвое интересней.

Как я уже упоминал, здоровье мое в момент окончания лица пришло в очень плохое состояние. От военной службы я был освобожден, но улучшение шло очень медленными шагами. Случилось даже так, что, проводя лето в Гатчине (откуда я ежедневно ездил на службу в Петербург) с моими родителями, я простудился, и внезапно меня сковал сильный приступ ревматизма. В карете скорой помощи меня отвезли в лечебницу в Петербург, где в течение двух недель я лежал, не будучи способным шевелить ни руками, ни ногами и страдая сильными болями. Выздоровление мое было медленным и заняло почти всю зиму. Лишенный возможности вести светскую жизнь, я еще больше углубился в работу, сближаясь с молодыми сослуживцами, а также с управляющим отделом Георгием Георгиевичем Витте, с которым остался в дружбе до конца его дней. Мне пришлось войти в более близкие сношения с начальником Главного управления Ник. Ник. Анциферовым и его помощником Евтифеевым. Оба они были скромного происхождения, пришедшие к положению благодаря своей работе и способностям. Мне приходилось наводить для них справки, исполнять поручения и делать доклады. Иногда приходилось исполнять обязанности секретаря разных совещаний для обсуждения дел. Оба они оставались на своих местах до самой революции 1917 года, оба показали себя глубоко честными и порядочными людьми. Евтифеев, крестьянин по происхождению, покончил свою жизнь самоубийством в конце этого проклятого 1917 года. Ему было не в силах вынести ту анархию и разложение, в которые была сброшена Россия.

За зиму 1912–1913 годов здоровье мое пошло на улучшение, и весной 1913 года я решил на шаг, который давно хотелось сделать – прокатиться по Западной Европе и познакомиться с нею. Нам полагался месячный отпуск и я его отлично использовал в июле 1913 года,

сделав путешествие через Варшаву на Будапешт, Венецию, сквозь Италию, Юг Франции, Западную Швейцарию, Париж и Берлин.

Путешествие это дало мне массу впечатлений и было исключительно интересным. Мне очень понравился Будапешт, равно как и венгерцы, живые, веселые и представительные. Проезд через Любляны на Триест, по горам, покрытым густым лесом, затем ночь на пароход «Угаро-Хорватского паробродарского дружества», с прибытием в Венецию при восходе солнца, был изумительным. При благоприятствовавшей мне погоде Венеция была замечательна. Далее поехал на Милан, Геную и Ниццу. В эту эпоху Ницца летом считалась необитаемой из-за жары, которую, впрочем, я легко переносил. Дальнейший путь мой был через Геную и Симплон на Вевей и Монтрё, на Женевском озере, потом на Париж, где остался больше недели и, наконец, на Берлин. Побывав во всех этих местах много лет спустя, я не могу не вспоминать с громадным удовольствием ту эпоху до 1917 года. Насколько все было милее, симпатичнее и проще! Париж был очарователен своею открытою и широкою жизнью, красочной публикой, весельем и развлечениями. Жизнь за границей была гораздо дешевле, чем в России. Никогда не забуду один вечер, проведенный на Монмартре, где за один франк (т. е. приблизительно 40 копеек) давался вход на спектакль в течение не меньше двух часов, стакан вина или пива и маленький сувенир для петлицы.

Поездка эта в Западную Европу еще больше укрепила меня в направлении моих мыслей относительно будущего России, жившей своей отдельной и, увы, отсталой жизнью. А между тем Россия была так хороша, таила в своих недрах громадные богатства и, при проведении необходимых реформ, должна была стать действительно великой страной, а не колоссом на глиняных ногах. Зная теперь уже хорошо организацию русской государственной власти и видя ее большие недостатки, я невольно склоняюсь к западноевропейской системе в самом широком смысле этого слова. Близкое мое знакомство с Каширским уездом дало мне возмож-

ность увидеть ту невообразимую картину существования русского крестьянина, не имевшего своей собственной земли и работавшего всю свою жизнь на помещика. Это положение казалось мне невыносимым. Меня возмущало удержание русским правительством старого стиля календаря, благодаря которому Россия всегда отставала от Западной Европы.

В ближайшую зиму 1913–1914 годов мне довелось услышать странную весть о проникновении в императорский дворец какого-то подозрительного «старца» из Сибири, по прозвищу Гришка Распутин, о его большом влиянии на государыню и на болезненного наследника престола. В Петербурге передавалось из уст в уста об его бесконечных любовных похождениях с женщинами, взятыми, увы, не с уличного тротуара, а из высшего света. Дамы эти создавали ему какой-то культ, считали его святым, молились на него, отдавались ему. Происходили радения в банях, где Гришка этот в костюме Адама окружался дамами в костюмах Евы. Говорили, что туда приводились и молодые барышни, высоко ценимые Гришкой, и во время «радения» Дух Святой находил якобы на этих несчастных девиц... Высшее духовенство и высшая аристократия усиленно покровительствовали Гришке...

Летом 1914 года мне удалось еще раз, увы, в последний, побывать в имени моего двоюродного брата около Каширы, под Москвой. Не помню уже, по какому поводу он со своим братом Владимиром и с сестрами Лидой Свечиной и Верой Лингарт дал серию больших приемов в своем Карпатове. Естественно, что многие соседние помещики воспользовались случаем дополнить праздники эти приемами у себя, так что редки были дни, когда не было встреч с друзьями и знакомыми. Приглашенные понаехали из Петербурга, Москвы и соседних губерний, и веселье царило повсюду.

Говоря о Каширском уезде, приятно вспомнить многих милых знакомых оттуда. Там жил летом в своем имени двоюродный брат моей матери инженер-генерал Влад. Ник. Васильев. Женился он довольно поздно на вдвое барона

Ливен, рожденной Франк, братья которой были каширскими же помещиками. У нее от первого брака были две дочери, очаровательные и умные. Старшая, Марта, была замужем за инженером Орловым и была поэтессой. Стих ее был легкий и элегантный. Стихи ее, которые были изданы, у меня, конечно, не сохранились, но мне запомнился один. Вот он:

*Я больше не борюсь,
я с волнами не спорю,
Душа моя в борьбе утомлена,
И вся я отдаюсь
взволнованному морю,
Я не борюсь, ты видишь, я твоя.*

Сестра ее Энна стала известна своими «дипломатическими» браками. В первый раз она вышла замуж за Евг. Вас. Саблина, бывшего лицеиста и дипломата в Персии. Но там она влюбилась в венгерского дипломата Думба и вышла за него. Получился дипломатический скандал, и Саблина и Думбу перевели в другие страны. Во время войны 1914–1918 годов Саблин был в Лондоне, а Думба – в Стокгольме и затем в Вашингтоне. Имение Думбы в Карпатах было занято русскими войсками и его beau-frig'u Орлову пришлось даже в нем побывать.

Была еще помещицья семья Брянских, глава которой был московским городским головой. Я подружился с сыном его, моим сверстником, Всеволодом. Неумолимая судьба дала нам встретиться впоследствии лишь раз в Добровольческой армии, но в дальнейшем все же оказалось, что дочери наши, его и моя, очень подружались много лет спустя в Париже.

Имение Корыстово было одним из красивых. Большая часть его была плоская возвышенная, на которой сеялись гл. образом рожь, пшеница и свекла. Весь спуск к реке Оке был покрыт дубовым лесом, а на самом берегу были заливные луга. Большая усадьба, в центре которой стоял старый екатерининской эпохи дом со службами (конюшнями, каретным сараем, прачешной и т. д.). Дом был в середине, службы – по бокам. За домом шел большой сад, цветочный и фруктовый, куда мы ходили в свободное время «пасться», питаться ягодами и фруктами, росшими там в изобилии. В конце парка был пруд и рядом с ним искусственный

холм, куда подняться можно было по одной тропе, а спуститься обязательно по другой. Выходы каждой тропы были так закамуфлированы кустарниками и деревьями, что их невозможно было найти, чтобы пройти по тем же тропам в обратном направлении.

Июль 1914! Последний момент тихой и спокойной жизни в России. Не успели еще кончиться приемы и балы в Каширском уезде, как прогремел гром. Мобилизация! Больше половины молодых людей, участвовавших в этих увеселениях, были либо запасными военными, либо призывными. Я не подлежал никакому призыву, но, зная, что половина моих сослуживцев по министерству должна была быть призвана в войска, поспешно собрался в Петербург. До Москвы добрался легко, но поезд на Петербург был переполнен до отказа.

Как я и ожидал, половина моих сослуживцев были мобилизованы, но, как ни странно, все трое моих более близких – Малиновский, Павлов и Кайзер – мобилизации не подлежали. Работа, конечно, увеличилась и в последующее время оказалась еще значительней.

Первым крупным боем оказалось сражение под с. Каушен в Во-

сточной Пруссии. Туда были направлены все гвардейские полки. В блестящем бою гвардейская кавалерия понесла крупные потери. Там были убиты, между прочим, мой товарищ по лицу Сергей Воеводский, кавалергард, и один из симпатичных сослуживцев по министерству конногвардеец Георгий Александрович Зиновьев, женившийся совсем незадолго до этого на очень милой моей же сослуживице барышне Бауер. Этот блестящий бой произвел в Петербурге громадное впечатление. Участники боя – офицеры принадлежали к самому избранному обществу. Великолепный конный бой был красив, и доблесть, проявленная всеми нашими кавалеристами, была громадна. Война сразу сделалась популярной, и патриотический порыв был очень сильным.

Что касается моих личных чувств, то они были противоречивы. Будучи освобожден от военной службы, я о ней больше не думал и смотрел на своих же товарищей, вышедших в офицеры в мирное время, как на людей, не имевших жизненной цели. Но Каушенский бой произвел на меня громадное впечатление. Я провел мою первую, совершенно бессонную ночь

На Дворцовой площади в день объявления войны,
Фотография К. К. Буллы. 20 июля 1914 г.
Из коллекции Государственного Эрмитажа

Григорий Распутинъ въ кругу своихъ почитательницъ

Г. Е. Распутин среди участниц секты «Хлыстовский корабль»,
Фотография К. К. Буллы. 20 июля 1915 г.
Из коллекции Государственного Эрмитажа

вливание на безвольного государя. И вот началась знаменитая министерская чехарда. Министры назначались с головокружительной быстротой. Имя Гришки неизбежно связывалось с каждым назначением, которые почти все были очень плохими. Ко всему этому государыня, немка по происхождению и не сумевшая расположить к себе русский народ, как и вся немецкая династия России, именовавшая себя Романовыми, стала все больше и больше вмешиваться в дела управления государством. Быстро стали известны ее указания государю в делах назначения, с неизбежным упоминанием «нашего друга», т. е. ни кого иного, как Гришки. Этот негодяй так сумел обкрутить государыню, что она видела в нем святого угодника и с негодованием отбрасывала все сообщения о распутной жизни Распутина. Тот же не ограничился одной государыней, но вскружил голову многим дамам общества, начиная с графини Игнатьевой и Вырубовой, влиявших, со своей стороны, на государыню! Россия оказалась в самом глупом и безвыходном положении. Нельзя забыть замечательные стихи, ходившие в рукописях по Петербургу.

*Была война, была Россия.
И был салон графини И*.
Тот новоявленный мессия,
Смеясь, потягивал Ан**.*

Не помня продолжения, привожу замечательный конец:

*Смешался запах туберозы
С ядреным запахом портков.*

Мои переживания были чрезвычайно тяжелые. Моя бессонница стала постоянной, и я регулярно брал министерскую работу к себе на дом, чтобы исполнять ее в ночные часы. Работа моя не пропала даром. На Пасху 1915 года я был награжден орденом Станислава 3-й степени и в очень короткое время был представлен к назначению на должность старшего помощника делопроизводителя, обгоняя ряд моих сослуживцев и даже одного бывшего лицеиста в моем же управлении, который был старше меня на восемь выпусков! Но вдруг над моей головой грянул гром. В один прекрасный день я был вызван к управляющему моим отделом милейшему Г. Г. Витте, который спросил меня, что случилось у меня с Департаментом полиции, и сообщил конфиденциально, что мое повышение провалилось из-за плохого обо мне отзыва этого департамента.

Действительно, незадолго до этого у меня был по делам один из начальников отделения Департамента полиции, во время разговора с которым на общие темы я нехорошо отозвался о Гришке. Должен прибавить, что такие разговоры велись неизбежно и повсюду. Это была злоба дня, избежать которую было не только трудно, но и невозможно. Факт этот предопределил мое будущее. Я давно уже стал чувствовать, что Россия подходит к концу, а со своей стороны, оставаясь на гражданской службе

во время войны, я не исполняю своего долга перед Родиной. Здоровье мое уже восстановилось, и таким образом отпадала причина моего отсутствия в армии. Я понимал, что Россия скользит в пропасть. Остаться при этих условиях в правительстве, которое ничего не могло сделать, и участвовать, таким образом, в уничтожении России представлялось для меня невозможным. Немало бессонных ночей было посвящено обсуждению этого отчаянного положения, но выхода я не находил. Во мне сказывалась, вероятно, и наследственность. Происходя из старого русского дворянского рода, я имел почти всех предков боевых. Со стороны матери тоже были хорошие воины, и чем больше я раздумывал над положением, тем больше у меня было нежелание продолжать гражданскую службу.

Немедленно после описанного инцидента с Департаментом полиции я подал прошение о выходе со службы для поступления в армию. Начальник моего главного управления Ник. Ник. Анциферов вызвал меня немедленно к себе и стал горячо убеждать меня остаться в министерстве. По молодости лет я поддался его убеждениям, но мысль моя продолжала работать в том же направлении. В апреле 1916 года я все же был проведен моим начальством на высшую должность, и это несмотря на оппозицию Департамента полиции. Мне это было, конечно, очень лестно, но мысли мои оставались прежними. Все больше и чаще мне пришлось исполнять специальные работы и поручения, нести подчас работу личного секретаря моего главного начальника Н. Н. Анциферова, равно как и помощника его Евтифеева, память о коих осталась у меня кристально чистой. Но в министерстве, как и во всем правительстве, разруха сверху продолжала идти широкими шагами. В один прекрасный день мы узнали, что в Департаменте полиции появился некий генерал Курлов, который стал подписывать бумаги: «За министра внутренних дел генерал-майор Курлов». Этот Курлов даже не числился в нашем министерстве!

* гр. Игнатьевой.

** Ан – шампанское.

Министерство имело несколько товарищей министра, на правах которых находился и начальник моего Главного управления. Только он имел право подписывать «За министра». Как и во всех крупных назначениях последнего времени, чувствовалось и здесь нечто, облеченное глубокой тайной. Я чувствовал подобие личной обиды, а вскоре случился невероятный факт, который я уже не смог перенести.

Как-то Н. Н. Анциферов вызвал меня, прося поехать с ним в Департамент полиции по какому-то делу. Когда мы туда приехали, Анциферов приказал доложить о себе этому генералу Курлову, а через несколько минут курьер пришел, чтобы сказать ему, что Курлов занят и принять не может!

Сознаюсь, что это меня взбесило. Товарищ министра лично едет к этому полицейскому генералу, и тот позволяет себе его не принять! Дальше этого идти было некуда. Решение мое покинуть министерство было принято окончательно, и оставалось только его осуществить. И неожиданно судьба мне помогла. В 1916 году было назначено переосвидетельствование всех «белобилетников», т. е. лиц, освобожденных, как и я сам, от военной службы навсегда. Я немедленно записался на ускоренные офицерские курсы Пажеского корпуса и вошел в сношения с моим троюродным братом Тимофеем Михайловичем Беляевым на предмет моего поступления вольноопределяющимся в командуемую им 6-ю батарею лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады.

Роль кавалерии к этому времени была фактически кончена. В пехоту идти мне не хотелось, постоянное пребывание в окопах мне было не по сердцу. Оставалась артиллерия, жизнь которой во время такой войны была много шире. К тому же, сын артиллерийского генерала, я чувствовал свою как бы родственную связь с артиллерией. Сама по себе военная служба во время войны меня не только не страшилась, но наоборот, очень привлекала.

В конце 1915 года я прошел курс допризывной подготовки к военной службе в кавалерии при Николаевском кавалерийском училище. Специального интереса

мне это не представляло, но устанавливало близкий контакт с тем миром, в который мне предстояло погрузиться. В одном из петербургских манежей я регулярно ездил верхом.

В апреле 1916 года я окончил курс допризывной подготовки и в том же месяце был неожиданно призван в качестве присяжного заседателя в Петербургский окружной суд. Контраст получился забавный, на две недели мне пришлось окунуться в мир уголовных и гражданских преступлений. Присяжные заседатели должны были иметь не меньше 25 лет, а мне как раз в 1915 году исполнилось 25 лет, что и дало возможность оказаться присяжным заседателем, и это единственный раз в моей жизни.

Наконец пришел день, когда я должен был предстать перед военно-врачебной комиссией для моего переосвидетельствования. В моем министерстве я никого не предупредил, дабы никаких попыток помешать мне привести мои планы в исполнение не было. На осмотре я заявил, что чувствую себя отлично, и легкие мои были найдены в удовлетворительном состоянии. Я вышел оттуда с бумагами для воинского начальника на предмет моего назначения. В тот же день я приехал в Петергоф, где стоял запасный гвардейский артиллерийский дивизион, и вернулся оттуда с удостоверением на имя того же воинского начальника о том, что я принят в дивизион.

После всего этого я явился в министерство, где доложил о моем отбытии. Начальство всполошилось, не хотело допустить и мысли о моем уходе, и немедленно было отправлено письмо военному министру о необходимости откомандировать меня обратно в мое министерство. Письмо это меня не устроило нисколько и никакого результата оно, к счастью, не имело. С моим уходом из министерства повернулась вторая страница моей жизни. Все это происходило в 1916 году и очень скоро после этого вдруг пронеслась счастливая весть об убийстве Гришки Распутина. Давно было пора! Государственный развал шел вперед гигантскими шагами. Дело дошло до того, что наказаниям и ссылкам стало подвергаться много лиц из

лучшего общества, начиная с великой княгини Елизаветы Федоровны. Ненависть к «старцу» кипела во всех сердцах, и не было встречи друзей и знакомых, чтобы имя Гришки не было упомянуто. Теперь все лица стали улыбаться, радость была общая. Труп негодяя был брошен в Неву, но выловлен и погребен на кладбище в Царском Селе, увы, рядом с императорским дворцом. Говорили, что отчаяние и злость государыни были неописуемы. Передавали, что она сказала: «Я отомщу России!». Было ли это сказано в действительности, вряд ли кто знает, но если нет, то слова эти принадлежат, несомненно, к числу «исторических слов, которые никогда произнесены не были». Насколько слова эти соответствовали настроению момента!

Не прошло и трех месяцев со дня убийства Гришки, как разразилась «Великая бескровная». Кровь полилась рекой, лучший русский элемент платил своею жизнью за предательство и измену других. Я находился в этот момент в запасном дивизионе, но все необходимое для моего перевода на фронт было сделано. Противно было оставаться вблизи от Петербурга, наполненного рваной чернью и солдатней и где все внезапно оказалось в руках жидов. Мы оказались перед полной неспособностью правительства организовать порядок. Призывали на военную службу всех, но не было ни оружия, ни обмундирования. Называли фантастическую цифру – 15 миллионов призванных, но люди эти были в глубоком тылу, под руководством прапорщиков, прошедших 4-месячный курс военной школы и фактически ничего не знавших. Люди эти были либо в отрядах, либо (я видел это собственными глазами) в мундирах мирного времени, гусарских и других. А в окопах артиллерийского офицера, отдавшего приказ выстрелить более 3 или 4 раз в день, как это было положено из-за отсутствия снарядов, предавали военному суду!

Мне представлялось все же, что потерять войну Россия не могла. Если бы немцы продвигались в глубь ее, за отступающей армией, они должны были натолкнуться на народную войну. Пример 1812 года был слишком живой.

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Леонид Александрович
ГОВОРОВ**

*10 (22) февраля 1897 г., дер. Бутырки, ныне Богородского района
Кировской области – 19 марта 1955 г., Москва.
Советский полководец.*

Русский. Из крестьян. Маршал Советского Союза (18 июня 1944). Герой Советского Союза (18.01.1945). В Вооруженных силах с января 1920 г. Член компартии с 1942 г. Несколько месяцев учился в Петроградском политехническом институте на кораблестроительном отделении (1916), окончил Константиновское артиллерийское училище (июнь 1917), Высшие артиллерийские курсы усовершенствования комсостава (1926), Высшие академические курсы при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1930), Военную академию им. М. В. Фрунзе заочно (1932), оперативный факультет той же академии (1933), Академию Генерального штаба РККА (досрочно) (февраль 1938). Владел немецким языком.

На военной службе с 1916 г. Младший офицер отдельной мортирной батареи в Томске. Подпоручик. В марте 1918 г. демобилизован, работал в Елабуге, где жили его родители. В сентябре того же года город был захвачен белогвардейцами. Состоящий на учете как офицер распушенной большевиками старой армии, был, подобно сотням других, мобилизован белыми. Служил год в армии адмирала А. В. Колчака младшим офицером батареи. В октябре 1919 г. с частью солдат бежал в Томск, где в составе боевой рабочей дружины участвовал в восстании против белых. С приходом в Томск частей регулярной Красной армии вступил в ее ряды.

Получил задание сформировать артиллерийский дивизион в составе 51-й стрелковой дивизии, которой командовал В. К. Блюхер. В Гражданскую войну в Каховском и Перекопском боях Говоров был дважды ранен, награжден орденом Красного Знамени. После разгрома войск генерала П. Н. Врангеля до конца 1922 г. участвует в боях по ликвидации бандитизма в Одессе. Помощник начальника артиллерии (1922–1923), начальник артиллерии (1923–1924), командир артиллерийского полка (1924–1929) 51-й Перекопской стрелковой дивизии. Начальник артиллерии 14-го и 15-го артиллерийских корпусов (1929–1931), Рыбинского укрепрайона (1931–1934), начальник отделения артиллерийского управления Киевского ВО (1934–1936).

Старший преподаватель кафедры тактики и огневой подготовки Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского (март 1938 – декабрь 1939). Кандидат воен-

ных наук (1939), доцент (1938). В академии издал научный труд, посвященный теме атаки и прорыва укрепленного района.

Вместе с другими преподавателями принял участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Начальник штаба артиллерии 7-й армии (декабрь 1939 – март 1940).

Участвовал в подготовке и осуществлении артиллерийского обеспечения при прорыве «линии Маннергейма». Начальник разведотдела штаба Ленинградского ВО П. П. Евстигнеев вспоминал: «Его скрупулезность при изучении разведанных по каждому доту и на всем участке прорыва могла утомить даже нас, разведчиков. Настойчив был дьявольски. Сидел часами с лупой, сравнивал с аэрофотоснимками все фотографии дотов, полученные ранее от войсковой разведки. Он был одним из инициаторов разрушения железобетонных дотов огнем орудий самых крупных калибров с максимально близких дистанций – прямой наводкой, чтоб расчистить путь атаке пехоты... Говоров разрабатывал в штабе план артиллерийского обеспечения прорыва...». Прорыв был осуществлен и завершился в феврале 1940 г. штурмом Выборга. После окончания войны Говоров вернулся на преподавательскую работу в академию, но ненадолго.

Заместитель генерал-инспектора артиллерии Главного артиллерийского управления (апрель 1940 – май 1941). Начальник Артиллерийской академии им Ф. Э. Дзержинского (май–июль 1941).

Назначение происходило в драматической для Говорова обстановке, хотя он об этом и не знал. Органы НКВД включили его в список подлежащих аресту, как служившего ранее в армии адмирала А. В. Колчака. И только вмешательство М. И. Калинина спасло Говорова от возможной гибели.

В начале Великой Отечественной войны вступил в должность начальника артиллерии Западного направления (июль 1941). Начальник артиллерии, заместитель командующего войсками Резервного фронта (7 августа – 12 октября 1941), заместитель командующего войсками Можайской линии обороны (ок-

* Продолжение. Начало см. в № 1–4 за 2001 г.; № 1–6 за 2002 г.; № 1–6 за 2003 г.

тябрь 1941), начальник артиллерии Западного фронта (октябрь 1941).

После тяжелого ранения командующего 5-й армией Д. Д. Лелюшенко Военный совет Западного фронта ходатайствовал перед И. В. Сталиным о назначении Говорова командармом-5. Выбор был явно нестандартен. Доверить артиллерийскому генералу командовать общевойсковой армией было делом необычным. И все же Сталин согласился.

Командующий группой войск Ленинградского фронта (21 апреля – 9 июня 1942).

Командующий войсками Ленинградского фронта (9 июня 1942 – 9 июля 1945).

При назначении новому командующему Верховным Главнокомандующим была поставлена задача: «...не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией немцев; превратить Ленинград в абсолютно неприступную крепость; накопить силы внутри блокады для будущих наступательных операций».

Обстановка, сложившаяся под Ленинградом после того, как он был блокирован немецкими войсками, требовала четкого руководства и энергичных действий по разрешению проблем на внешних и внутренних линиях обороны.

Говоров принимал энергичные меры, чтобы облегчить положение блокадного Ленинграда и сковать силы врага. Войска фронта провели ряд наступательных операций. Летом и осенью войска Ленинградского и Волховского фронтов проводили частные наступательные операции (Синявинская), срывая готовившиеся противником планы овладения городом.

Говоров добился создания Ленинградского артиллерийского корпуса контрбатареинной борьбы из разрозненных полков и групп. После этого значительно снизилась интенсивность вражеской стрельбы, поскольку немецкие батареи тут же засекались, определялись их координаты, после чего велся огонь на поражение. К октябрю того же года интенсивность обстрелов уменьшилась в 3–4 раза.

Под Ленинградом зародилось массовое снайперское движение. Оно усилило оборону; также активные боевые действия вели партизаны, отвлекая значительные силы противника с фронта.

12 января 1943 г. войска Ленинградского фронта и часть сил Волховского фронта начали операцию «Искра», 18 января того же года в 9.30 на восточной окраине Рабочего поселка № 1 произошла встреча воинов передовых подразделений Волховского и Ленинградского фронтов, в полдень – у Рабочего поселка № 5, затем на берегу Старо-Ладожского канала у станции Подгорная. Был освобожден Шлиссельбург.

Шел 576-й день войны. Блокада была прорвана.

Эта операция в корне изменила положение защитников Ленинграда. Действительно, прорыв блокады Ленинграда резко изменил обстановку в городе, хотя и узкий прорыв был сделан, тем не менее у стен города стояли полки группы армий «Север», которые обстреливали жилые кварталы из тяжелых орудий. Но ощущение того, что город уже не в кольце, а связан со страной, все резко изменило в жизни ленинградцев.

После нее авторитет Говорова как военачальника значительно поднялся.

22 декабря 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Ленинграда». 3 июня 1943 г. первым она была вручена А. А. Жданову, Л. А. Говорову и отважному летчику П. А. Покрышеву.

В 1944 г. наступательные операции Ленинградского фронта по своему характеру были также операциями прорыва долговременной и глубокой обороны противника. Говоров вкладывал большие усилия в организацию боевой выучки войск. Для операций того года характерны скрытые переброски и внезапное для противника сосредоточение к районам прорыва крупных советских ударных группировок. Так, например, в ноябре–декабре 1943 и январе 1944 гг. для подготовки концентрического удара по двум сходящимся направлениям на Ропшу и Красное Село со стороны Ораниенбаумского плацдарма и с Пулковских высот была проведена переброска через Финский залив целой армии со средствами усиления (2-я ударная армия). Этот маневр обеспечивался Балтийским флотом и был исполнен войсками фронта.

Говоров, проверяя ход переброски войск на плацдарм, добирался туда как самолетом, так и на тральщике. Эта январская операция завершилась не только разгромом крупной немецкой группировки, но и окончательным снятием блокады Ленинграда с выходом войск фронта к Нарве.

27 января (950-й день войны) Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады. Противник был отброшен от города по всему фронту на 65–100 километров.

Хотя 1944 г. и называли «годом решающих побед», говоря о победе под Ленинградом, необходимо подчеркнуть его огромное стратегическое и политическое значение в масштабах не только Великой Отечественной, но и всей Мировой войны.

Честь салютовать той великой победе Москва уступила Ленинграду. Приказ о салюте, в порядке исключения, был подписан не Верховным Главнокомандующим, а Военным советом Ленинградского фронта.

В связи с 60-летием знаменательной даты авторы сочли необходимым ознакомить читателей с этим приказом, который ранее в печати полностью не публиковался. Одновременно с этим мы поздравляем блокадников и жителей блокадного Ленинграда с учреждением 16 декабря 2003 г. постановлением правительства Санкт-Петербурга памятной медали «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады».

ПРИКАЗ

войскам Ленинградского фронта

Товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры войск Ленинградского фронта! Моряки Краснознаменного Балтийского флота! Трудящиеся города Ленина!

Войска Ленинградского фронта в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем фронте под Ленинградом сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорными пунктами противника под Ленинградом: городами КРАСНОЕ СЕЛО, РОПША, УРИЦК, ПУШКИН, ПАВЛОВСК, МГА, УЛЬЯНОВКА, ГАГЧИНА и другими и, успешно раз-

вивая наступление, освободили более 700 населенных пунктов и отбросили противника от Ленинграда по всему фронту на 65–100 километров. Наступление наших войск продолжается.

В ходе наступления нашими войсками разгромлены вражеские войска, державшие Ленинград в осаде, и захвачены большие трофеи.

В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады, и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

В ознаменование одержанной победы и в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады, сегодня 27 января, в 20 часов, город Ленина салютует доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

За отличные боевые действия **ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ** всем войскам фронта и морякам Краснознаменного Балтийского флота, участвовавшим в боях за освобождение Ленинграда от блокады.

Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстаивали наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой преодолели все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы.

От имени войск Ленинградского фронта **ПОЗДРАВЛЯЮ** вас с знаменательным днем великой победы под Ленинградом.

Слава воинам Ленинградского фронта!

Слава трудящимся города Ленина!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за город **ЛЕНИНА**, за свободу и независимость нашей Родины!

Под водительством Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Великого Сталина – вперед, за полное изгнание немецких извергов с нашей земли!

Смерть немецким захватчикам!

Командующий войсками Ленинградского фронта
Генерал армии
Л. Говоров

*Член Военного Совета
Генерал-лейтенант
А. Жданов*

*Член Военного Совета
Генерал-лейтенант*

***А. Кузнецов**
Член Военного Совета
Генерал-майор*

***Н. Соловьев**
Начальник штаба фронта
Генерал-лейтенант*

***Д. Гусев**
27 января 1944 года**

А защитники Ленинграда, торжествуя победу, продолжали наступать. Успешно были проведены Говоровым Красносельско-Ропшинская, Выборгская, Таллинская и Моонзундская операции 1944 г. За умелое командование войсками фронта в битве за Ленинград, успешное проведение ряда наступательных операций, личное мужество Говорову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Авторитет Говорова к концу войны был настолько велик, что, продолжая возглавлять Ленинградский

фронт, он по приказу ставки с 1 октября 1944 г. координировал действия 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, а 2-м Прибалтийским фронтом командовал (9 февраля – 31 марта 1945).

Успех Говорова как командующего фронтом обеспечивали его ближайшие помощники, которые находились на своих должностях практически всю войну, что, к сожалению, было нехарактерно для кадровой политики ставки ВГК.

Быть командующим там, где членом Военного совета (сентябрь 1941 – июль 1944) был второй человек в партии, каковым являлся А. А. Жданов, сложно. Тем не менее у них сложились самые теплые отношения. Начальниками штаба были Д. Н. Гусев (май 1942 – апрель 1944) и М. М. Попов (апрель 1944 – июль 1945), бывший командующий войсками Ленинградского фронта. Руководитель разведотдела П. П. Евстигнеев и начальник инженерного управления Б. В. Бычевский являлись ветеранами округа и фронта. Кстати, и после окончания войны они оставались на своих должностях. Леониду Александровичу повезло и в части командных артиллерийских кадров. Г. Ф. Одинцов, Н. Н. Жданов, И. И. Грен, М. С. Михалкин, В. С. Коробченко, Н. П. Витте и еще много других достойных артиллеристов прошли с ним всю войну.

26 января 1945 Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о награждении города Ленинграда орденом Ленина за выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады. И в том была несомненная заслуга Леонида Александровича Говорова. Он был общепризнанным мастером боевого применения артиллерии, отличался высочайшей организованностью.

Условные фамилии Говорова на фронте: Леонов – до 31 мая 1944 г., с июня 1944 г. – Гаврилов.

Имя Говорова 14 раз отмечалось в приказах Верховного Главнокомандующего.

Участник Парада Победы в Москве 24 июня 1945 г., возглавлял сводный полк Ленинградского фронта.

Командующий войсками Ленинградского военного округа (9 июля 1945 – 27 апреля 1946).

Территорию округа составили Ленинградская, Новгородская, Псковская области, а также как в 1940–1941 гг. – территория Эстонской ССР.

Главный инспектор Сухопутных войск (апрель 1946 – январь 1947), Вооруженных Сил СССР (январь 1947 – май 1950).

Председатель офицерского суда чести над адмиралами Н. Г. Кузнецовым, В. А. Алафузовым, Л. М. Галлером и Г. А. Степановым (январь 1948).

Суд чести признал этих адмиралов виновными в антигосударственных поступках, после чего против них было возбуждено уголовное дело и Военная коллегия Верховного Суда СССР их осудила. 11 мая 1953 г. приговор был отменен, а адмиралы реабилитированы.

По свидетельству адмирала Н. Г. Кузнецова, Говоров был назначен на эту должность будучи больным и переживал все происходящее, тем более он был пешкой в той большой игре. «...В данном случае бе-

* Ленингр. правда. 1944. 28 янв.

зусловно честный человек Л. А. Говоров не посмел возражать, зная позицию Сталина и Булганина» (Кузнецов Н. Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995. С. 30).

Командующий (июль 1948 – июль 1952), главнокомандующий (май 1954 – март 1955) Войсками ПВО страны, заместитель министра Вооруженных Сил СССР (апрель 1946 – июль 1948), заместитель военного министра (с марта 1953 – министра обороны) СССР (май 1950 – май 1955; по боевой подготовке – июль 1952 – апрель 1953), главный инспектор МО СССР (апрель 1953 – май 1954). Ряд должностей Говоров занимал одновременно.

Генерал-майор артиллерии (4 июня 1940), генерал-лейтенант артиллерии (19 ноября 1941), генерал-полковник (15 января 1943), генерал армии (17 ноября 1943).

Депутат Верховного Совета СССР 2-го – 4-го созывов.

Награжден пятью орденами Ленина (1941, 1942, 1945 – 2, 1947), тремя орденами Красного Знамени (1920, 1944, 1950), двумя орденами Суворова I степени (1943, 1944), орденом Кутузова I степени (1944), орденом Красной Звезды (1940), медалями, Орденом

Республики Тувинской Народной Республики (1942) и другими иностранными орденами. Кавалер высшего ордена «Победа» (1945).

Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Некролог: Красная звезда. 1955. 21 марта.

Памятник Говорову был открыт 25 января 1999 г. в Петербурге на площади Стачек у триумфальных Нарвских ворот. При создании памятника использована прижизненная гипсовая статуя маршала; одна из улиц города носит его имя. На стене здания Военной академии им. М. В. Фрунзе установлена мемориальная доска с его именем; 21 марта 1955 Военной инженерной радиотехнической академии противовоздушной обороны присвоено имя Л. А. Говорова (г. Харьков). В 1991 г. академия вошла в состав Вооруженных Сил Украины.

Сыновья маршала: Владимир Леонидович (род. 1924), участник Великой Отечественной войны на Ленинградском фронте, командир взвода, роты. Генерал армии (1977). Герой Советского Союза (1984), председатель Российского комитета ветеранов войны и военной службы с июля 1994 г.; Сергей Леонидович (род. 1944), полковник.

Сочинения:

В боях за Ленинград // На страже Родины. 1942. 22 июня. № 152.

В боях за город Ленина: Ст. 1941–1945. Л., 1945.

Выступление на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 12(1). М., 1993. С. 241–244.

За великий Ленинград! // Ленингр. правда. 1943. 7 нояб. № 264.

За родной Ленинград! // На страже Родины. 1942. 7 нояб. № 270.

Полтора года боев за Ленинград // На страже Родины. 1943. 23 февр. № 44.

Литература:

Адмирал Кузнецов. Москва в жизни и судьбе флотоводца. М., 2000.

Бычевский Б. В. Командующий фронтом. М., 1973.

Бессмертный подвиг Ленинграда. Круглый стол военных историков // Красная звезда. 2004. 24 янв.

Великанов Е., Голотюк В. Главком ПВО № 1 // Артиллерийский сб. 1997. № 4. С. 72–76.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Воен.-ист. очерки: В 4 кн. М., 1995. Кн. 1: Суровые испытания.

Верг А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967.

Гареев М. Красная звезда. 2000. 23 марта.

Герои войны. Таллинн, 1984. С. 84–85.

Герои огненных лет. М., 1980. Кн. 4. С. 344–355.

Герои Советского Союза – наши земляки. Казань, 1982. Кн. 1. С. 129–132.

Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2000. См. имен. указ.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. 13-е изд., испр. и доп. по рукописям автора. М., 2002. См. имен. указ.

Жуков Г. К. Стенограмма октябрьского (1951 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Июнь 1941 – май 1945: О подвиге Ленинграда строками хроники / Сост. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1989.

Ковальчук В. М. Дорога победы осажденного Ленинграда. Л., 1984.

Котловуев Н. Н. Маршал Советского Союза Говоров // Воен. мысль. 1987. № 2. С. 54–65.

Ленинград в осаде. СПб., 1995.

Ленинград выстоял и победил. М., 2004.

Лященко Н. Г. Маршал Советского Союза Л. А. Говоров // Воен.-ист. журн. 1987. № 2. С. 43–51.

Маршал Говоров: Сб. к 100-летию со дня рождения. М., 1997.

Мерцалов А., Мерйалова Л. Сталинизм и война. М., 1998.

Ортенберг Д. Время не властно. Писатели на войне. 2-е изд., расшир. и доп. М., 1979. С. 604–613.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975.

Рубцов Ю. Жезлы на эполетах и гербы на погонах. М., 2002. С. 324–332.

Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1941 год.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). М., 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М., 1999.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941. Т. 16 (5–1). М., 1996; Т. 16 (5–2). М., 1996.

Тарасов М. Я. Разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом // Воен.-ист. журн. 2004. № 1–2.

Фролов М.И. Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944 гг.: Монография. СПб., 2003.

Хорьков А. Г. Говоров // Коммунист Вооруж. Сил. 1990. № 4. С. 72–77.

Сведения об авторах

ВЕСЕЛОВ Евгений Иванович – заслуженный педагог РФ, полковник медицинской службы запаса, преподаватель кафедры ОТМС Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

ГУЖИЕВА Надежда Викторовна – кандидат филологических наук.

ДЕГТЯРЕВА Раиса Васильевна – доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ИВАНЕНКОВ Николай Максимович – глава муниципального образования г. Красное Село.

ИВАНОВА Татьяна Константиновна – кандидат геолого-минералогических наук, член правления Общества возрождения Петергофа.

КАЛЁНОВ Павел Александрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук.

КАЛИНИНА Инна Владимировна – экскурсовод фирмы «ВТ-Сервис».

КЕРЗУМ Андрей Павлович – главный библиограф информационно-библиографического отдела Российской национальной библиотеки.

КРЮЧКОВ Олег Алексеевич – майор медицинской службы, адъюнкт кафедры ОТМС Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

КУЗЬМИНА Людмила Ивановна – кандидат филологических наук.

ЛЕЙКИН Николай Александрович (1841–1906) – писатель.

ЛИТВИНОВ Алексей Алексеевич (1890–1972) – офицер Русской армии, эмигрант.

ЛОПАТИН Алексей Августович – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Российского института истории искусств.

ЛУЖБИН Андрей Викторович – аспирант кафедры истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета.

ЛУКИРСКИЙ Александр Николаевич – магистр истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Государственного мемориального музея А. В. Суворова.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович – военный историк.

МАЛАШЕВСКАЯ Лариса Анатольевна – научный сотрудник отдела рукописей Государственного Русского музея.

МАЛЫШЕВ Станислав Анатольевич – экскурсовод ООО «Драйвер».

МИРОНОВА Наталия Владимировна – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

МУРАЕВ Владимир Евгеньевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

НИКОЛАЕВА Тамара Ивановна – заместитель начальника научного отдела Государственной инспекции охраны памятников.

ПЕТРОВ Юрий Николаевич – кандидат медицинских наук, преподаватель Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

ШАДРОВА Валерия Михайловна – кандидат филологических наук.

История Петербурга журнал

№ 2 (18) 2004

Корректор *Т. В. Королева*

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е. А. Тальянова*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 5.04.2004. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 1228